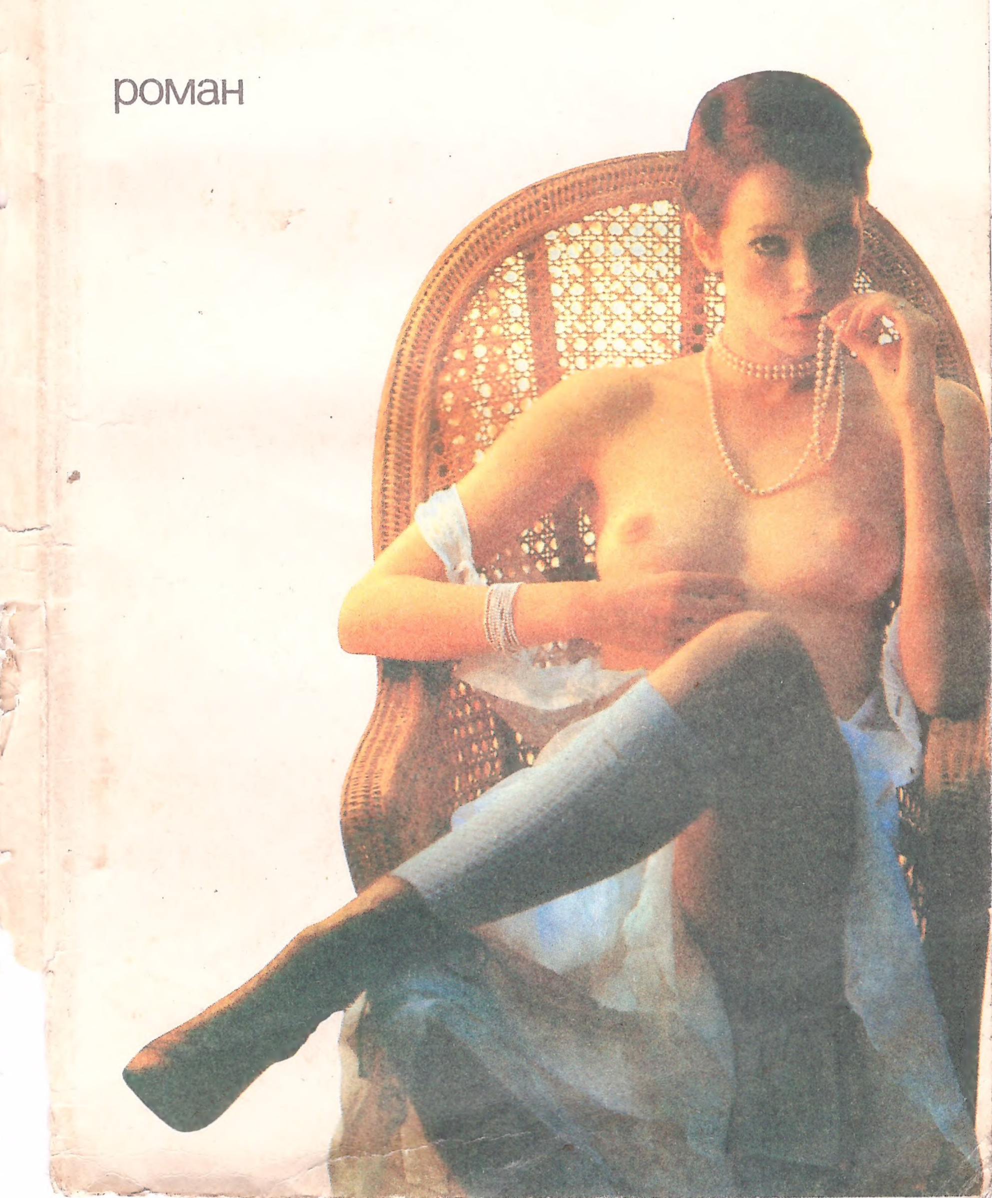
Эммануэль Арсан

Эммануэла

роман

Эммануэль Арсан

Эммануэла

роман

Перевод с французского

КИЕВ
РИФ "ДЗВIН"
1992

ББК 84.4Фр
А85

Арсан Э.

А85 Эммануэла: Роман: Пер. с фр. — К.: РИФ «Дзвін», 1992. — 175 с.
ISBN 5-87920-001-9.

Эротическая канва романа увлекает читателя в захватывающий мир прославления человека, освободившегося от оков рабства и подчинения.

Книга для взрослых.

А $\frac{4703010100-1}{92}$

ББК 84.4Фр

ISBN 5-87920-001-9

ЖАНУ

Нет в этом мире нашей расы,
И мир еще не сотворен,
Не созданы вещей основы,
И смысл житья не объявлен.

Антонен Арто

«Может женщины в твоих историях —
желанный плод твоих сказочных чувств...»

Малларме
«Послеполуденный отдых Фавна»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ЛЕТЯЩИЙ ЕДИНОРОГ»

Венера знает тысячи способов наслаждаться, но самый простой, наименее утомительный — лежа полусклонившись на правом боку.

Овидий, «Искусство любить»

В Лондоне Эммануэла садится в самолет, который должен отвезти ее в Бангкок. Впервые попав в такую обстановку, она улавливает только запах новой кожи, подобный тому, который сохраняют английские автомобили после многолетнего пользования, толщину и спокойствие ковра, свет из другого мира.

Она не понимает, что ей говорит с улыбкой сопровождающий мужчина, но это не беспокоит ее. Может быть сердце бьется быстрее, но это не боязнь, а лишь чувство растерянности в непривычной обстановке. Голубая форма, знаки внимания, авторитет служителей, которые обязаны принять и удобно устроить пассажира — все вселяет чувство уверенности и эйфории. Она даже не пытается вникнуть в таинство ритуалов, которые ее заставили исполнить перед стойками, но знает, что их цель — дать ей соприкоснуться с миром, в который она окунется на двенадцать часов жизни: это мир с собственными законами, отличными от известных правил, которые, может быть, сковывают, но поэтому и гораздо приятнее. В начале прозрачного полдня английского лета эта крылатая конструкция из металла, изогнутая и замкнутая, сразу огра-

ничивает привычные жесты и волю. Настороженность свободы сменяется досугом и душевным покоем повиновения.

Ей указывают место — ближайшее к перегородке. Но она целиком обтянута тканью, иллюминаторов нет; путешественница не будет видеть ничего, кроме этой шелковистой стены. Какое ей дело в конце концов! Ей хочется только отдаться во власть этих глубоких кресел, застыть в их пушистых руках, прислонившись к мшистому плечу, к их ногам сирен.

Однако она еще не смеет вытянуться, как предлагает ей стюард, показывая, как надо сдвинуть рычаги, чтобы опустить спинку. Он нажимает на кнопку, и луч света очерчивает светлый эллипс на коленях пассажирки.

Подходит стюардесса. Руки ее взлетают, ставя на полку над креслами легкую кожаную сумку цвета меда, которую Эммануэла только и взяла как ручной багаж, так как не думает переодеваться во время полета, не собирается ни читать, ни писать. Стюардесса говорит по-французски и чувство полуглухоты, которое испытывала иностранка последние два дня (она прибыла в Лондон лишь накануне), рассеивается.

Девушка склоняется к ней, и ее белокурые волосы еще больше оттеняют темные длинные волосы Эммануэлы. Обе одеты почти одинаково: на одной синяя юбка и белая кофточка, на другой узкая шелковая юбка и блузка из шантуни. Но бюстгальтер, заметный сквозь кофточку англичанки, хоть и очень легкий, лишает ее силуэт той подвижности, по которой можно угадать, что грудь Эммануэлы под блузкой свободна. В то время как правила авиакомпании принуждают первую высоко застегнуть воротник, вырез блузки второй приоткрыт настолько, что при небрежном жесте или при случайном порыве воздуха внимательный наблюдатель может заметить очертания груди.

Эммануэла счастлива, что стюардесса молода и что их глаза, усеянные маленькими золотистыми искорками, так похожи.

«Последняя кабина — самая близкая к хвосту», — доносится до нее голос стюардессы. В любом другом самолете на этом месте Эммануэлу бы трясло, но (тут голос девушки исполнился гордостью) на борту «Летящего единорога» комфорт везде одинаковый, по крайней мере (поправляется она) в кабинах «люкс», так как, очевидно, пассажиры туристического класса не облагодетельствованы ни таким простором вокруг, ни такими мягкими сиденьями, ни интимностью бархатных занавесок между рядами кресел.

Эммануэла не стыдится ни привилегий ни целого состояния, затраченного на то, чтобы все это обеспечить. Наоборот, она испытывает почти физическое наслаждение при мысли об избытке внимания, которым окружена.

Сейчас стюардесса расхваливает обстановку в туалетных салонах, которые она покажет своей пассажирке, как только начнется полет. Они расположены в достаточном количестве в разных местах самолета, так что Эммануэла может не опасаться, что прохо-

дящие туда-сюда обеспокоят ее. При желании она не встретит никого, кроме троих соседей по кабине. Но если, наоборот, она предпочтет немного пообщаться, ей будет легко познакомиться с другими пассажирами, гуляя по коридорам или присев у бара. Желает ли она что-нибудь почитать?

— Нет, — отвечает Эммануэла. — Спасибо, вы очень любезны, однако сейчас мне не хочется читать.

Она перебирает в уме, о чем бы спросить, чтобы доставить стюардессе удовольствие. Поинтересоваться самолетом? С какой скоростью он летит?

— В среднем более, чем тысяча километров в час; а запас топлива достаточный, чтобы без посадки лететь целых шесть часов. Так что путешествие Эммануэлы с одной единственной посадкой продлится чуть больше, чем полдня. Но так как она, очевидно, потеряет время, летя в ту же сторону, в которую вращается Земля, она прилетит в Бангкок не раньше девяти утра завтрашнего дня по местному времени. Вообще у нее хватит времени лишь на то, чтобы пообедать, поспать и проснуться.

Два подростка, мальчик и девочка, настолько похожие друг на друга, что их можно принять за близнецов, раздвигают занавеску. С первого взгляда Эммануэла замечает внешнюю неуклюжесть английских школьников, русые почти рыжие волосы, напускную холодность и надменность, с которыми они обращаются к сотруднику компании, словно сплевывая короткие слова. Несмотря на то что они кажутся не старше двенадцати-тринадцати лет, уверенность, с которой они себя ведут, устанавливает между ними и служителем дистанцию, которую тот и не пытается преодолеть. Они не спеша устраиваются в креслах, отделенных от Эммануэлы проходом. Прежде чем она успела рассмотреть их подробно, входит последний из четырех пассажиров кабины, и внимание девушки переключается на него.

Не менее чем на голову выше ее, решительно очерченный нос и подбородок, черные усы и волосы. Он улыбается Эммануэле, чуть склонившись над ней, чтобы поставить портфель из мягкой, темной, приятно пахнувшей кожи. Эммануэле нравится его костюм янтарного цвета и светлая рубашка. Она решает, что он элегантен и хорошо воспитан, что в общем и составляет главные достоинства, которые можно желать от соседа по кабине.

Она пробует угадать его возраст: лет сорок-пятьдесят? Он должно быть хорошо пожил — об этом говорят морщины в уголках его глаз... Его присутствие приятнее, чем компания этих маленьких высокомерных учащихся колледжа, думает она. Но сразу же подсмеивается над собой. Над этой симпатией и скороспелой неприязнью. Какой смысл, на одну ночь!..

Скоро она уже почти забывает детей и мужчину, чтобы дать волю чувству гнева, которое вот уже несколько мгновений плавает в ее сознании, снижая в известной степени удовольствие от взлета: стюардесса, воспользовавшись движением, которое создали входя-

щие, удалилась, и Эммануэла заметила сквозь приоткрывшийся занавес, как голубые бедра прижались к невидимому пассажиру. Она упрекает себя за эту ревность, пробует отвести взгляд. Бог знает откуда пришедшая фраза носится в голове скорбным мотивом церковного песнопения: «В забвении и одиночестве». Она стряхивает наваждение, черные волосы хлещут по щекам, струятся по лицу. Но молодая англичанка выпрямляется, поворачивает в хвост самолета, появляется между занавесками, раздвигая их обеими руками и вот она уже рядом с Эммануэлой.

— Хотите, я вам представлю ваших попутчиков? — спрашивает она и, не ожидая ответа, называет имя мужчины.

Эммануэле кажется, что она слышит «Эйзенхауер», это ее смешит, и она не успевает разобрать имена близнецов.

Мужчина обращается к ней. Как понять, что он говорит?

Стюардесса видит замешательство Эммануэлы, спрашивает что-то у своих соотечественников, смеется, показывая кончик языка.

— Довольно досадно, — говорит она. — Никто из них не знает ни слова по-французски. Хороший случай освежить ваш английский.

Эммануэла хочет возразить, но девушка уже повернулась, сделав пальчиками в адрес пассажиров загадочный и грациозный знак. Эммануэла снова возвращается в одиночество. Ей хочется надуться и потерять интерес ко всему.

Сосед настаивает и старательно произносит фразы, пытаясь своим доброжелательством заставить ее улыбнуться. Детским голосом, с кислой гримасой сожаления она доверительно сообщает: «Ничего не понимаю!», и он покорно умолкает.

Вдруг оживает спрятанный в складках драпировки громкоговоритель. После того, как английский диктор умолкает, Эммануэла узнает голос своей стюардессы, чуть измененный усилителем, которая говорит по-французски (для нее — думает она). Стюардесса приветствует пассажиров с прибытием на борт «Единорога», сообщает время и состав экипажа, говорит, что взлет состоится через несколько минут, что предохранительные ремни должны быть застегнуты (тут внезапно появляется стюард, чтобы собственноручно подогнать ремень Эммануэлы) и что пассажиров просят не курить и не вставать с мест, пока не погаснет красный свет.

Дрожь шумонепроницаемой переборки, чуть громче бормотания, передает пробуждение реактивных двигателей. Эммануэла даже не замечает, что самолет выруливает на взлетную полосу. Пройдет довольно много времени, пока она поймет, что летит.

Она угадывает это, лишь когда гаснет красный свет и мужчина жестами предлагает ей убрать пиджак, который она неизвестно зачем держала на коленях. Она соглашается. Уже появляется стюард со стаканами на подносе. Эммануэла выбирает коктейль, цвет которого вроде бы ей знаком, но оказывается это не то, что она ожидала, а нечто более крепкое.

* * *

Невидимое за шелковой перегородкой прошло время, которое в привычной жизни называется «послеобеденным». Эммануэла только и успела погрызть печенье, выпить чай, полистать, не читая, журнал, который ей предложила стюардесса (второй она отказалась взять, чтобы не отвлекаться от нового переживания «лететь»).

Чуть позже перед ней поставили маленький поднос и подали многочисленные, трудно узнаваемые блюда в посуде необычной формы. В углублении на подносе была закреплена четвертушка шампанского и Эммануэла наполнила до краев миниатюрный фужер. Ей показалось, что этот маленький ужин длится часами, но не хотелось, чтобы он кончился, настолько понравилась ей новая игра. Появились многочисленные десерты, кофе в кукольных чашечках, ликеры в огромных стаканах. Когда пришли убирать со стола, Эммануэла уже была уверена, что достаточно хорошо вкушает сладости жизни.

Она чувствовала себя легко, правда, слегка клонило в сон. Заметила, что даже неприязнь к близнецам исчезла. Стюардесса ходила туда-сюда, не пропуская момента отпустить ей на ходу веселое словечко. Пока ее не было, Эммануэла терпеливо ждала.

Она спрашивала себя, который час и не пора ли спать. Но разве она не была вольна спать в любое время в этой крылатой колыбели, так далеко от поверхности земли, достигнув той части пространства, где нет ни ветра, ни облаков и где Эммануэла даже не была уверена, что существуют день и ночь.

* * *

По голым коленям Эммануэлы струится золотистый свет из плафонов. Юбка ползет вверх, и глаза мужчины смотрят на ее оголенные ноги.

Она осознает, что ее колени тянутся к этому взгляду, чтобы он насладился ими. Но разве может она показаться смешной и прикрыть их — да и потом, как она это сделает? Юбка не станет длиннее. Впрочем, зачем ей вдруг стыдиться своих коленей, ей, которая обыкновенно любит оставлять их игриво выглядывать из-под платья. Под невидимым нейлоном движение ямочек прерывает проворными тенями ровный цвет их кожи, напоминающий цвет подгоревшего хлеба. Ей знаком трепет, который они порождают. Прижатые одно к другому, они кажутся еще более голыми под светом прожектора, как после полуночного купания; глядя на них, она сама в этот момент чувствует, как пульс сильнее бьется в висках и губы наливаются кровью. Вскоре ее ресницы прикрываются и Эммануэла видит себя не частично, а уже целиком раздетой и отдается этому нарциссическому созерцанию, зная, что оказывается перед ним беззащитной.

* * *

Она устояла, но лишь для того, чтобы лучше, постепенно почувствовать наслаждение отдачи. Вначале появилась рассеянная истома, теплое осязание всего тела, желание расслабиться, раскрыться, чувство полноты, еще без точной мысли, без определенного волнения, ничего больше, чем то физическое удовольствие, которое бы она почувствовала, вытянувшись на солнце на теплом песке пляжа. Постепенно, в то время как ее губы начинали блестеть, грудь наполнялась и ноги вытягивались, чувствительные к любому прикосновению, в голове вырисовывались, вначале почти бесформенные, бессвязные образы, от которых увлажнялось влагалище и изгибалась талия.

Приглушенные вибрации металлической обшивки, почти неощутимые, но непрестанные, настраивали Эммануэлу на их частоту, искали гармонию с ритмами ее тела. Вдоль ее ног, начиная с колен (воображаемого эпицентра этого неопределенного чувственного трепета), поднималась волна, неумолимо передавалась на поверхность бедер и выше, заставляя Эммануэлу содрогаться.

Теперь набегали навязчивые видения: губы, прикасающиеся к ее коже, органы мужчины и женщины (с неясными лицами), член (устремленный в желании прикоснуться, прижаться к ней, проложить себе путь между ее коленями, раздвигая ее ноги, раскрывая ее утробу, проникая с силой внутрь), все это переполняло ее. Движения не прекращались: не возвращаясь назад, они углублялись в неизвестность тела Эммануэлы по тесному пути, который неустанно повторяли вновь и вновь, и казалось, что никогда не будет конца их ходу, продвигаясь бесконечно внутрь ее, пресыщая ее плотью и вливая в нее свой сок.

Стюардесса подумала, что Эммануэла спит, и осторожно опустила спинку, превращая кресло в кушетку. Она накинула на длинные ноги Эммануэлы, которые при опускании кресла приоткрылись до середины бедер, одеяло из кашемира.

Мужчина поднялся и опустил свое кресло до уровня кресла своей соседки по кабине. Дети уснули. Стюардесса пожелала кому-то за перегородкой спокойной ночи и приглушила свет. Только два сиреневых ночника не давали предметам и людям совсем потерять очертания.

Не открывая глаз, Эммануэла доверилась заботам, которыми ее окружали. При всем этом движении ее желание осталось таким же сильным и невоздержанным. Теперь очень медленно, задерживаясь, ее рука ползла вдоль живота, под легким одеялом, которое вздувалось при движении, и остановилась на уровне лобка. Но кто мог увидеть ее в этом полумраке. Кончиками пальцев она ощупывала, разрывала гибкий шелк юбки, теснота которой мешала ее ногам раздвинуться; с усилием они растягивали материю; наконец успели настолько, что через тонкую ткань пальцы смогли почувствовать возбужденный бутон плоти, который искали, и нажали с нежностью на него.

На несколько секунд Эммануэла заставила овации в своем теле умолкнуть. Пробовала оттянуть конец. Но скоро, не выдержав больше, начала с приглушенным стоном придавать среднему пальцу частые легкие импульсы, которые должны были привести к оргазму. Почти сразу рука мужчины легла на ее руку.

Потеряв дыхание, Эммануэла чувствовала, что ее мускулы и нервы сжимаются в комок, как будто всплеск ледяной воды хлестнул ее по животу. Она осталась неподвижной, не то что бы лишенная чувств, но все чувства и мысли замерли, как фильм, чье прокручивание остановили, не затемнив картину. Она не испытывала страха и, собственно говоря, не была потрясена. Она даже не чувствовала себя взятой с поличным. В действительности в этот момент она не была способна оценить ни поступок мужчины, ни собственное поведение. Она отметила происшедшее, потом ее сознание застыло. Сейчас она, очевидно, ждала, как продолжатся прерванные мечты.

Рука мужчины не шевелилась. Тем не менее она не была пассивной. Собственным весом она давила клитор, на котором лежала рука Эммануэлы. Довольно долго не происходило ничего другого.

Потом Эммануэла почувствовала, что другая рука приподняла и откинула одеяло, чтобы непринужденно охватить ее колено, ощупывая его впадины и выпуклости. Впрочем, она не задержалась там и медленным движением поднялась по бедру, достигнув скоро края чулка.

Когда в первый раз рука коснулась ее голой кожи, Эммануэла вздрогнула и ей захотелось сбросить колдовство. Но так как она не знала точно, что хочет сделать, а руки мужчины казались слишком сильными, чтобы она могла освободиться из их плена, она не сделала ничего. Только неловко приподнявшись положила, словно для защиты, свободную руку на живот и повернулась на бок. Она отдавала себе отчет, что было бы гораздо проще и удобнее сжать ноги, но необъяснимо почему этот жест показался ей вдруг таким неподходящим и таким смехотворным, что она не посмела это сделать и ограничилась всего навсего отказом от ведущей роли в ситуации, смущавшей ее, оставаясь во власти оцепенения, которое она смогла превозмочь лишь на короткое мгновение, причем довольно смешным образом.

Вдруг руки мужчины оставили ее, словно хотели дать Эммануэле урок за этот тщетный бунт... Но она не успела даже спросить себя, что означает это внезапное решение, как руки снова были на ней, в этот раз на уровне талии, уверенные, быстрые, расстегнули застежку юбки, опустили молнию, стянули ткань с бедер на колени. Потом они снова поползли наверх. Одна из них проникла под трусики Эммануэлы (легкие и прозрачные, как и все белье, которое она обычно носила — не такое уж многочисленное, по правде говоря: подвязки, никогда бюстгальтер или корсет, несмотря на то, что в лавках пригорода Сент-Оноре, где она покупала свое белье, разные продавщицы — блондинки и брюнетки, красивые и полуреальные, стано-

вились на колени к ее ногам, восхищаясь их длиной, примеряя на ней многочисленные модели бюстгалтеров с бретельками и без бретелек, корсетов, поясов, штанишек, а их грациозные пальцы скользили по ее груди, бедрам, они терпеливо ласкали ее повторяющимися гибкими движениями, пока глаза Эммануэлы не прикрывались и она, тихо сгибая колени, не опускалась на мягкий пол, словно падающий парус, открытая, теплая, отдающаяся совершенному и удовлетворяющему искусству рук и губ).

Тело Эммануэлы снова заняло положение, из которого минуту назад ее вывела безуспешная попытка защититься. Мужчина погладил ладонью ее плоский мускулистый живот точно над выпуклостью лобка так, как гладят шею чистокровной лошади. Его пальцы пробежали по складкам под животом, потом по верхней границе над волосами, очерчивая стороны треугольника, как будто оценивая его площадь. Нижний угол был очень открытым, форма довольно редкая, но тем не менее увековеченная в греческих скульптурах.

Когда рука, пробегающая по животу Эммануэлы, насытилась пропорциями, она заставила бедра раскрыться еще; юбка вокруг колен стесняла их движения, однако, они подчинились, раздвинувшись насколько возможно. Рука охватила ладонью теплый орган Эммануэлы, лаская его неторопливо, словно успокаивая движением, которое следовало за очертанием губ, вначале погружаясь между ними легко, чтобы задеть клитор и остановиться, отдыхая, на густых завитках лобка. При каждом следующем пассаже между ногами, которые, освобождаясь от юбки, раздвигались все шире, пальцы мужчины начинали свой путь еще ниже, погружались все глубже во влажные губы. Иногда вдруг по капризу или по расчету, они замедляли свое движение, притворно раздумывая, по мере того как напряжение Эммануэлы росло. Кусая губы, чтобы сдержать всхлипывания, подступающие к горлу, она задыхалась в желании восторга, к которому мужчина хотел как бы бесконечно приближать ее и никогда не достигнуть.

Одной-единственной рукой он играл ее телом в ритме, который нравился ему, пренебрегая ее грудью, ее губами; казалось ему не хотелось ни поцеловать ее, ни обнять, равнодушный и отдаленный в созданном им неполном сладострастии. Эммануэла мотала головой влево и вправо, издавала приглушенные звуки, напоминающие молитву. Ее глаза приоткрывались и искали лицо мужчины. В них блестели слезы.

Тогда его рука остановилась, охватив ладонью всю часть тела Эммануэлы, которую только что заставила пылать. Мужчина склонился над ней, взял другой рукой ее руку и, притянув к себе, засунул себе под одежду. Он помог ее пальцам охватить твердый член и направлял ее движения, настраивая их амплитуду и ритм по своему вкусу, сдерживая или ускоряя по мере своего возбуждения, пока не убедился, что может довериться интуиции и желанию Эммануэлы сделать ему приятное, и оставил ее закончить на свой

манер манипуляцию, к которой вначале она отнеслась неосознанно и с детской покорностью, но постепенно усовершенствовала с неожиданной старательностью.

Эммануэла подалась вперед так, чтобы рука лучше выполняла свое действие, мужчина, в свою очередь, приблизился, чтобы обрызгать Эммануэлу спермой, которая, он чувствовал это, вот-вот хлынет из его желез. Однако он смог еще довольно долго сдерживаться, пока пальцы Эммануэлы двигались вверх-вниз, все менее застенчивые, по мере того как ласка продолжалась, не ограничиваясь обыкновенным движением, вдруг искусно приоткрывались, чтобы скользнуть по длине большой вздутой вены, по изгибу члена, неуловимо царапая кожу наманикюренными ногтями, спускаясь как можно ниже — так близко к тестикулам, насколько позволяла теснота брюк, затем возвращались со сладостным сжатием, пока складки подвижной кожи во влажной ладони скрывали конец члена, которого, казалось, они никогда не достигнут, настолько он увеличивался. Там, очень сильно сжимаясь, рука снова направлялась к нижней части члена, обтягивая кожу, то сжимая постепенно разбухающую плоть, то ослабляя нажим, едва касаясь слизистой оболочки, дразня ее, массажируя спокойным движением запястья или раздражая короткими беспощадными толчками... Член разгорелся, удвоив размеры, грозя, как ей казалось, взорваться.

С каким-то странным восторгом Эммануэла почувствовала на руках, на животе, на шее, на лице, на губах, в волосах длинные благоухающие белые струи, которые выбрасывал, наконец, удовлетворенный член. Казалось, они никогда не иссякнут. Почувствовав как они текут в ее горле, она пила их. Какое-то незнакомое опьянение овладевало ею. Наслаждение, лишенное стыда. Как только она уронила руку, мужчина, охватив кончиками пальцев клитор Эммануэлы, доставил ей высшее наслаждение.

Гудение громкоговорителей подсказывало, что сейчас последует сообщение. Голос стюардессы, сознательно приглушенный, чтобы не разбудить пассажиров слишком внезапно, сообщил, что самолет приземлится в Бахрейне минут через двадцать. Снова они взлетят в полночь по местному времени. В зале аэропорта будет подан завтрак.

Постепенно, имитируя замедленность восхода солнца, в кабине снова появился свет. Эммануэла вытерла сперму, которой была забрызгана, сползшим к ее ногам одеялом. Подняла юбку, прикрыла бедра. Когда вошла стюардесса, Эммануэла, сидя на кушетке, спинку которой она еще не успела поднять, пробовала привести себя в порядок.

— Вы хорошо поспали? — весело спросила девушка.

Эммануэла, наконец, застегнула свой пояс.

— Моя кофточка совсем измялась, — сказала она.

Она смотрела на влажные пятна, которые виднелись по обе стороны выреза воротника. Загнула отвороты корсажа и показался

алый верх одной из ее грудей. Отворот так и остался открытым, а взгляды четырех англичан были прикованы к выпуклому рисунку обнаженной груди.

— Вам не во что переодеться? — спросила стюардесса.

— Нет, — сказала Эммануэла.

Скорчив гримасу, она едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Взгляды обеих женщин заговорщицки встретились, они испытывали одинаковое смущение. Мужчина смотрел на них. На его костюме не было ни одной лишней складки, рубашка была так же чиста, как и при взлете, галстук даже не сбился.

— Пойдемте со мной, — решила стюардесса.

Эммануэла поднялась, обошла соседа (места было достаточно) и последовала за молодой англичанкой в туалет, весь в зеркалах, пуфах, в обшивке из белой кожи, со столиками, уставленными стекляшками и баночками.

— Подождите меня!

Стюардесса ускользнула и вернулась через несколько минут с маленьким чемоданчиком в руках; подняв крышку, она вынула из миниатюрного отделения свитер цвета опавшей листвы, связанный из синтетики, шерсти и шелка, такой легкий, что он умещался весь в ее ладони. Когда она встряхнула его — вдруг вздулся перед очарованной Эммануэлой.

— Вы одалживаете мне его? — спросила она.

— Нет, я хочу сделать вам подарок. Я уверена, что он очень вам подойдет: это ваш стиль.

— Но...

Стюардесса прижала палец к ее губам, округлившимся в знак протеста. Ее нежные глаза сверкали. Эммануэла не могла оторвать от них взгляда. Она приблизила к ним лицо. Но стюардесса уже отскочила и протягивала ей одеколон:

— Протритесь этим, это мужские духи.

Пассажирка освежила лицо, руки, шею, провела между грудями тампоном ваты, пропитанным мускусной жидкостью, потом, одумавшись, быстро расстегнула последние пуговицы на блузке.

Отведя руки назад, она упустила на белый ковер шелковую блузку и вздохнула полной грудью, внезапно ошеломленная своей полунаготой. Повернувшись к стюардессе, она посмотрела на нее с нежным ликованием. Та наклонилась, чтобы подобрать скомканную кофточку и прижала ее к лицу:

— О! Как хорошо пахнет! — воскликнула она, смеясь лукаво.

Эммануэла растерялась. Воспоминание о невероятной сцене, происшедшей час назад, казалось ей неуместным в этот момент. Единственная мысль, вертевшаяся в ее голове, как в клетке, была — освободиться от юбки, от чулок, остаться совершенно голой перед этой красивой девушкой. Пальцы играли застежкой пояса.

— Какие у вас густые и черные волосы! — воскликнула стюардесса, развлекаясь тем, что скользила щеткой по кудрям Эммануэлы, прикрывавшим ее голую спину ниже талии. — Ка-

кой блеск! Прямо шелковые. Хотела бы я иметь такие же красивые волосы.

— Но мне нравятся ваши, — запротестовала Эммануэла.

О! Если бы ее спутница захотела бы тоже раздеться! Она так желала этого, что ее голос охрип. Она взмолилась:

— Нельзя ли принять ванну в этом самолете?

— Конечно можно. Но будет лучше подождать: ванные комнаты при промежуточной посадке еще более комфортабельные. А впрочем, у вас нет времени, через пять минут мы садимся.

Эммануэла не могла уступить. Ее губы дрожали. Она потянула за молнию юбки.

— Поспешите надеть этот чудный свитер, — настаивала молодая англичанка, протягивая его Эммануэле.

Она помогла ей просунуть голову в тесный вырез. Эластичное трико было таким тонким и плотно облегающим, что верхи грудей рельефно выделялись, видимые так отчетливо, словно не было на них свитера, а были просто покрашены в рыжий цвет. Стюардесса как будто впервые заметила их.

— Какая вы соблазнительная, — воскликнула она.

И, смеясь, прикоснулась указательным пальцем к одному из острых сосков, словно нажимая на кнопку звонка. Глаза Эммануэлы заискрились:

— Это правда, — спросила она, — что все стюардессы девственницы?

Девушка разразилась смехом как певчая птичка, потом, прежде чем Эммануэла успела отреагировать, открыла дверь, увлекая пассажирку.

— Быстро займите свое место! Зажегся красный свет. Будем садиться.

Но Эммануэла хмурилась. Она не имела ни малейшего желания, ко всему прочему, оказаться рядом со своим соседом по кабине.

* * *

Промежуточная посадка показалась ей довольно тяжелой. Зачем знать, что находишься на арабском острове, если не видишь ничего? Асептический, хромированный аэропорт, слишком резко освещенный, холодный, непроницаемый, бесшумный, странно напоминал интерьер искусственного спутника, который как раз в этот момент показывали в телевизионных новостях на экране в зале ожидания. Эммануэла искупалась, выпила чаю, погрызла пирожное в компании четырех пассажиров, среди которых был и «ее» сосед.

Она смотрела на него с удивлением, стараясь понять, что произошло между ними час назад. Этот эпизод никак не вязался с остальной жизнью Эммануэлы. Разве он произошел в действительности? И потом, очень трудно думать об этом! В доба-

вок ещё и очень рискованно. Проще и безопаснее всего заранее отказаться размышлять. Она принялась освобождать всю ту часть своего мозга, которая продолжала задавать вопросы.

В момент когда скорее движение остальных, чем неразборчивый голос громкоговорителя, подсказало, что нужно снова садиться в самолет, она уже довольно смутно сознавала то, что так старалась забыть.

* * *

Войдя снова в самолет, пассажиры увидели, что он вычищен, приведен в порядок, проветрен. В кабинах витал приятный запах освежителя. На кушетках лежали новые одеяла. Большие набитые пухом подушки ослепительной белизны делали темно-синий бархат под ними еще более заманчивым. Подошел стюард спросить, не желают ли напитков. Нет? Ну и хорошо! Спокойной ночи! Стюардесса, в свою очередь, поднесла свои пожелания ко сну. Вся эта церемония очаровывала Эммануэлу. С уверенностью она почувствовала себя снова счастливой. Она хотела, чтобы мир был как раз таким, каким он был. Все на земле определенно было хорошо.

Она вытянулась на спине. На этот раз не боясь показать свои ноги; ей хотелось размяться. Она приподняла их по очереди, сгибая и разгибая колени, напрягая мышцы бедер, потерла с тихим поскрипыванием нейлона лодыжки одну об другую. Она в деталях вкушала физическое удовольствие, которое доставляли ей эти упражнения. Чтобы удобнее было двигаться, она еще выше подтянула свою юбку, непринужденно, не прячась, обхватив материю обеими руками.

«В конце концов, подумала она, стоит посмотреть не только на мои колени, но и на мои ноги целиком. Нужно признать, что они действительно красивы. Как два ручейка, прикрытые сухой листвой и преисполненные дурных мыслей, которые развлекаются, перекрещиваясь и снова расходясь. И не только это хорошо во мне. Еще мне нравится моя кожа, которая загорает на солнце как кукурузное зерно, никогда не краснея, мне нравятся мои бедра. И совсем маленькие малины на верхушках моих грудей, со сладкими красными ободками. Мне так бы хотелось их лизнуть.»

Плафоны начали гаснуть, и она с блаженным вздохом натянула на себя одеяло, пропитанное сосновым запахом, которое авиакомпания предлагала, чтобы оберечь ее сон.

Когда остались светить одни ночники, она повернулась на бок и попробовала рассмотреть своего соседа по кабине, на которого, с тех пор как снова оказалась вытянувшейся рядом с ним, не смела взглянуть откровенно. К своему удивлению она встретила направленный на нее чистый взгляд мужчины, который, казалось, ждал ее, едва видимый в почти полной темноте. Некоторое время они лежали так, глаза в глаза, с единственным выражением совершен-

ного покоя. Эммануэла узнала искру нежности, чуть веселую, чуть покровительственную, которую она заметила еще в тот момент, когда они встретились в первый раз (когда точно? разве это было лишь семь часов назад?), и подумала, что как раз это ей и нравится в нем больше всего.

Неожиданно для нее это соседство становилось приятным и она улыбнулась ему, прикрыв глаза. Ей смутно хотелось чего-то, но она не знала чего. Не нашла что делать и снова стала радоваться тому, что красива: собственный образ вертелся в ее голове, как любимый мотив. С бьющимся сердцем она мысленно искала невидимую бухточку, спрятанную за высоким мысом с черной травой, где сливались две реки; она чувствовала, как течение лижет берега. Когда мужчина приподнялся на локте и наклонился к ней, она открыла глаза и разрешила поцеловать себя. Вкус губ на губах был свежий, как соль и море.

Она приподнялась и подняла руки, чтобы помочь ему, когда он захотел снять с нее свитер. Испытала волнение, видя как из-под рыжей шерсти блеснули ее груди, которые в полумраке выглядели еще объемнее и круглее, чем днем. Чтобы доставить ему полное удовольствие раздеть ее, она не помогла найти застежку юбки, однако, приподняла бедра, чтобы он без труда стянул ее. На этот раз тесный чехол не остался вокруг колен, доставляя ей неприятные ощущения; она была освобождена.

Деятельные руки мужчины освободили ее от миниатюрных штанишек. Когда они расстегнули и подвязки, Эммануэла сама стянула чулки и отправила их за юбкой и свитером под кушетку.

Только когда она была уже раздета, он прижал ее к себе и начал ласкать всю от головы до пят, не забывая ничего. Сейчас ей так хотелось заниматься любовью, что болело сердце и сжималось горло: ей казалось, что она больше никогда не сможет вздохнуть, вернуться в этот день. Она испытала страх, захотелось закричать, но мужчина очень сильно прижимал ее, его рука в прорези между ногами расширяла ее маленькую дрожащую расщелину, палец весь был погружен внутрь. В то же время он жадно целовал ее, лизал ее язык, пил ее слюну.

Она стонала потихоньку короткими стонами, не зная точно зачем это огорчение. Может быть этот палец, который разрывал ее так глубоко до поясницы, или рот, который пожирал ее, глотая каждое дыхание, каждое рыдание. Было ли это терзание желания или стыд сладострастия. Воспоминание о длинной изогнутой форме, которую она недавно держала в своей ладони, неотступно преследовало ее, великолепный, надменный, твердый, красный, наверное горячий до невозможности фаллос. Она застонала так сильно, что мужчина сжалился: наконец, она почувствовала, что голый член, сильный, как она и ожидала, прикасается к ее животу, и прижалась к нему со всей нежностью своего тела.

На одно долгое мгновение они замерли, не шевелясь, потом мужчина вдруг поднял ее в своих руках, перекинул через себя,

так что теперь она лежала на кушетке со стороны прохода. Меньше метра отделяло ее от детей.

Она было забыла про их существование. Вдруг дала себе отчет, что они не спят и смотрят на нее. Мальчик был поближе, но девочка прижалась к нему, чтобы лучше видеть. Неподвижные, с затаенным дыханием они таращились на Эммануэлу расширенными зрачками, в которых она прочла одно лишь зачарованное любопытство. При мысли отдаться этому безграничному разврату перед их глазами, Эммануэла испытала что-то вроде головокружения. Но в то же время она спешила, чтобы это произошло и они смогли видеть все.

Она лежала на правом боку, поджав бедра и колени, изогнув поясницу. Мужчина держал ее за бедра сзади. Он скользнул одной ногой между ног Эммануэлы и вошел в нее прямым неотразимым толчком, легко из-за абсолютной твердости его члена и влажной плоти Эммануэлы. И только после того как достиг самой глубокой точки ее влагалища и остановился там, чтобы с удовольствием вздохнуть, он начал водить взад-вперед свой член, долгими ритмичными движениями.

Эммануэла, освободившись от своей тревоги, трепетала при каждом стремительном движении члена, все более влажная и более теплая. Он как будто питался ею, увеличивался в размере, а порыв и амплитуда его движения возрастали. Сквозь туман блаженства она успела удивиться, что ход этого члена в ее животе может быть таким долгим. Ей было забавно представлять себе, что ее органы не атрофировались на протяжении стольких месяцев, когда их не стимулировал мужской гвоздь. Теперь, открыв снова это наслаждение, она хотела возможно полнее и дольше воспользоваться им.

Пассажир со своей стороны, казалось, не утомился сверлить тело Эммануэлы. В данный момент ей захотелось знать, сколько времени прошло с тех пор как он в ней, но никакая точка отсчета не позволяла угадать.

Она воздерживалась уступить оргазму. Это не стоило ей ни усилий, ни обмана, так как с детства она приучала себя удлинять удовольствие ожидания и ценила, еще больше чем спазм, ту нарастающую чувственность, то крайнее напряжение всего существа, которого она умела достигать сполна, лишь когда пальцы часами с легкостью смычка касались дрожащей струны ее клитора, отказывая отозваться на просьбы собственной плоти, пока, наконец, давление чувственности уносило ее, набегая, как ужасные торнадо, как смертельные судороги, от которых Эммануэла тотчас же воскресала более бодрая и живая.

Она посмотрела на детей. Их лица совсем потеряли надменное выражение. Стали человеческими. Совсем не возбужденными, не насмешливыми, а внимательными и даже уважительными. Она попыталась представить себе, что происходит в их головах. Замешательство, в которое должно быть привел их случай и свидетелями которого они стали? Но ее мысли растрепались, ум по-

мрачился и она была слишком счастлива, чтобы заботиться о других.

Когда по ускорившимся движениям, по некоторому напряжению рук, жадно охвативших ее бедра, а еще по внезапному опуханию и пульсации органа в ней она поняла, что партнер скоро эякулирует, она разрешила увлечь себя. Хлынувшая сперма довела ее до крайней степени удовольствия. Все время, пока шло семяизвержение в нее, мужчина держался очень глубоко в ее влагалище, касаясь шейки матки. И даже во время спазма Эммануэла сохраняла достаточно фантазии, чтобы насладиться вырисовывающейся в ее воображении картиной канала, извергающего молочные струи, которые всасывало продолговатое отверстие ее матки, деятельное и лакомое, как рот.

Ее партнер закончил оргазм и Эммануэла, в свою очередь, успокоилась, без угрызений, охваченная блаженством, которому способствовали наименьшие подробности: скольжение уходящего из нее мужчины, прикосновение одеяла, которым он укрывал ее, удобство кушетки и надвигающиеся теплые волны сна.

* * *

Самолет пересек ночь, как мост, не наблюдая ни пустынь Индии, ни заливов, устьей рек и рисовых полей. Когда Эммануэла открыла глаза, невидимый для нее рассвет украсил всеми цветами радуги контур Бирманской горной цепи, в то время как внутри кабины сиреневый цвет ночника стирал представление о пространстве и времени.

Белое одеяло сползло с кушетки и Эммануэла обнаженная лежала на левом боку, свернувшись в клубок, как озябший ребенок. Ее покоритель спал.

Эммануэла не двигалась, постепенно приходя в сознание. Ничего из того, о чем она могла бы думать, нельзя было прочесть на ее лице. Спустя довольно долгое время она медленно вытянула ноги, изогнула талию, повернулась на спину, ища рукой одеяло, чтобы укрыться. Но ее рука повисла в воздухе: какой-то мужчина, стоя в проходе, смотрел на нее.

Так, стоя перед ней, он показался ей гигантского роста, и молодая женщина сказала себе, что он невероятно красив. Без сомнения эта красота заставила ее забыть свою наготу или, по меньшей мере, не почувствовать стеснения. Это греческая статуя, подумала она. Такой шедевр не может быть живым. В уме промелькнул отрывок не греческой поэмы: «*Божество храма в руинах...*». Ей хотелось видеть изобилие примул и желтых трав в ногах бога, падающую листву вокруг его постамента и чтобы порыв ветра зашевелил короткие кудри, вьющиеся на висках и на лбу. Взгляд Эммануэлы скользнул по прямой линии носа, остановился на высеченных губах, на мраморном подбородке. Две крепкие жилы ваяли линию шеи до расстегнутой на гладкой груди рубашки.

Глаза женщины продолжали этюд. Несоразмерная выпуклость оттягивала белые фланелевые брюки рядом с лицом Эммануэлы.

Видение наклонилось и подняло юбку и свитер, валявшиеся на земле. Оно подобрало также трусики и подвязки, чулки и разбросанные туфли-лодочки, потом выпрямилось и сказало:

— Пойдемте.

Путешественница села на кушетку, спустила ноги на ковер и взяла протянутую руку. Потом, поднявшись с гибким усилием, она пошла, голая, будто перешагнула в другой мир в высоте и в ночи.

Незнакомец провел ее в туалетный зал, где она уже побывала со стюардессой. Он прислонился к обвитой шелком перегородке и поставил Эммануэлу лицом к себе. У нее вырвался крик, когда она увидела это исполинское пресмыкающееся, выпрямляющееся перед ней из золотистого кустарника. Она была гораздо ниже мужчины, поэтому тригоноцефальный член доходил до ее грудей.

Герой схватил Эммануэлу за талию и без труда приподнял. Молодая женщина обвила скрещенными пальцами мужской затылок, чувствуя как под ее ладонями твердеют мускулы, раздвинула ноги, чтобы пунцовый член, на который похититель опускал ее, мог проникнуть в нее. Слезы потекли по ее щекам, когда мужчина разрывая ее, осторожно входил внутрь.

Эммануэла опиралась коленями в стену и в бедра своего партнера, помогая как могла сказочному змею заползать в недра ее тела. Она извивалась, царапая шею, на которой висела, всхлипывая, хрипя и бормоча невразумительные слова. В своем безумии она даже не поняла, что мужчина наслаждается, быстро, таким диким толчком таза, что, казалось, он действительно хочет пробить себе проход через нее, до ее сердца. Отодвинувшись с просветлевшим лицом, он продолжал стоя прижимать ее к себе. Мокрый член освежал измученную кожу Эммануэлы.

— Тебе понравилось? — спросил он.

Эммануэла прижалась щекой к груди греческого бога. Она чувствовала как в ней текла его сперма.

— Я вас люблю, — пробормотала она.

Потом добавила: — Хотите взять меня еще раз?

Он улыбнулся:

— Сейчас, — сказал он. — Я вернусь. Теперь оденься.

Он наклонился. Поцеловал ее в макушку так целомудренно, что она не успела сказать ничего больше. И прежде, чем она поняла, что он покидает ее, она осталась одна.

Замедленными движениями, словно исполняя церемонию (или потому что еще не совсем вернула чувство реальности), она пустила на себя воду из душа, покрыла тело пеной, тщательно выполоскалась, обтерлась теплыми ароматными полотенцами из автомата, брызнула на затылок, на шею, под мышки и на волосы лобка духи, пахнувшие лесной зеленью, и расчесала волосы. Она видела свой образ с трех сторон в зеркалах: ей показалось, что никогда ее

красота не была столь свежей и сияющей. Вернется ли незнакомец как обещал? Она ждала до тех пор, пока громкоговоритель не сообщил, что они приближаются к Бангкоку. Тогда с гримасой разочарования, с обиженным сердцем она оделась, вернулась в кабину, вытащила сумку и пиджак из багажной сетки и положила на колени, садясь в кресло, которое чья-то предупредительная рука снова привела в прежний вид и рядом с которым стояли чашка чаю и блюдо с булочками. Сосед, на которого она бросила рассеянный взгляд, очень удивился.

— Но... Разве вы не едете в Токио? — спросил он с ноткой недовольства в голосе.

Эммануэла довольно легко угадала, что он хотел сказать, и покачала отрицательно головой. Лицо мужчины помрачнело. Он спросил что-то еще, чего она не поняла, а впрочем, и не имела никакого желания отвечать.

Она смотрела прямо вперед с выражением печали.

Пассажир вынул записную книжку и протянул Эммануэле, объясняя знаками написать.

Несомненно он хотел, чтобы она оставила ему имя или адрес, где он мог бы ее найти. Но она отказала новым покачиванием головы, упрямо наклонив лоб. Она думала о незнакомце с лицом, обвитым плющом, с запахом теплого камня, о фантастическом гении разрушенного храма, сойдет он с ней в Бангкоке или улетит в Японию... Но в таком случае она, по крайней мере, снова увидит его при промежуточной посадке... Она искала его глазами среди пассажиров, которые сошли с самолета и, сгрудившись под крыльями в тропическом утре аэропорта, ждали, чтобы их провели в здание из цемента и стекла, фантастический силуэт которого выделялся на уже белом от жары небе. Но она не узнала никого, кто имел бы его рост и его осенние волосы. Стюардесса улыбнулась ей, но она еле заметила. Ее уже подталкивали к решеткам таможни. Кто-то, показывая пропуск, перепрыгнул через барьер и окликнул Эммануэлу. Она побежала вперед и бросилась с радостным криком в протянутые руки своего мужа.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗЕЛЕНЫЙ РАЙ

Разве я советую вам убить ваши чувства?
Я советую вам невинность чувств.

Ницше, «Так сказал Заратустра»

Бассейн с черной мозаикой и розовой водой, в котором плещутся лодыжки Эммануэлы, принадлежит Королевскому спортивному клубу Бангкока. Супруги и дочери, допускаемые в этот мужской клуб, приходят обыкновенно после обеда по субботам и воскресеньям, чтобы показать свои ноги и грудь сквозь прозрачные платья на трибунах ипподрома, и без платьев в остальные дни недели на площадке около бассейна. Уткнувшись лицом в скрещенные руки, вытянувшись рядом с Эммануэлой (так что она временами чувствует ласку коротких волос на своем бедре), молодая женщина с телом кобылы, очертания мускулов которого под медной кожей словно провели сангвиной в солнечном свете, как эскиз скульптора, разговаривает. Ее счастливый смех отражается от поверхности воды. Красота голоса переливается в ее откровениях.

— Жильбер считает выражением хорошего тона разыгрывать обиду после проезда Флибюстие: дуется, что я смылась на три ночи. При этом, Бог мне свидетель, что я благоразумно вернулась домой на четвертую, как только Флибюстие уехал. Эммануэла знала, что это Арианна, жена графа де Сейн, советника в посольстве Франции, и что ей двадцать шесть лет.

— Какая же муха укусила твоего мужа? — поинтересовалась другая, занятая тем, что причесывала на шезлонге из красной соломы сытую собачонку, которую она звала О. — Его принципы изменились?

— Он возмущен не тем, что я провела эти ночи в каюте капитана, а тем, что не предупредила его. Думает, что стал смешным, ища меня везде и даже в полиции.

Девушки зажужжали. Вытянувшись на решетках, почти оцепенев в неподвижности (хоть и привыкшие переносить эту жару), они образовали звезду из горячей плоти вокруг лежавшей ничком Арианны и сидящей Эммануэлы. Сама она не видела и не слышала их в данный момент. Блики брызг теплой воды вокруг ее ног интересовали ее гораздо больше, чем зрелище их поджаренных тел.

— Где же он думал, что ты была? Это было не так трудно угадать.

— Один раз эта страна предоставила шанс развлечься!

— К тому же он признает, что в последний раз видел меня в конце праздника на борту корабля: беззащитной и слабой между двумя гордыми марсовыми, которые были готовыми поделить мою шкуру.

— Они это сделали?

— Как я могу знать!

Она приподнялась, чтобы заговорить с Эммануэлой. Та, в который раз, не могла не восхититься, как легко эти керамические купальщицы развязывали на спине тесемки своих купальников под предлогом не нарушать загар белой полосой, а по правде — чтобы привлечь на помощь силуэту законы притяжения, когда приподнимались на локтях с наигранной невинностью, чтобы поздороваться с проходящим мимо знакомым.

— Дорогая моя, — пояснила Арианна, — вы упустили возможность века, так как в Бангкоке две такие возможности представляются раз в столетие, как только что отметила Шуффи. Прошлый уикэнд маленький военный корабль встал на якорь на реке под предлогом отдать не знаю какие почести сиамскому флоту. Мне бы хотелось, чтобы вы видели этот экипаж сатиров. Капитан — вакхический! Три дня только и было что коктейли, ужины, танцы и все остальное!

Болтливость, непринужденный тон и пронзительный смех молодых француженок вокруг пугали Эммануэлу: она удивилась, что ее опыт парижанки так мало помогал ей сблизиться с этим пресыщенным обществом. Безделие и роскошь этих переселенок казались ей гораздо более лишенными меры, чем самое потерянное время и самые сумасшедшие деньги Отейа и Паси. Даже в этой праздности они жили интенсивно, как на непрерывном параде, без отдыха и импровизаций. Все, казалось, говорило о том, что у них нет, пожалуй, другой забавы на протяжении многих дней, независимо от положения, независимо от их возраста, внешности, состояния, как только соблазнять и предаваться соблазну. Одна из них,

чья рыжая грива спуталась в фантастическом изобилии на плечах, достигая бедер, поднялась небрежно, подошла к краю бассейна и остановилась, расставив ноги, потягиваясь и зевая. Белый, узкий, как шнурок, купальник не скрывал от внезапно обострившегося взгляда Эммануэлы солнечный пучок львиной шерсти, приоткрывая рельефно очерченные нижние формы, а чистота лица и изящные черты подчеркивали бесстыдство.

— Жан не так уж глуп, — заявила она. — Он осведомился об отъезде Флибюстие, прежде чем привезти жену. — Жаль, — отметила Арианна, тоном искреннего сожаления. — Она бы имела сумасшедший успех.

— Однако я не очень хорошо понимаю, как он мог думать, что в Париже Эммануэла в большей безопасности, — иронично заметила одна из полуголых девушек. — Там вряд ли ею пренебрегали!

Арианна смотрела на Эммануэлу, казалось, с нарастающим интересом.

Одна из собеседниц флегматично подтвердила:

— Действительно. Ее муж, должно быть, не ревнив, раз оставил одну на целый год.

— Не год, а шесть месяцев! — поправила Эммануэла.

Она вглядывалась в сеченный рельеф под белым купальником так близко рядом с ней, что могла, наклонясь в сторону, коснуться его губами.

— Думаю, он хорошо сделал, что не заставил вас приехать сюда вместе с ним, — вмешалась хозяйка собачки О. — Он провел почти все последние месяцы на севере, еще не имел дома и каждый раз, приезжая в Бангкок, должен был останавливаться в отеле. Такая жизнь не для вас.

И сразу же прибавила:

— Как вы находите вашу виллу? Я слышала, что она прекрасна.

— О! Она еще не закончена: нет кое-какой мебели. Больше всего мне нравится сад с большими деревьями. Вам надо непременно зайти посмотреть, — вежливо добавила Эммануэла.

— И все-таки, вы не будете одиноки в Бангкоке три четверти года? — осведомился кто-то из свиты Арианны.

— Ну нет же, — ответила Эммануэла с ноткой раздражения. — Теперь, когда инженеры на месте, Жан не должен ездить в Ярн Хи: у него будет достаточно дел в центре. Он будет все время со мной.

— Ба! — успокаивающе засмеялась графиня. — Город большой.

Так как Эммануэла, казалось, не понимала, как можно использовать это, Арианна объяснила.

— Работа займет все его дни, вы увидите. Вы будете иметь достаточно пространства и свободного времени, чтобы маневрировать с вашими поклонниками. В добавок, к счастью, стоящие мужчины в этой стране не так заняты, как наши супруги. Вы умеете водить машину?

— Да, но не решаюсь пуститься в этот лабиринт невозможных улиц. Жан оставляет мне шофера, пока я начну ориентироваться.

— Вы быстро узнаете главное. А я вас буду направлять.

— Иначе говоря, Арианна берется развратить вас!

— Ерунда! Эммануэле я нужна не для этого. Скорее мне хочется, чтобы она рассказала о своих собственных шалостях. Мину права, где, как не в Париже, можно вдоволь и свободно трахаться.

— Но мне нечего рассказывать, — слабо возразила Эммануэла. Хорошо, что цветистый язык Арианны веселил ее, иначе она почувствовала бы себя почти несчастной.

— Будьте спокойны, — возразила та, что, казалось, больше всех хочет узнать ее тайны. — Вы можете нам доверять все самое бесстыдное: мы как гроб!

— Что вы хотите чтобы я вам рассказала? Все время, пока я была во Франции, — заявила Эммануэла с внезапной силой и искренностью, — я не изменила моему мужу.

На миг вокруг женщин воцарилась тишина. Они, казалось, оценивали значение этой декларации. Искренний тон Эммануэлы впечатлил их. Графиня смотрела на новенькую с некоторым отвращением. Что она, недотрога, эта маленькая? Однако, судя по ее костюму...

— Сколько вы уже замужем? — спросила она.

— Почти год, — ответила Эммануэла.

И, чтобы заставить их ревновать ее молодость, добавила:

— Я вышла замуж в восемнадцать лет.

И боясь, что они начнут опять, резко добавила:

— Год замужества, из которого половина в разлуке! Теперь вы понимаете, что я счастлива снова быть с Жаном.

К собственному изумлению, прежде чем она успела отвернуться, глаза ее наполнились слезами.

Молодые женщины покачали головами, словно выражая симпатию. В действительности они думали: «Эта не из нашего лагеря».

— Хотели бы вы зайти ко мне, выпить молочный коктейль?

Эту, которая только что встала рывком, Эммануэла не заметила раньше. Но теперь выражение замкнутости, почти покровительственная уверенность на лице позабавили ее, так как одновременно это было и лицо маленькой девчонки.

Не такой уж маленькой, поправилась она, так как девушка встала так, словно брала ее под свою защиту. Без сомнения, ей шел тринадцатый год, но они были одного роста. Разница была в зрелости их тел: в ней было что-то недоделанное, не вполне утонченное. Впрочем, может быть именно кожа была еще детской: кожа, которую не берет загар, не такого теплого цвета, ухоженная и элегантная, как у Арианны. С первого взгляда Эммануэле показалось, что она даже чуть шероховатая. Но в действительности оказалось не так, скорее она вся была в маленьких дырочках, как кожа цыпленка. Особенно на руках. На ногах она казалась более лакированной. Красивые мальчишеские ноги, лодыжки с четко обрисованными сухожилиями, колени с твердыми икрами, нервные бедра. Приятные на вид, скорее из-за правильных пропорций и

легкой силы, чем из-за волнующего чувства, которое всегда вызывают ноги женщины. Эммануэле легче было представить себе их бегущими по песку или отталкивающимися от трамплина для прыжка в воду, чем расслабленными лаской руки, открывшими нетерпеливому телу ворота другого покорного тела.

То же впечатление произвел на нее живот спортсменки, вогнутый, подтянутый тренировками, от оживления весь бьющийся, как сердце, всем тонусом подчеркнутых мускулов и на котором даже тесный треугольник материи — не больше того, что носит на сцене голая танцовщица — не выглядит неприличным.

Маленькие острые груди не так уж незаметны сквозь символическую ленту купальника. Это красиво, сказала про себя Эммануэла, но, действительно, почему бы ей не остаться совсем голой, это будет еще лучше и я уж совсем спокойна, что это не наведет никого на дурные мысли (но подумав, она не была так уж в этом уверена). Она спрашивает себя, какая может быть чувственность у такой молодой груди, потом припоминает свои и удовольствие, которое получала, когда их очертания были еле заметны, не такие выпуклые даже, как у этих, если признаться, так как, чем дольше она на них смотрит, тем больше казалось, что они заслуживают внимания. Может быть контраст с грудью Арианны повлиял вначале на ее впечатление. Или узкие бедра и внешность школьницы...

А может длинные толстые косы, которые играют на розовой груди. Эти косы, вот что очаровывает Эммануэлу. Никогда она не видела таких волос. Такие светлые, такие тонкие, почти невидимые — не солома, не лен, не песок, не золото, не платина, не серебро, не пепел... На что они похожи? На клубок сырого шелка, но не совсем белого, какой используют для вышивания. Или на небо зари. Или на шерсть снежного барса... Эммануэла встречает зеленый взгляд и забывает все остальное.

Косые, удлиненные глаза, приподнимающиеся к вискам таким редким движением, на этих щеках европейки, казалось, что они сбились с дороги — но, действительно! такие зеленые и сияющие. Эммануэла видит, как в них мелькают, появляясь и исчезая круг за кругом, как луч маяка, отблески иронии, серьезности, мысли, необыкновенной властности, потом вдруг заботливость и сострадание и еще веселое лукавство, фантазия, наивность, соучастие: огни очарования.

«Глаза Лилит!» — мечтает Эммануэла.

Конечно, ей не мерещится в этой девушке красивый демон, заколдованная ночная птица, скорее женщина, предшественница Евы в истории сотворения. Только что созданная, она улетела. Послушный, благочестивый, лишенный любознательности Адам разочаровал ее. С тех пор она непрестанно воскресает в смертных сердцах. Даже сейчас Эммануэла встречает ее такой, какой представляла в мечтах в детстве — необходимая сестра, скандально справедливая, сама примерность — смеясь пожимающая ангельскими плечами. А над головой Эммануэлы и вокруг нее небо Сиама тайно оживляется шорохом

крыльев. Не Чудо ли вернулось, озаряя вдруг ослепительный воздух, по милости взгляда цвета весенней листвы? Не так ли в первых лучах солнца зазеленело дерево знания о хорошем и плохом и были презренны запреты. Двуполое изящество и непокорный голос снова обеспокоят земной рай? Успеет ли, наконец, никогда не сдерживаемое обещание оправдать желания?

— Меня зовут Мари-Ан.

И так как Эммануэла, поглощенная созерцанием, несомненно забыла ответить, она повторила свое приглашение:

— Хотите, пойдем ко мне?

На этот раз Эммануэла улыбается ей и, в свою очередь, встает. Она объясняет, что сегодня не может принять приглашение, так как Жан зайдет за ней в клуб и поведет делать визиты. Она вернется довольно поздно. Но она будет очень счастлива, если Мари-Ан зайдет к ней завтра. Знает где она живет?

— Да, — коротко говорит Мари-Ан. — Ладно. До завтра после обеда!

Эммануэла воспользовалась ситуацией, чтобы смыться от банды. Она извинилась тем, что не хочет заставлять мужа ждать, и заторопилась к кабине.

* * *

— Как ты думаешь, комната для друзей может быть готова через несколько дней? — спросил Эммануэлу ее муж, когда сели за стол.

В этот момент подвижные двери раздвинулись в стороны, открывая вид на прямоугольник воды и лотосы, утром розовые, сиреневые, белые или голубые, а вечером — покачивающие свои зеленые чашечки.

— Ее можно использовать еще сейчас, если хочешь. Не хватает только занавесок и пестрых подушек, которые хочу положить на кровать. Ах да, и лампы.

— Мне бы хотелось, чтобы комната была готова в восемь в воскресенье.

— Ну, конечно, будет. Не нужно же десять дней для этого. Кто-то должен приехать?

— Да, Кристофер. Ты знаешь... Он отвечает за Малайзию. Уже целый месяц. Я пригласил его еще до того, как ты приехала. И только что получил ответ. Все устраивается как нельзя лучше: его посылают в Таиланд по делам. Он сможет провести с нами несколько недель. Уже три года, как мы не виделись. Ты посмотришь, он хороший парень.

— Ведь это он остался с тобой в Асуане, после того как построили плотину?

— Да, единственный, кто не отказался.

— Теперь вспоминаю. Ты мне рассказывал, какой он серьезный...

Ее гримаса рассмешила Жана.

— Серьезный, ладно, но совсем не особняк. Я его люблю. И я уверен, что тебе он тоже понравится.

— Сколько ему лет?

— Он на шесть или семь лет младше меня. Тогда он только что закончил Оксфорд.

— Англичанин?

— Нет. Вообще то, да, наполовину. По матери. Но его отец — один из основателей общества. Не думай, однако, что он что-то вроде папенькиного сыночка. Наоборот, работяга. Ему можно доверять.

Эммануэла была чуть разочарована, что уже должна делить так недавно восстановленную близость. Все же она немедленно решила хорошо принять такого дорогого мужу гстя. Она вспомнила фотографии, на которых Кристофер выглядел как атлетически сложенный бронзовый исследователь с уверенной улыбкой, и подумала, что предпочитает принимать его, а не старых пузатеньких начальников, которым наверняка ей придется позже показывать достопримечательности города, оберегая их от солнечного удара и комаров.

Она задумалась о других подробностях, с жадным любопытством к событиям тех опасных лет, когда она еще не знала Жана. Если бы его убили тогда, она никогда не стала бы его женой: при этой мысли сжалось сердце. Она не могла больше есть.

Прислужник вертелся вокруг стола, поднося кокосовые орехи, начиненные яичным кремом с карамелью, потом рис-глясе и оладьи. На приготовление всего этого в честь новой хозяйки старая кухарка с красными зубами потратила три дня. Мальчик передвигался взад-вперед на цыпочках, каждый раз разбегаясь как для прыжка. Эммануэла немного боялась его. Он производил мало шума, был чересчур сильным и гибким, слишком хорошо сложен, всегда на месте — почти как кошка.

* * *

Мари-Ан приехала на белой американской машине, которую вел шофер-индеец в тюрбане и с черной бородой. Оставив ее, он тотчас же уехал.

— Ты сможешь отвезти меня обратно, Эммануэла? — спросила Мари-Ан.

Эммануэла была очарована обращением на ты. Еще яснее, чем накануне, она заметила, как голос гармонировал с косами и кожей. Импульсивно ей захотелось поцеловать этого ребенка в обе щеки, но что-то удержало ее. Может быть маленькие острые груди под голубой блузкой? Или зеленые глаза? Это абсурд! Мари-Ан стояла совсем рядом.

— Не обращай внимания на то, что рассказывают эти идиот-

ки, — сказала она. — Это хвастовство. Они не делают и десятой доли того, о чем рассказывают.

— Наверное! — подтвердила Эммануэла после секундного замешательства: очевидно, Мари-Ан имела в виду старших из бассейна. — Хотите выйдем на террасу?

Сразу же она пожалела об этом нечаянно проскользнувшем «вы». Мари-Ан приняла приглашение кивком головы.

Они поднялись на этаж. Проходя мимо двери ее комнаты, Эммануэла вдруг вспомнила, что Жан держал у своего изголовья на тумбочке большую фотографию, на которой она снята голой. Она ускорила шаг, но Мари-Ан уже остановилась перед сеткой против комаров, которая отделяла комнату от площадки.

— Это твоя комната? — спросила она. — Я могу посмотреть? — Не ожидая ответа, она отодвинула занавеску. Эммануэла прошла за ней. Гостья залилась смехом.

— Какая огромная кровать! Скольких вы туда складываете?

Эммануэла покраснела.

— По существу это две кровати. Они сдвинуты одна с другой.

Мари-Ан рассматривала фотографию.

— Ты красивая, — сказала она. — Кто снимал тебя?

Эммануэла хотела сказать, что Жан, но не смогла.

— Один художник — друг моего мужа.

— У тебя есть другие фотографии? Он, должно быть, сделал не только одну. У тебя нет таких, где ты занимаешься любовью?

Голова Эммануэлы легонько закружилась. Что это за девчонка, которая смотрела на нее своими большими светлыми глазами и со свежей улыбкой и дружеским тоном задавала без видимого волнения такие странные вопросы? И хуже всего было то, что может быть из-за этого взгляда Эммануэла чувствовала, что сама она не сможет сделать иначе, как говорить правду, и что во власти этого ребенка было вырвать у нее, если захочет, самые тайные признания. Она резко открыла дверь, как будто этот жест мог защитить ее.

— Вы идете? — спросила она.

Еще раз она забыла «ты».

Мари-Ан мимолетно улыбнулась. Они вышли на простор террасы, защищенной от солнца тентом в белую и желтую полоску. С близкой реки веял теплый бриз. Мари-Ан воскликнула:

— Как тебе повезло! В Бангкоке нет другого дома с таким расположением. Какой прекрасный вид и какой комфорт.

На мгновение она застыла, созерцая пейзаж с кокосовыми пальмами и антильскими деревьями. Потом естественным жестом расстегнула высокий пояс из рафии, стягивающий ее талию, и бросила его на одно из кресел из тростника. Не медля больше, спустила молнию на пестрой юбке, которая тут же упала к ее ногам. Девушка выпрыгнула из круга, очерченного материей на каменном полу. Ее блузка кончалась на бедрах, ниже уровня бокового выреза штанишек, так что от них сзади и спереди были видны только узкие темно-красные ленты, украшенные кружевом. Не те-

ряя ни минуты, она опустилась на один из шезлонгов, прихватив журнал.

— Наверное век не видела французских журналов. Откуда этот?

Она расположилась удобно, вытянув целомудренно собранные ноги. Эммануэла вздохнула, прогнала обуревавшие ее смутные мысли, уселась против Мари-Ан. Та залилась смехом:

— Что это за история: «Миро Совы...» Тебе не будет скучно, если я прочту сейчас?

— Нет, конечно.

Гостья углубилась в чтение. Раскрытый журнал спрятал ее лицо. Но она не долго сидела неподвижно: уже тело ее оживало быстрыми рывками, похожими на прыжки молодой лошадки. Она подтянула одно колено и левое бедро, покидая плоскость, в которой лежало прижатое к другому, мягко оперлось на поручни сиденья. Эммануэле захотелось скользнуть взглядом сквозь трусики. Одна рука Мари-Ан оставила журнал и, не задумываясь, поползла между ногами, растягивая нейлон, поискала очень низко точку, которую, казалось, нашла, и остановилась там на мгновение. Потом снова скользнула вверх, открывая прорез в мягкой плоти.

Она поиграла выпуклостью, обтянутой материей, потом снова сползла вниз, проскользнула под ягодицы и опять начала свой обход. На этот раз был опущен только средний палец, остальные, грациозно приподнятые с обеих сторон, напоминали расправленные крылья жука: он еле касался кожи до тех пор, пока внезапно сжатый кулак не остановился. Эммануэла чувствовала биение своего сердца так сильно, что боялась, что кто-то услышит. Язык ее скользил по губам.

Мари-Ан продолжала свою игру. Ловкий палец нажал сильнее, раздвигая плоть. Снова остановился, описал круг, поколебался, затрепетал, завибрировал на мгновение почти невидимый. Из горла Эммануэлы вырвался нечаянный звук. Мари-Ан опустила журнал и улыбнулась ей.

— Ты не ласкаешь себя? — удивилась она. С лукавым выражением она склонила голову к плечу. — А я ласкаю себя всегда, когда читаю.

Эммануэла кивнула головой, не в силах сказать что-нибудь. Мари-Ан оставила журнал, изогнула талию, скользнула руками по бедрам и быстрым движением спустила красные штанишки на бедра. Поболтала ногами в воздухе до тех пор, пока они не освободились совсем. Затем вытянулась, закрыла глаза и двумя пальцами раздвинула розовые губы.

— Приятно в этом месте, — сказала она. — Ты не находишь?

Эммануэла снова молча согласилась. Самым банальным тоном Мари-Ан продолжала:

— Люблю делать это очень долго. Поэтому не очень трогаю верх. Гораздо лучше водить туда-сюда по щели.

Ее движения иллюстрировали сказанное. Наконец, талия изогнулась дугой, вырвался слабый стон.

— О! — сказала она, — Не могу больше сдерживаться.

Пальцы задрожали на клиторе, как стрекоза. Стон перешел в крик. Бедра с силой раскрылись и сразу же сомкнулись, пленяя руку. Она долго кричала, почти надрываясь и изнемогая, упала в кресло. Через несколько секунд, восстановив дыхание, открыла глаза.

— Действительно очень хорошо, — пробормотала она.

И снова, наклонив голову, осторожно и деликатно она ввела средний палец в себя. Эммануэла кусала губы. Когда палец совсем исчез, Мари-Ан испустила долгий вздох. Она излучала здоровье, хорошее настроение, удовлетворение от чувства сделанного дела.

— И ты поласкай себя, — поощрила она.

Эммануэла поколебалась, как бы ища выход. Но замешательство ее было недолгим. Она резко поднялась и расстегнула шорты. Оставила их соскользнуть к ногам. Снизу на ней не было ничего. Из-под оранжевого свитера выглядывал черный лак лобка.

Когда Эммануэла снова вытянулась, Мари-Ан присела к ее ногам, на плюшевый пуф. Теперь они выглядели одинаково, прикрытые груди и голые зады. Мари-Ан видела совсем рядом гениталии своей подруги.

— Как ты любишь ласкать себя? — спросила она.

— Ну, как все! — сказала Эммануэла, у которой от дыхания Мари-Ан на бедрах кружилась голова.

Если бы руки девочки прикоснулись к ней, то освободили бы ее от напряжения чувств и от стыда. Но Мари-Ан не трогала ее.

— Покажи мне, — только и сказала она.

По крайней мере мастурбация немедленно приносила Эммануэле облегчение. Ей показалось, что какой-то занавес упал и отделил ее от мира, и пока ее пальцы выполняли их привычную работу между ногами, в ней воцарилось спокойствие. На этот раз она не пробовала продлить радость ожидания. Она чувствовала необходимость найти опору, знакомую почву, и она не знала ничего лучше ослепительного убежища оргазма.

— Эммануэла, как ты научилась наслаждаться? — спросила Мари-Ан, когда ее подруга снова пришла в себя.

— Сама. Мои руки открыли это сами, — сказала Эммануэла смеясь.

Она чувствовала себя в хорошем настроении и ей уже хотелось болтать.

— Ты умела это делать в тринадцать лет? — с сомнением спросила Мари-Ан.

— Конечно, давно! А ты нет?

Вместо ответа Мари-Ан продолжила свое расследование.

— А в каком месте ты предпочитаешь себя ласкать?

— О! Во многих. Совсем различные ощущения на верхушке, или на стволе или у основания: там. Разве у тебя не то же самое?

Мари-Ан снова не обратила внимания на вопрос. Она спросила:

— Ты ласкаешь только свой клитор?

— Нет, что за мысль! Все маленькое отверстие, ты же знаешь,

точно снизу: уретру. Там тоже очень чувствительно. Достаточно прикоснуться к ней кончиком пальцев и сразу испытываешь наслаждение.

— Что ты еще делаешь?

— Люблю ласкать себя внутри губ, там, где очень влажно.

— Пальцами?

— И еще бананами (в голосе Эммануэлы прозвучала гордость): я запихиваю их до конца. Сначала снимаю кожуру. Они не должны быть спелыми. Длинные, зеленые, которые продают здесь на плавающем базаре, — вот то, что надо!

Она чувствовала, что изнемогает, выражая это наслаждение. Ее так пленили картины одиноких удовольствий, что почти забыла присутствие другой. Пальцы мяли гениталии. В этот момент ей хотелось, чтобы что-то вонзилось внутрь. Она повернулась набок к Мари-Ан, глаза закрыты, ноги широко раздвинуты. Ей было абсолютно необходимо снова наслаждаться. Несколько минут она растирала внутренность нижних губ быстрыми, сильными, очень ритмичными движениями соединенных пальцев, пока не почувствовала удовлетворение.

— Видишь, я могу ласкать себя много раз подряд.

— Ты часто это делаешь?

— Да.

— Сколько раз в день?

— Когда как. Понимаешь, в Париже большую часть времени я не была дома — или на факультете, или бегала по магазинам. Я почти никогда не могла доставить себе удовольствие больше, чем раз или два утром: просыпаясь и принимая ванну. И потом два или три раза вечером прежде, чем заснуть. И еще ночью, когда просыпалась. Но когда я на каникулах, у меня нет другого дела: я могу заниматься этим гораздо чаще. А здесь все время будут каникулы!

Они лежали так, не двигаясь, близко одна к другой, вкушая дружбу, которая рождалась от их искренности. Эммануэла была счастлива, что могла говорить о таких вещах, преодолев свою застенчивость. Не смея во всем этом признаться самой себе, счастливая прежде всего от того, что мастурбировала перед этой девочкой, которая любила смотреть, которая любила наслаждаться. В своем сердце она уже приписывала ей все достоинства. И теперь она находила ее такой красивой. Эти глаза эльфа... И этот мечтательный разрез, который делал губы такими же выразительными, надменными и сочными, как другие. И эти растворенные без стыда бедра, не стыдящиеся своей наготы...

Она спросила:

— О чем ты думаешь Мари-Ан? У тебя такой важный вид.

И, играя, дернула ее за косу.

— Я думаю о бананах, — сказала Мари-Ан.

Она сморщила нос, и обе рассмеялись так, что дух захватило.

— Удобно не быть девственной,— заметила старшая. —Иначе никаких бананов! Я не знала, что что-то упускаю.

— Как ты начала с мужчинами? — спросила Мари-Ан.

— Жан меня дефлорировал, — ответила Эммануэла.

— У тебя никого до него не было? — воскликнула Мари-Ан с таким откровенным осуждением, что ее собеседница перешла на извиняющийся тон.

— Нет, действительно нет. Конечно мальчики ласкали меня. Но они не очень хорошо умели с этим справляться.

И, снова обретя уверенность, добавила:

— Жан сразу стал заниматься со мной любовью. Поэтому я и полюбила его.

— Сразу?

— Да, на второй день знакомства. В первый день он был у нас в гостях, он был знакомым моих родителей. Смотрел на меня все время с таким любопытством, словно хотел взбесить меня. Он сделал так, чтобы остаться со мной наедине, и начал задавать вопросы обо всем: сколько у меня было флиртов, люблю ли я заниматься любовью. Я была ужасно смущена, но не могла удержаться, чтобы не сказать ему правду. Почти как тебе! И он тоже хотел уточнить все подробности. На другой день после обеда он пригласил меня покататься на его красивой машине. Он велел мне сесть совсем рядом с ним и сразу же, пока вел машину, стал гладить мои плечи, потом грудь. Наконец, он остановил машину на какой-то дороге в лесу Фонтенбло и в первый раз поцеловал меня. Тоном, который, не знаю почему, не оставил во мне никаких сомнений в том, что произойдет, он сказал: «Ты девственна, я тобой овладею». И мы долго оставались там, не разговаривая и не двигаясь, прижавшись друг к другу. Мое сердце начало биться не так сильно. Я была счастлива. Это произошло точно так, как я могла бы мечтать (хотя в действительности я никогда не мечтала об этом). Жан велел мне самой снять трусики, и я торопливо подчинилась ему, так как хотела участвовать в своей дефлорации, а не принимать ее пассивно. Уложил меня на сиденье машины, капот которой был убран, и я видела зеленые кроны деревьев. Он стоял в просвете дверцы. Не стал меня ласкать. Сразу вошел в меня, однако так, что я не помню боли. Наоборот, я так наслаждалась, что потеряла сознание — или уснула, уже не знаю. Во всяком случае я не припомню больше ничего, кроме ресторана в лесу, в котором мы поужинали потом вдвоем. Это было прекрасно! Потом Жан снял комнату и мы продолжали заниматься любовью до полуночи. Я быстро научилась!

— Что сказали твои родители?

— А, ничего! На другой день я кричала везде, что уже не девственна и что влюблена. Они, как казалось, нашли это нормальным.

— А Жан предложил тебе выйти за него?

— Конечно, нет! Ни он, ни я и не думали о замужестве. Мне еще не исполнилось семнадцати лет. Я как раз сдала экзамены. И была очень-очень довольна, что имела любовника и была «метрессой» мужчины.

— Тогда зачем ты вышла замуж?

— Однажды Жан сообщил мне спокойно, как всегда, что его предприятие посылает его в Сиам. Я думала, что умру от горя. Он не дал мне времени подумать. Он продолжал уже без предисловий:

— Я женюсь на тебе, прежде чем уехать. Ты приедешь ко мне позже, когда у меня будет дом, в котором я смогу тебя устроить.

— Какое это произвело на тебя впечатление?

— Показалось, как в сказке — слишком хорошо, чтобы это было правдой. Я смеялась, как сумасшедшая. Через месяц мы поженились. Мои родители сочли вполне нормальным то, что я стала любовницей Жана, но, когда он заговорил о своем намерении жениться на мне, подняли страшный шум. Они попытались доказать ему, что он очень стар и что я очень молода и даже очень «невинна»! Как тебе это нравится? Но он их убедил. Мне бы очень хотелось знать, что он мог им сказать. Мой отец наверное был непреклонным: он не мог перенести то, что я бросаю высшую математику.

— Что? — переспросила Мари-Ан.

— Год математики, которую я начала изучать в институте.

Мари-Ан залилась смехом.

— Что за чушь!

Эммануэла, казалось, была раздосадована:

— Не вижу, что здесь смешного. Я хотела стать астрономом.

Светлая мечта на несколько секунд вознесла ее в небо, изучение которого она бросила, чтобы ответить другому притяжению. Когда она снова заговорила, в ее голосе слышалась ностальгия по этим неизведанным пространствам, но также и решительность не отказаться от них навсегда.

— Я еще не отказалась. Как только устроюсь, я вернусь к исследованию звезд. Наверное в этой стране есть обсерватория. И профессора, которые смогут учить меня.

Быстрым жестом Мари-Ан дала понять, что эта тема не фигурирует в ее распорядке дня. Она вернула отлучившуюся ученицу к своим земным урокам:

— Как прошел твой дебют в роли замужней женщины? — спросила она.

— Жан должен был уехать сразу после нашей свадьбы, но, к счастью, задержался на шесть месяцев, благодаря чему мы не сразу расстались. У меня была возможность быть его законной женой так же долго, как и любовницей. Я нашла, что быть замужем так же забавно, как и грешить. Хотя сначала мне показалось смешным заниматься любовью ночью.

— А потом? Где ты жила в его отсутствие, у своих родителей?

— О, нет! В его квартире, то есть в нашей квартире, на улице «Доктор Бланш».

— Он не боялся оставить тебя совсем одну?

— Боялся? Чего?

— Как чего? Что ты изменишь ему!

Эммануэле, очевидно, мысль показалась несуразной.

— Не думаю. Мы никогда об этом не говорили. Наверное это не приходило ему в голову. И мне тоже.

— Но потом ты все-таки сделала это?

— Зачем? Нет. Куча мужчин бегала за мной. Мне они казались смешными.

— Значит то, что ты сказала девчонкам, не было вранье?

— Девчонкам?

— Вчера, ты уже не помнишь? Ты заявила им, что ты никогда не спала с другим мужчиной, кроме своего мужа.

Эммануэла поколебалась на долю секунды. Больше и не нужно было, чтобы Мари-Ан мгновенно забила тревогу. Она резко повернулась, встала на колени, наклонилась через подлокотники и подозрительно бросила:

— Во всем этом нет ни слова правды. Надо только посмотреть на твое лицо. Видела бы ты, какой у тебя искренний вид!

Эммануэла неуверенно попыталась уклониться от ответа:

— Во-первых, я никогда не говорила ничего подобного...

— Что? Разве ты не сказала Арианне, что не изменяла своему мужу? Так ведь из-за этого я хотела поговорить с тобой. Потому что не поверила. К счастью!

Эммануэла стояла на своем:

— Ну ладно! Ты ошибаешься. И, повторяю, я говорила не так, как рассказываешь ты. Я только сказала, что была верна Жану все время, пока была в Париже. Вот и все.

— Что это значит: вот и все?

Мари-Ан пытливо всматривалась в лицо Эммануэлы, которая старалась выглядеть непринужденно. Тут девушка резко сменила тактику. Голос ее стал нежным.

— Впрочем, отчего бы тебе и не быть верной, вот о чем я себя спрашиваю? Не было причины, чтобы ты отдавалась.

— Я не отдавалась: я не хотела никого. Это очень просто.

Мари-Ан скорчила недовольную гримасу, потом, подумав, спросила:

— Значит, если бы ты кого-то пожелала, ты бы занялась с ним любовью?

— Ну да.

— Как ты это можешь доказать? — вызывающе пронзительным голосом, как ссорящийся ребенок, спросила Мари-Ан.

Эммануэла нерешительно посмотрела на нее, потом вдруг заявила:

— Я сделала это.

Мари-Ан наэлектризировалась. Она вскочила рывком, снова уселась, скрестив ноги по-турецки и уперев руки в колени.

— Видишь, — с укором, возмущением на лице и обидой в голосе сказала она. — А ты пробовала убедить нас, что это не так!

— Я сделала это не в Париже, — терпеливо объясняла Эммануэла. — В самолете. В самолете, который привез меня сюда. Понимаешь?

— И с кем? — настаивала Мари-Ан, уже демонстративно не доверяя ничему.

Эммануэла выдержала паузу, потом пояснила:

— С двумя мужчинами, чьих имен даже не знаю.

Если она хотела сделать сенсацию, то должна была разочароваться, так как Мари-Ан и глазом не моргнула и продолжала свой допрос:

— Они наслаждались в тебе?

— Да.

— Они были очень глубоко внутри тебя?

— О, да!

Инстинктивно Эммануэла поднесла руку к животу.

— Ласкай себя, пока рассказываешь мне, — приказала Мари-Ан.

Но Эммануэла покачала отрицательно головой. Казалось, она вдруг потеряла дар речи. Мари-Ан критически посмотрела на нее.

— Давай, — повелительно сказала она, — говори!

Эммануэла послушалась, вначале нехотя, с замешательством, но потом, возбужденная собственным рассказом, уже не заставляя себя упрашивать, старалась не пропускать ни малейшей подробности. Рассказав, как греческая статуя очаровала ее, она умолкла. Все это время Мари-Ан слушала ее с изучающим видом, несколько раз меняя положение... Однако она сделала вид, что рассказ не произвел на нее ни малейшего впечатления.

— Ты сказала Жану? — осведомилась она.

— Нет.

— Ты видела снова этих мужчин?

— Конечно нет!

Казалось в данный момент у Мари-Ан не было больше вопросов.

Эммануэла позвала маленькую прислужницу — очень стройную, с черными волосами, украшенными цветами, и телом цвета охры, алом саронге, напоминающую о Гогене — и приказала поднести чай. Она надела шорты, а Мари-Ан свой слип. Многоцветная юбка осталась на полу. Затем девушка захотела рассмотреть все фотографии, на которых Эммануэла снята голой, и та принесла их. К Мари-Ан сразу же вернулась язвительность:

— Слушай! Не скажешь же ты мне, что не занималась ничем с фотографом?

— Ну что ты, — воспротивилась Эммануэла, — он и не дотронулся до меня!

И она прибавила, разыгрывая разочарование:

— Впрочем, я не имела никаких шансов, он был педераст.

Мари-Ан скорчила гримасу, она все еще была настроена скептично. Снова начала изучать доказательства.

— Я нахожу, — заявила она, — что художник должен всегда заниматься любовью со своей моделью, перед тем как писать ее портрет. Сумасшедшая идея — обратиться к кому-то, кто не любит женщин.

— Не я выбирала его, — заверила Эммануэла, которая начинала чувствовать себя незаслуженно оскорбленной. — Он сам предложил фотографировать меня. Я же тебе сказала, что это друг Жана.

Мари-Ан жестом как бы отмела все сказанное.

— Действительно, надо бы чтобы кто-то хорошо нарисовал тебя. Когда состаришься, будет уже поздно.

Представление о том, что Мари-Ан должно быть понимала под «кто-то хорошо», и неизбежность собственного увядания, вызвали в Эммануэле безумный смех.

— Я не люблю позировать. Даже для фото. А ты думаешь о картине!

— А с тех пор как ты здесь, ты, конечно, не имела ничего с мужчинами?

— Ты с ума сошла! — возмутилась Эммануэла.

Мари-Ан казалась озабоченной, почти обескураженной.

— Прийдется, однако, рано или поздно найти тебе любовника, — вздохнула она.

— Разве это так необходимо? — спросила Эммануэла, развеселившись.

Но ее собеседница, кажется, не была настроена шутить. Она сердито пожала плечами.

— Смешная ты, Эммануэла, — сказала она.

Потом после паузы:

— Все же, ты не собираешься продолжать жизнь как старая дева?

И повторила в приступе гнева:

— Ты действительно смешная!

— Но я не старая дева, — попробовала застенчиво возразить Эммануэла, — у меня есть муж!

На этот раз Мари-Ан соизволила ответить лишь холодным взглядом. Судя по всему, этот довод удручал ее. Видимо она отказалась продолжить разговор. Теперь же Эммануэле не хотелось менять тему. Она попробовала восстановить ту атмосферу:

— Ты не хочешь снова снять трусики, Мари-Ан?

Та мотнула косами.

— Нет, мне пора идти. — Она поднялась. — Ты меня проводишь?

— Ты так спешишь? — забеспокоилась Эммануэла.

Но она уже поняла, что решения Мари-Ан обжалованию не подлежат.

В машине девушка смотрела на нее озабоченным взглядом.

— Знаешь, — сказала она, — я не хочу, чтобы ты загубила свою жизнь, ты слишком красива. Очень глупо, что ты такая неприступная.

Эммануэла громко расхохоталась, Мари-Ан не оставила ей времени съязвить:

— Невероятно, что ты смогла дожить до твоих лет, пережив

только эти маленькие, незначительные приключения в своем самолете без окон. Ты действительно вела себя как дура!

Она с грустью покачала головой.

— Уверяю тебя, ты ненормальная.

— Мари-Ан...

— О! Нет. В конце концов не стоит плакать над тем, что прошло.

Зеленый маяк теперь излучал независимость:

— Начиная с этого момента будешь ли ты хотя бы делать то, что я тебе скажу?

— Но, что именно?

— Все, что я тебе скажу.

— Еще чего! — сказала Эммануэла очарованная.

— Ты клянешься?

— Ну, хорошо! Если тебя это позабавит.

Она продолжала смеяться, но Мари-Ан не позволила ей уклониться от ответственности.

— Хочешь, я дам тебе совет?

— Нет, благодарю!

Глаза эльфа анализировали сложность случая. Эммануэла наигранно важничала, не заблуждаясь в своей возможности дать отпор Мари-Ан. Когда машина остановилась перед зданием банка, которым управлял ее отец, она сказала:

— Сегодня ночью точно в полночь ласкай себя опять, я сделаю это в тот же час.

Эммануэла по-заговорщицки подмигнула. Наклонилась, чтобы послать девушке воздушный поцелуй. Та крикнула ей издалека:

— Помни!

Только после того как она отъехала, Эммануэла, наконец, поняла, что не успела задать Мари-Ан ни одного вопроса. Если девчонка с косичками теперь знала все о личной жизни своей новой подруги, то она не знала о ней абсолютно ничего. Даже забыла спросить, девственна ли она.

* * *

Вечером, когда после душа ее муж входит в комнату, он застает Эммануэлу, которая ждет его совсем голая, сидя на пятках, на краю большой низкой кровати. Она обхватывает его бедра руками и берет его член в рот. Едва она пососала его несколько секунд, как он вздулся и выпрямился. Эммануэла водит его между губами, пока он становится очень твердым. Потом лижет его по всей длине, наклоняя голову, нажимая губой голубую вену на поверхности кожи, к ней приливает кровь и рельеф ее увеличивается под ее поцелуями. Жан сказал ей, что она как будто грызет кукурузный кочан и она укусила его своими зубками, чтобы завершить сходство. Как бы в свое оправдание она нежно втягивает ртом сатиновую кожу тестикул, припод-

нимает их руками, скользит под ними кончиком языка, ласкает другую вену, наслаждаясь теплой кровью, чувствуя как она бьется сильнее под прикосновением ее губ, трогает все более интимно, зарывается, водит взад-вперед, вдруг возвращается к концу члена, толкает его в глубину своего горла, так далеко, что вот-вот поперхнется; там, не вынимая, медленным движением всасывает, в то время как язык обволакивает его и массирует.

Ее руки обвивают талию мужа со страстью, которая возрастает, пока она сосет ритмично его член и возбуждение ее губ и языка передается груди и гениталиям. Она чувствует, что между стиснутыми бедрами течет изобильно жидкость, как слюна, которой она сейчас смачивает во рту аппоплексический член. Чтобы вздохнуть от наслаждения и испытать облегчение от частичного оргазма, прежде чем продолжить, она на миг вынимает пенис из губ, не переставая ласкать приоткрытый канал короткими нежными прикосновениями языка. Потом она снова поглощает трепещущую плоть, которая, как мост, объединяет их.

Жан берет лицо жены в свои руки, но не для того чтобы регулировать ее движения или направлять ритм. Он знает, что лучше довериться и оставить ее по-своему усовершенствовать их взаимное удовольствие. Стиль, который она придаст этой близости, в который раз делает ее неповторимой. Иногда Эммануэла забывается, заставляя своего мужа ждать: она не останавливается нигде, переходит с одной чувствительной точки на другую, извлекает из горла своей жертвы вздохи, стоны, до которых ей нет дела, заставляет его вскакивать, трепетать, доводит до горячки, до момента, когда одним последним быстрым и точным движением завершает свое дело. Но сегодня она входит в роль дарительницы более спокойного удовлетворения. Не очень сильно сжимает вибрирующий член, прибавляя нажим пальцев и ритмичное движение руки к сосанию губ, чтобы гармонично освободить орган от его семени как можно более полно. Когда Жан готов, она глотает маленькими глотками ароматную жидкость, которую успела извлечь из него, но последнюю струю оставляет, мурлыча, растаять на ее влюбленном языке.

Она сама так близка к оргазму, что, как только муж сжимает ее клитор губами, она достигает высшего наслаждения.

— Я сейчас тебя возьму! — говорит он.

— Нет, нет! Я хочу выпить тебя еще раз! Обещай! Обещай, что ты вернешься к моим губам. О! Ты еще потечешь в мои губы, скажи, скажи, пожалуйста! Это так хорошо! Я так люблю!

— Твои подруги ласкали тебя так же хорошо, пока меня не было? — спрашивает она позже, когда оба отдыхают.

— О чем ты говоришь? Нет на свете женщины, которая могла бы сравниться с тобой.

— Даже сиамки?

— Даже они.

— Ты говоришь так, чтобы доставить мне удовольствие?

— Ты хорошо знаешь, что нет. Если бы ты не была лучшей любовницей, я бы признал это, чтобы помочь тебе стать ею. Но, в действительности, я не вижу, чему бы ты могла научиться еще. Должно быть, все же есть предел в искусстве любить.

Эммануэла задумывается.

— Я не знаю.

Ее брови морщатся, а звук голоса свидетельствует, что ее сомнения не наиграны.

— Во всяком случае я, наверное, еще далека от него!

Жан протестует.

— Что тебя заставляет так думать?

Она не отвечает. Он настаивает:

— Ты считаешь, что я хороший судья?

— О, да!

— Тогда плохой учитель? Можно сказать, что, в общем, ты не удовлетворена своим любовным обучением. Может быть ты не должна была ограничиваться моими уроками.

Она поспешно успокаивает его:

— Дорогой мой, никто на свете не мог бы учить меня лучше, чем ты. Но это трудно объяснить... Мне кажется, что там, в любви, есть что-то более важное, более разумное, чем просто хорошее умение.

— Ты хочешь сказать — преданность, симпатия, нежность?

— Нет, нет! Это что-то более важное, я почти уверена, что оно связано с физической любовью. Но я не хочу сказать, что дело в дополнительном знании или в большей страсти: это скорее всего состояние души, настройка мысли.

Она глубоко вздохнула:

— Я не уверена, в конце концов, что вопрос в пределе. А если это, наоборот, вопрос точки зрения, мировоззрения?

— Другой взгляд на любовь?

— Не только на любовь. На все!

— Ты не можешь объяснить яснее?

Она жалобно кусает губы, накручивает на перламутровые ногти кудри лобка, как бы помогая себе размышлять.

— Нет, — заключает она. — Это не ясно в моей голове. Наверное я должна пойти еще дальше, найти что-то, чего мне не хватает, чтобы стать настоящей женщиной, действительно твоей женщиной, но я не знаю, чего именно!

И в отчаянии продолжает:

— Я думала, я так много знаю, но что это по сравнению с тем, чего я не знаю?

Она с нетерпением морщит лоб:

— Во-первых, нужно, чтобы я стала умнее. Видишь ли, я ничего почти не знаю, я очень невинна. Я слишком девственна! Ужасно, что в этот вечер я могу чувствовать себя девственницей! Девственница по всем швам, вся покрыта девственностью; даже стыдно.

— Мой чистый ангел!

— О! Нет, не чистый! Совсем не чистый. Девственница, это не обязательно чистая, но обязательно глупая.

Он целует ее очарованный ею. Она настаивает:

— И полна предрассудков.

— Восхитительно слушать, как ты жалуешься на твою невинность, когда только что очаровала меня твоими целомудренными губами!

Лицо ее прояснилось. Но убедил ли он ее?

— Ах! Если действительно оттуда дух осеняет девчонок, — сказала она с глубоким вздохом, — я бы не пропустила больше ни одной минуты, не извлекая его из тебя.

Очень скоро Эммануэла узнает, как это напоминание подействовало на Жана. Она уже хочет выполнить свое обещание, поднимается и ее язык устремляется между влажными зубами... Но он удерживает ее.

— Кто тебе сказал, что дух входит только через этот рот? Запомни: он проникает откуда хочет.

Жан ложится на нее и она сразу чувствует не меньшее желание, чем он. Она сама открывает свое влагалище кончиками пальцев. Ведет член, помогает проникнуть в нее. Ее колени приподнимаются, обвивают мужское тело, раздвигаются, в то время как твердеющий член погружается в ее живот, как только что погружался в горло. Для нее, которая хотела бы в то же время чувствовать его и во рту, богатство воображения дополняет реальность. И губам, которые облизывают язык, кажется, что вкушают сладость спермы; она видит, как пьет ее, удовольствие живота переполняет горло, она умоляет:

— Наслаждайся во мне!

Она чувствует, что отверстие ее матки срослось с пенисом и всасывает его, как сосок. Ей хочется, чтобы Жан эякулировал, всеми движениями своего живота и бедер стремится выжать из него сок: каждый мускул тела превращает ее в эластичное, проворное животное, которое впивается в мужчину и заставляет его дрожать от удовольствия. Но Жан хочет победить ее, заставить первой насладиться, он пронизывает ее быстрыми сильными ударами, всей длиной и толщиной своего члена, беспощадно сжав зубы, жаждущий услышать ее стоны, почувствовать ее, ароматную и теплую, увидеть, как она извивается, бьется, словно под ударами кнута, царапает ему спину, наконец кричит, кричит так сильно, так долго, что голос и дыхание кончаются и она вдруг успокаивается и замолкает ошеломленная, смиренная, спокойная, еле чувствующая свое тело, но уже полная желания, чтобы возбуждение возродилось в ее сознании и к ее мозгу прилила кровь, и он снова забился, как половой орган.

На мгновение ей хочется, чтобы он больше не двигался. Он знает это и замирает неподвижно. Она бормочет:

— Мне хочется заснуть вот так, когда ты во мне.

Он прижимается к ней щекой. Его губы ласкают море волос

цвета ночи. Они не двигаются, они не знают, сколько прошло времени. Потом он слышит шепот:

— Я умерла?

— Нет. Ты живешь мной.

Он сжимает ее и она вздрагивает.

— О! Любимый мой, это правда, мы одно целое. Я твое женское тело. Ты — ты мужчина, вышедший из меня.

Она прикладывает губы к его губам, целует со всей своей силой и нежностью.

— Еще! Глубже! Открой меня... Наслаждайся в моем сердце!

Она умоляет и в то же время смеется над своей бессмыслицей:

— Освободи меня от девственности! О! Я люблю тебя! Освободи меня по-настоящему!

Он входит в игру:

— Возьми инициативу, теперь твоя очередь. Учи меня. Лиши меня невинности. Научи меня наслаждаться, как ты.

Она бормочет: «Да!». Потом отказывается:

— Попозже! Делай сначала все, что ты хочешь. Не спрашивай у меня ни разрешения, ни как делать. Делай!

Она хотела отдаться полностью, достичь вполне осознанной отдачи воле того, кто обладал ею, ни о чем не спрашивая, быть в его распоряжении, слабой, покорной, не делать ничего, только подчиняться и раскрываться... Разве существует большее счастье, чем соглашаться? — тайно воодушевляется она. Одной этой мысли достаточно, чтобы бросить ее в оргазм.

Потом она очнулась, как убитый зверь, с переломленным хребтом, мертвыми ногами, конченной судьбой, счастливый трофей в высочайшей тени покорителя.

— Ты веришь, — спрашивает она, — что я та женщина, которую ты хочешь?

Он только целует ее.

— Но я хочу быть ею еще больше!

— С каждым днем ты все больше становишься ею.

— Ты уверен?

Он доверчиво улыбается ей. Она успокаивается. Какое-то ночное течение бежит по ее венам, приводит в оцепенение, закрывает губы. Она пробует сопротивляться удовольствию, которое жжет мозг.

— Наверное Мари-Ан вбила мне это в голову, — с удивлением слышит она свой голос, — так как совсем не это я хотела доверить Жану.

Он, конечно, удивляется:

— Почему Мари-Ан?

— Она до смешного развязна.

Эммануэла не хочет больше говорить. Это растение, которое продолжает расти в ней, с его корнями, бесконечными ветвями, с соком, быстрее ее мысли... Но ее муж настаивает, и в то же время снова потихоньку начинает двигаться в ней, готовясь отдать ей свою субстанцию.

— Разве ты можешь положиться на нее, чтобы она раскрыла тебе тайны жизни?

— Почему бы нет?

Эта мысль забавляет Жана:

— У тебя уже есть представление о ее способностях?

Она немного колеблется, потом отвечает, не заботясь, поверит он или нет, вся занятая другими мыслями:

— Нет.

Потом улыбается образу, который не исчез с берегов, омываемых ее мыслью.

— Но я бы хотела!

Голос Жана звучит снисходительно:

— Вижу, — говорит он.

Он убаюкивает ее.

— Моя маленькая девственница хочет заниматься любовью с Мари-Ан, правда? Это ее мучает?

Эммануэла не открывая глаз, кивает головой, методично, с усилием, которое вкладывают в жесты и слова, когда хотят быть понятыми.

— Не только это, но, наверное, и это тоже, — соглашается она.

Он нежно надсмехается:

— С этой девчонкой?

Но она корчит недовольную гримасу избалованного ребенка, которая уже напоминает ему ее ночное лицо, и голос ее протестует издалека, ослабевший, отдаленный, как шум волны:

— Я имею право желать это, правда?

Жан вливает в нее струи, восхищаясь, что может столько дать ей, проникнуть так глубоко в нее, так наслаждаться. Потом они лежат рядом неподвижно, соприкасаясь плечами и бедрами. Она не шевелится, чтобы ни одна капля не вытекла из нее.

— Спи, — говорит Жан.

— Подожди...

В отдаленной комнате тихий ритмичный бой часов. Рука Эммануэлы медленно ползет к животу, пальцы касаются клитора, проникают в отверстие, полное спермы. Бедра Мари-Ан приоткрываются перед прикрытыми глазами Эммануэлы, и каждому жесту, который видит в воображении, она отвечает такой же лаской. Когда она чувствует, что подруга готова, она кричит, еще сильнее, чем кричала в объятиях своего мужа. Он, приподнявшись на локте, улыбается, глядя, как она наслаждается, голая и как бы сияющая от удовольствия, охватив одной рукой живот, другой прижимая по очереди груди, и ее ноги еще долго вздрагивают толчками после того, как лоб, веки, губы предались неподвижной нежности сна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГРУДИ, БОГИНИ И РОЗЫ

В моих руках я стала другой.

Поль Валери, «Молодая Парк»

Здесь и до вечера. Роза теней
Свернется на стенах. Роза часов
Увянет без шума. Светлые плиты
Направят по-своему влюбленные в день шаги.

Ив Бонфоа, «Вчера, когда царила пустыня»

Эммануэле хочется пойти в клуб поплавать, а не слушать сплетни. Поэтому она решает отправиться туда утром. Десять раз проплывает длину бассейна, гибко, не заботясь ни о затраченном времени, ни о взглядах немногих присутствующих там в этот ранний час мужчин. При повторяющемся движении рук над головой купальник без бретелек сполз под груди. Когда она загребает, сверкающие струи воды подчеркивают их форму и кожа блестит. Изящные округлые бороздки вырисовываются вокруг сосков. Поэтому кажется, что край круга приподнят и как бы образует атолл. Без этой детали, которая напоминает об уязвимости их мякоти и вызывает во рту сочный вкус, их изгиб был бы, может быть, слиш-

ком совершенным, чтобы волновать, скорее напоминал бы грудь статуи. Когда, запыхавшись, Эммануэла ухватилась обеими руками за поручни лесенки, увидела, что выход закрыт. Арианна де Сейн, склонившись над ней, стояла на бордюре и хохотала во все горло.

— Дорога закрыта! — объявила она. — Покажите пропуск!

Эммануэле стало неприятно, что одна из «идиоток» снова поймала ее. Однако улыбнулась, как могла любезнее. Арианна настаивала:

— Так вот как, изображаем наяд, в то время когда порядочные женщины идут на базар.

— Но, сами-то вы все-таки здесь! — заметила Эммануэла.

Она попробовала подняться. Надоеда не спешила освободить проход.

— Ну! Я другое дело! — сказала она, принимая загадочный вид.

Эммануэла не потребовала объяснений. Графиня спокойно рассматривала прелести своей пленницы.

— Вы прекрасно сложены! — восхитилась она.

Заявление было сделано с убеждением, и Эммануэла подумала, что в сущности Арианна не была недоброжелательной. Может и была чуть свихнутой, но в то же время, надо признать, излучала жизнь и энергию. Эммануэле не нужно было так уж пересиливать себя, чтобы казаться любезной.

В конце концов Арианна отошла от лесенки. Эммануэла взобралась на край бассейна. Не спеша, кончиками пальцев она поправила купальник, точнее прикрыла нижнюю часть груди (соски почти целиком остались на виду), и уселась рядом с Арианной.

Двое высоких юношей нордического типа приблизились и завели разговор по-английски. Графиня весело отвечала. Эммануэлу мало беспокоило то, что она ничего не понимает. Вдруг Арианна повернулась к ней и спросила:

— Эти двое интересуют вас?

Эммануэла скорчила гримасу, а Арианна взялась сообщить претендентам о крахе их кандидатур. Они шумно рассмеялись, ничуть не обидевшись. Однако, казалось, не собирались уходить. Эммануэла находила их невероятно глупыми. Через секунду Арианна решительно поднялась и потащила ее за руку.

— Они надоедают нам, — заявила она. — Идемте со мной на трамплин.

Девушки взобрались на восьмиметровую высоту и улеглись рядом на животе на платформе, застланной веревочным ковром. Арианна сразу стащила с себя сначала верхнюю, а затем и нижнюю часть купальника.

— Вы можете раздеться, — сообщила она. — Отсюда заранее видно, если кто-нибудь идет.

Но именно сейчас Эммануэле не хотелось раздеваться перед Арианной. Она пробормотала не очень убедительное объяснение:

что ее купальник неудобно снимать и одевать, что солнце очень сильное...

— Вы правы, — согласилась Арианна. — Лучше вам привыкать постепенно.

После этого они впали в полулетаргию. Эммануэла нашла, что при всем остальном у графини были и положительные качества. Она любила людей, с которыми можно было хорошо помолчать. Однако через некоторое время она сама нарушила тишину.

— Что здесь есть, кроме бассейна, коктейлей и вечеров у Пьера или Поля? Вы не умираете со скуки?

Арианна вздохнула, как перед чем-то необъятным.

— О! Развлечений хватает. Я не говорю о кино, ночных барах и всякой дряни. Но можно ездить верхом, играть в гольф, в теннис, в сквош, кататься на лыжах по реке; или отвести душу на каналах; посещать пагоды — почему бы нет? Их почти тысяча: если посещать одну в день, у вас хватит занятия на три года. Жаль, что море, я хочу сказать настоящее море, в котором можно купаться — в ста пятидесяти километрах отсюда. Однако стоит съездить. Пляжи изумительные, бесконечно длинные и широкие, окаймленные кокосовыми пальмами и кучами раковин. Ночью вода сказочно фосфоресцирует, пронизываемая миллиардами маленьких частиц. Кораллы щекочут ноги. И акулы едят из ваших рук.

— Мне бы хотелось это увидеть! — прыснула Эммануэла.

— Они даже поют вам серенады, если вы занимаетесь любовью на их земле. Днем под солнцем на песке, который растирает вас, или в тени под сахарными деревьями. Вы всегда найдете маленького мальчика, который за один тикал готов веять вам, пока ваш витязь воздает вам почести. А ночью лежать на пляже, на грани волн, так чтобы их языки ласкали спину, а влюбленное лицо заслоняло глаза от звезд. Ах, там оцениваешь, что значит быть женщиной!

— Насколько я понимаю, это и есть любимый спорт в этой стране? — спросила Эммануэла без неодобрения в голосе.

Арианна взглянула ей в лицо с загадочной улыбкой и промолвила лишь спустя некоторое время.

— Скажите мне, душенька...

Она умолкла, казалось, продумывая какую-то таинственную возможность. Эммануэла, смеясь, повернулась к ней:

— Что вы хотите, чтобы я вам сказала?

Арианна молча подумала, потом вдруг решила, что новенькая заслуживает доверия. Ее голос утратил светский насмешливый тон, звучавший до сих пор. Она скорчила соседке дружескую гримасу.

— Я уверена, что у вас есть темперамент, — сказала она. — Вы не та маленькая святая недотрога, за которую себя выдаете. Впрочем, к счастью. По правде говоря, вы сразу меня заинтересовали.

Эммануэла не сразу сообразила, как следует понимать это заявление. Почти наперекор себе, она продолжала быть на стороже; скорее обиженная, чем польщенная, потому что не любила, когда

ставили под сомнение ее искренность. И чего эти две девчонки все время обзывали ее недотрогой? Сначала это ее рассмешило, но теперь начинало раздражать.

— Вам не хочется развлекаться здесь? — продолжила Арианна тоном, который говорил больше слов.

— Хочется, — сказала Эммануэла. Она сознавала, что пустилась в опасный путь, но еще больше боялась, что ее заподозрят в неприступности.

Оценивающая улыбка Арианны вознаградила ее лишь наполовину.

— Тогда пойдемте как-нибудь вечером со мной, малышка. Вы скажете мужу, что идете на дамский ужин. Увидите, что я вам приготовила. На пятьдесят световых лет вокруг не встретишь более галантных и сердечных рубак, чем рыцари Арианны. Остроумные, молодые, хорошо сложенные и ловко колят и рубят. Вам нечего бояться. Ладно?

— Но вы едва меня знаете, — пыталась увернуться Эммануэла. — Разве вы не...

Арианна пожала плечами:

— Я вас достаточно знаю! Мне незачем ставить вас под продолжительное наблюдение, чтобы увидеть, что вы так красивы, что кружите головы и мальчишкам и девчонкам. А те, о ком я вам говорю, ценят красоту. Я бы и не подумала знакомить вас, если бы не была уверена и в них и в вас. Вот и все.

— А... ваш муж? — с некоторым колебанием спросила Эммануэла. — Он не обращает внимание на ваши знакомства?

Арианна совсем откровенно рассмеялась:

— Надо быть очень вульгарным мужем, чтобы ненавидеть любовные связи жены, — заявила она.

— Я не уверена, что Жан сочтет это нормальным.

— Тогда не доверяйтесь ему, — простодушно заключила Арианна.

Одним прыжком она приблизилась к Эммануэле, обвила руку вокруг ее талии и прижала к себе:

— Хотите поклясться, что будете говорить мне правду?

Эммануэла заморгала глазами, не очень соглашаясь. Полная и теплая грудь у ее плеча выбивала почву из-под ног, насколько еще ее там хватало.

— Вы не будете больше стараться заставить меня поверить, что никогда не принимали в это опьяняющее тело других, кроме своего мужа, правда? Ну хорошо, разве каждый раз вы признавались?

Эммануэла терзалась. Вот опять начиналась охота за доверием! Но зачем так уж обороняться? Разве она должна показаться наивнее, чем есть? Она отрицательно покачала головой, отвечая на вопрос Арианны. Та радостно поцеловала ее в ухо.

— Вот видишь, — торжествовала она, с гордостью рассматривая ее. — Я тебе обещаю, ты не пожалеешь, что приехала в Бангкок!

Тон как будто внушал Эммануэле согласиться подписать некий договор. Она попробовала увильнуть от этих последствий, по крайней мере от того, что казалось непосредственной угрозой:

— Но, послушайте! Это стесняет меня.

Она внезапно осмелела и добавила:

— Не думайте, что это из притворной добродетели или из моральных соображений. Нет. Но... дайте мне, по крайней мере, привыкнуть к этой мысли. Постепенно...

— Конечно, — сказала Арианна. — Незачем спешить. Как к солнцу...

Ее как будто осенило внезапное вдохновение, на губах появилась загадочная улыбка, она поднялась и предложила: — Пойдем, сделаем массаж.

Надела купальник, потом немного пренебрежительно, тоном, которым обратилась бы к ребенку, добавила:

— Не бойся... там только женщины.

Эммануэла оставила свою машину у клуба и села с Арианной в ее открытый кабриолет. Полчаса они ехали среди велорикш и мотоциклов-такси, которые задымили улицы, пестрящие китайскими вывесками. Остановились перед новым одноэтажным зданием, вокруг — лавки торговцев шелком, рестораны и туристические агенства. Надпись на незнакомом языке украшала фасад. Они толкнули дверь из толстого стекла и оказались в вестибюле общественной бани, внешне мало отличавшейся от европейских. Японка в цветном кимоно вежливо приняла их, отвесила множество поклонов, скрестив руки на груди, прежде чем провести их по длинным коридорам, пахнувшим паром и одеколоном. Она остановилась перед какой-то дверью и снова низко поклонилась. Эммануэла подумала про себя, не немая ли она.

— Ты можешь войти сюда, — сказала Арианна, — все массажистки стоящие. Я займу следующую кабину. Встретимся снова через час, — добавила она.

Эммануэла не ожидала, что Арианна оставит ее одну. Она почувствовала себя немного не в своей тарелке. Сквозь дверь, которую японка приоткрыла, была видна маленькая и чистая баня с очень низким потолком, где миниатюрная азиатка в белом сари санитарки мелькала между ванной и столом для массажа. У нее было лицо птицы, вернувшейся из далекого полета. Она тоже сделала поклон, произнесла несколько слов... Не придавая, казалось, значения тому, понимают ли ее или нет, подошла к Эммануэле и внимательными пальцами начала расстегивать ее корсаж.

Когда Эммануэла была раздета, она сделала ей знак влезть в ванную, наполненную синеватой ароматизираванной и теплой водой. Вытерла влажным полотенцем лицо своей клиентки, затем методично намылила спину, грудь, живот. Эммануэла вздрогнула, когда вздутая пеной губка прошла между ног.

Закончив купание и вытерев Эммануэлу большим теплым полотенцем, сиамка пригласила ее вытянуться на столе. Сначала она

прошлась по ней маленькими быстрыми ударами ребром ладони, потом щипала мускулы, давила на икры и поясницу, дергала мочки ушей, долго растирала затылок и хлопала по голове. Полууснув, Эммануэла все-таки чувствовала себя расслабленной и довольной.

Потом массажистка вынула из шкафа два аппарата размером в пакет сигарет, прикрепила их к каждой руке и они сразу загудели как волчок. Ее ладони медленно поползли по поверхности голого тела, углубляясь в каждую выемку, в каждую складку, скользя с неотразимым умением по углублению на затылке, под мышками, между грудями, между бедрами. Затем они нашли самые чувствительные точки на внутренней поверхности бедер. Эммануэла задрожала всей плотью. Ноги раздвинулись и она чуть приподняла таз движением, полным неотразимой грации, протягивая нижние губы для поцелуя, как ребенок. Но руки удалились и поднялись к груди, двигаясь с умением туда-сюда, проходя и возвращаясь, подобно утюгу, который гладил тонкую материю. Когда Эммануэла начала еле слышно охать, они вскочили к соскам грудей, завертелись на них, то легко прикасаясь к верхушкам, то нажимая на них и возвращая их в плоть груди. В ней перекатывались волны, лизали ее ниже талии. Долгие минуты она изгибалась, жалобно постанывала. Руки продолжали свою работу на чувствительных точках ее груди до тех пор, пока оргазм не утих, успокоился, оставляя Эммануэлу вялой и расслабленной.

Теперь, закрыв глаза, она слушала биение своего сердца. Его ритм напоминал ей африканский барабан, обтянутая кожа которого отвечала на каждый поцелуй. «Но какие поцелуи в действительности?», раздосадованная подумала она. «Все мое тело обработали как половой орган, а к моему собственному не прикоснулись! Зачем же тогда он так хорошо выглядит и такой шелковистый? Зачем все выпуклости и углубленности? Почему эта девушка не трогает меня ниже волос на моем животе? Мои нижние губы такие длинные и красивые, их приятно лизать как губы моего рта, но сжатый рот этой немой как будто не испытывает желания поцеловать меня! Ну и ладно, раз она не хочет воспользоваться возможностью, которую я ей предоставляю, я сама буду ласкать себя. Перед ней! Я ей покажу, что нужно делать с женщиной, когда она, голая, закрывает глаза».

Прежде, чем она успела привести в исполнение этот свой план, что-то странное, что она постепенно осознала, отклонило ее мысли: шумному биению ее сердца из-за одной из перегородок отвечало какое-то эхо. Но это не стук: скорее голос, оханье, глухой плач, хрип. И это не Арианна, это какой-то мужчина. Мужчина, который сейчас кричит так сильно, что звук преодолевает перегородку из изолирующей материи, разделяющую кабины и защищающую посетителей от несвоевременных смущений.

Прислушавшись на мгновение, Эммануэла засомневалась, что это именно крик. Как искушенный автомобилист она подумала,

что это перебои мотора, плохо смазанный поршень, шум которого нелепо усилен. Но нет, снова поправляется она: не может быть мотор по ту сторону стены, это скорее мужчина, который задыхается.

Его душат? Кто совершает преступление? Жертва — клиент салона для массажа? Или это наоборот — клиент или клиентка насилует массажиста. Значит здесь есть и массажисты? Арианна уверяла, что обслуживают только женщины. Но разве можно во всем верить Арианне?

Эммануэла спросила о всем этом молодую сиамку, без всякой надежды, что та ее поймет. В это время та перенесла свои заботы с груди на плечи, с бедер на лодыжки. Она ответила на распросы своей пациентки чопорной улыбкой, потом, в свою очередь, произнесла на своем языке какую-то фразу, которая прозвучала как вопрос. В то же время она приближала свои пальцы к нижней части живота Эммануэлы, глядя на нее приподняв брови, будто в ожидании разрешения. С облегчением, с готовностью, с радостью Эммануэла кивнула утвердительно головой. Рука, тяжелая от вибромассажиста, опытно и тщательно исполняла движения по поверхности и в складках гениталей, точно зная как доставить наибольшее удовольствие. Она не остерегалась никакой ласки, не делала паузы, уверенная в результате, прибавляя виртуозность ощупывания, растирания и царапания к электрическим вибрациям.

Эммануэла сдерживалась всеми силами, но ее усилия не продлились долго. Она снова отдалась наслаждению, такому сильному, что уже на лице массажистки появилась тень страха. Долго, после того как руки оставили ее, Эммануэла еще изгибалась, икая, судорожно сжимая пальцами края белого стола.

— Хорошо, что кабины изолированы и стены обеззвучены, — сказала Арианна, когда они встретились на выходе, — когда ты наслаждаешься — то проходишь сквозь них. Теперь ты не станешь мне рассказывать, что предпочитаешь математику.

* * *

Мари-Ан заходила к Эммануэле уже четыре дня подряд, после обеда. Каждый раз она подвергала ее все более тщательному допросу, требуя — и получая — подробности о жестах, которыми ее подруга обменивалась с мужем и о распутстве ее ежедневных мечтаний.

— Если бы ты действительно отдавалась всем мужчинам, с которыми проделывала это в своем воображении, ты была бы законченной женщиной, — заметила она как-то.

— Ты хочешь сказать, что я была бы мертва, — возразила смеясь Эммануэла.

— Как это?

— Ты думаешь, что можно заниматься любовью с мужчинами так часто, как доставляешь себе наслаждение сама?

— Почему бы и нет?

— Но послушай, это же утомительно, отдаваться мужчине!

— А тебя никогда не утомляет ласкать себя?

— Нет.

— Сколько раз ты это делаешь теперь?

Эммануэла стыдливо улыбнулась:

— Вчера я сделала это много раз, ты знаешь. Я думаю, по крайней мере, пятнадцать раз.

— Есть женщины, которые столько же раз делают это с мужчинами.

Эммануэла покачала головой:

— Да знаю, — сказала она. Но, казалось, это не очень привлекало ее.

— В сущности, с мужчинами это не всегда так возбуждает. Это тяжело, грубо, иногда даже больно. И это не совсем похоже на то, как девушки любят больше всего наслаждаться...

Странно, но лишь в одном Эммануэла не решалась довериться девушке. Она лишь время от времени намекала на это, не успевая угадать, понимает ее Мари-Ан или нет. Сама она с трудом пыталась объяснить себе эту робость и сдержанность, которую ничего в поведении ее гостьи, казалось, не вызывало. С приходом Мари-Ан сразу же раздевалась: она без какого-либо колебания сняла блузку, когда Эммануэла намекнула ей об этом, и с тех пор девушки проводили свои встречи совсем голыми, на террасе, окруженной листвой. И все же чувства, которые испытывала Эммануэла, выражались только в том, что она все чаще ласкала саму себя: она не смела ни прикоснуться к своей подруге, ни пригласить ее прикоснуться к себе, несмотря на то, что желала этого до беспамятства. Странная стыдливость и странное бесстыдство боролись в ее душе. Она спрашивала себя все же со смущением, отказываясь задумываться слишком глубоко — может быть эта сдержанность не что иное, как новая и высшая утонченность, безотчетно придуманная интуицией ее чувств, может ее сознательный отказ от тела Мари-Ан, противный всякому инстинкту и разуму, имел более тонкий вкус, более порочное влечение, чем имела бы физическая близость. Так что в этой ситуации, которая должна была причинять ей страдания — ведь эта девчонка распоряжалась ею по своей прихоти, не уступая в замен ничего, что было бы по вкусу ее партнерше — Эммануэла открыла неожиданный источник чувственного наслаждения.

И с этим неизведанным наслаждением от обмана всех плотских желаний, которые до сих пор казались ей самыми естественными и она придавала им очень большое значение, ей открылась другая эротическая ценность в замечательной таинственности, окутывающей сексуальную жизнь ее маленькой подруги. Замечая, с какой легкостью она соглашалась не знать ничего или почти ничего о Мари-Ан, Эммануэла отдавала себе отчет в том, что испытывает больше удовольствия и умственного и физического, предлагая ей

спектакль сладострастия, в котором та была лишь зрителем. И если каждый день она с нетерпением ожидала встречи со своей подругой, то не столько из-за возбуждения созерцать ее голой или быть свидетельницей ее сладострастных игр, сколько из-за бесконечно более скандального и, следовательно, более восхитительного переживания — ласкать саму себя, вытянувшись на шезлонге, под внимательным взглядом Мари-Ан. Когда та уходила, очарование не нарушалось: Эммануэла мысленно снова видела уставленные на нее зеленые глаза и продолжала мастурбировать до вечера.

* * *

В среду после их первой встречи Эммануэла была приглашена на чай к матери Мари-Ан. В претенциозно обставленном салоне она нашла десяток «дам», которые показались ей совершенно незначительными. Она уже жалела, что не может остаться наедине со своей подружкой, которая тут же целомудренно сидела на ковре, исполняя свою роль образцовой девочки, как вдруг ее интерес был привлечен приходом очень элегантной молодой женщины. С первого взгляда было ясно, что та чувствует себя так же неуютно в этом обществе, как и она сама.

Новая посетительница напоминала Эммануэле парижских манекенщиц, которых она так любила. Тот же высокий рост, выражение неумолимой скуки, какая-то отдаленность и точеные формы. Приоткрытый «как роза» рот, янтарные брови, вразлет над огромными глазами, нежный изгиб ресниц придавали лицу такую невероятную наивность, что она казалась показной. Эммануэла подумала безжалостно, что здесь она, пожалуй, единственная, которая по силе того, что называла своим «опытом», может понять настоящую скромность в этом абсолютном поиске, то что достойно похвалы в этой требовательности к долгу красоты, очарование этой страсти, спрятанной под равнодушием перламутрового взгляда. Она вспомнила, как за масками своих подруг, «заимствованных у самых гордых памятников», открыла то, что хотел сказать Бодлер, осуждая «движение, которое смещает черты». Алебастровые башни приобрели плоть, но мужчина сохранил желание к статуям, мужчина, который верит только в недостижимый рай и в бездушных богов, и золотистая плоть снова превратилась в камень.

Теперь это воспоминание наполнилось для Эммануэлы двойственным чувством, в котором одинаково присутствовали и еще близкий вкус ее школьных увлечений, и более взрослые головокружения в салонах для примерки. Она подумала, что сама бы хотела превратиться в произведение искусства, которое, прибыв в Бангкок в виде кома глины, приобрело бы там форму (она мечтала не столько о форме тела — у нее не было причин менять ее — сколько о форме мышления). И хотя она и не представляла себе, в чем точно состоится это перевоплощение, но очень хотела, чтобы

на один день ее жизнь превратилась в нечто ценное и удавшееся, как спутавшаяся копна ее волос цвета меди, нечто торжествующее, как ее глаза, и презирающее мнение толпы, как ее костюм, выкройка которого не подчинялась форме тела и вырез на шее, казалось, мог прикрыться только особенным жестом руки, который имел бы лишь одно значение — удостоверять зябким движением при этом жарком климате разгром основ и крах условностей перед независимой фантазией женского настроения.

Прежде чем мать успела представить пришедшую, Мари-Ан поднялась и увлекла Эммануэлу в угол салона, где их никто не мог услышать.

— У меня есть мужчина для тебя, — сказала она с удовлетворением в голосе от исполненной миссии.

Эммануэла не могла сдержаться, чтобы не прыснуть:

— Вот так новость! И что у тебя за манера сообщать это! Что значит «мужчина для тебя»?

— Один итальянец, очень красивый. Я знаю его давно, но еще не была уверена, что он тот, кто тебе нужен. Я подумала. Именно он тебе нужен. Ты должна познакомиться с ним, не теряя времени.

Эта нотка поспешности, типичная для стиля Мари-Ан, еще больше развеселила Эммануэлу. Она совсем не была уверена, что кандидат, каким бы он ни был, как раз «то, что ей нужно», но не хотела разочаровывать свою опекуншу. Постаралась, как могла, проявить интерес к проекту, компенсируя неблагодарность за ее заботливость:

— Ну, как он выглядит, твой красавец? — спросила она.

— Совсем как флорентийский маркиз. Ты, наверное, никогда не встречала такого. Худощавый, высокий, с орлиным носом, с черными глазами, пронизывающими и глубокими, смуглый, лицо худощавое...

— Ну ладно!

— Что? Не верь мне, если хочешь. Но я, по крайней мере, спокойна, что когда ты его увидишь, не будешь так глупо смеяться. Он тоже рожден под знаком Льва.

— А кто еще?

— Арианна и я.

— А! Ну, что ж...

— Но у него черные блестящие волосы, как твои. И седых прядей точно столько, чтобы выглядеть шикарно.

— Седые волосы! Но это старик!

— Конечно. Ему столько лет, сколько тебе подходит: точно дважды твои, тридцать восемь. Поэтому я и говорю тебе, что надо спешить: через год ты будешь очень старой. Впрочем, через год его уже не будет здесь.

— Что он делает в Бангкоке?

— Ничего. Он очень умный. Путешествует по стране, знает все. Собирается раскапывать руины, изучает буддизм. Даже нашел

в музее предметы, которые человек, что стережет там, никогда не видел. Кажется, пишет какую-то книгу об этом. Но, как я тебе говорила, прежде всего он не делает ничего.

Эммануэла резко прервала Мари-Ан:

— Скажи мне, кто та фантастическая девушка?

— Фантастическая девушка?

— Да, эта, что только что пришла.

— Пришла куда?

— Ну сюда, Мари-Ан! Ты что, оглупела? Там, смотри, прямо перед тобой...

— Ты хочешь сказать Би?

— Что ты говоришь?

— Я говорю Би. Это скорее ты помешалась.

— Ее зовут Би? Какое смешное имя!

— О, это не имя. По-английски это значит пчела. Пишется b, два е. Я предпочитаю писать b, i. Так яснее.

— Но она, как она пишет?

— Так, как я тебе сказала.

— И все же, Мари-Ан!

— Пойми, что это не настоящее имя. Это я ее так назвала. Теперь все забыли другое.

— Скажи мне его все-таки.

— Но зачем это тебе? Ты не сможешь повторить его, это непроизносимо, невероятно смешное английское имя.

— Но все-таки, не могу же я назвать ее Би?

— Тебе не нужно называть ее.

Эммануэла посмотрела на Мари-Ан с удивлением, подумала, потом спросила только:

— Она англичанка?

— Нет, американка. Но, успокойся, она говорит по-французски, как ты и я. Даже без акцента, это уменьшает колорит.

— Кажется, она не очень нравится тебе.

— Она? Это моя лучшая подруга!

— Ах так! Почему же ты никогда не рассказывала мне о ней?

— Я не могу рассказывать тебе о всех девушках, которых я знаю.

— Но раз ты так любишь ее, ты могла бы сказать мне хоть слово.

— Что тебя заставляет думать, что я ее так люблю? Это моя подруга, вот и все. Не обязательно ее любить.

— Мари-Ан!... Как же ты хочешь, чтобы я поняла хоть что-то из того, что ты рассказываешь? А по-правде, просто не хочешь рассказать мне ничего о себе. И не хочешь, чтобы я познакомилась с твоими подругами. Ревнуешь, что ли? Боишься, что я отниму их у тебя?

— Не вижу, какой смысл имело бы для тебя терять время с бандой девчонок.

— Ты смешишь меня, в конце концов! Не так уж ценно мое

время. Слушая тебя, действительно можно поверить, что мои дни сочтены!

— Ну!

Казалось, Мари-Ан думала так всерьез, и Эммануэла разволновалась. Она возразила:

— Я еще не чувствую себя дряхлой.

— О, знаешь, это быстро приходит.

— А эта Би, эта «Bee» — я нахожу английскую орфографию красивее, по крайней мере, это что-то значит — она тоже одной ногой в гробу по твоим вычислениям?

— Ей двадцать два года и восемь месяцев.

Эммануэла продолжала расспрос:

— Она замужем?

— Совсем нет.

— Значит, она еще более старая дева, чем я? Тогда чего она должна дожидаться?

Мари-Ан не ответила ничего.

— Насколько я понимаю, ты не имеешь намерения познакомить меня? — снова подхватила Эммануэла.

— Давай, подойдем! Вместо того, чтобы говорить глупости.

Мари-Ан сделала Би знак, и та пошла им навстречу.

— Вот Эммануэла, — сказала Мари-Ан, как будто изобличала совершителя плохого поступка.

Вблизи большие серые глаза создавали впечатление интеллекта и свободы. Би должно быть не стремилась к главенствующей роли, но и не позволяла легко командовать собой. Со своей стороны Эммануэла подумала, что Мари-Ан наверное нелегко с ней. Она почувствовала, что отомщена.

Они обменялись безобидными любезностями. Голос пришедшей очень подходил к ее взгляду. Спокойный, не знающий сомнения. Какая-то интимная веселость согревала его. Эммануэла подумала, что у этой женщины лицо и голос счастья.

Ей хотелось знать, чем были заняты дни Би. Оказалось, прежде всего прогулками по городу. Она одна живет в Бангкоке? Нет, она приехала год назад в гости к брату, который исполняет обязанности морского атташе в американском посольстве. Сначала думала побыть здесь не больше месяца, но в конце концов она еще здесь. И совсем не хочется уезжать.

— Когда почувствую, что мне надоели эти долгие каникулы, выйду замуж и вернусь в Соединенные Штаты, — сказала она. — Мне не хочется работать. Обожаю бездельничать.

— Вы помолвлены? — спросила Эммануэла.

Этот вопрос позволил ей услышать смех Би. Очень искренний и очень красивый.

— Знаете, в моей стране помолвка накануне свадьбы, а за вечер до этого еще не знаете с кем. Так что я не собираюсь удалиться ни завтра ни послезавтра, мне очень трудно сказать вам, какой я сделаю выбор.

— Но выйти замуж — это не обязательно удалиться, — запротестовала Эммануэла.

Би снисходительно улыбнулась. У нее только вырвалось «ох!» с сомнением в голосе. И добавила:

— Это не беда — удалиться.

Эммануэла хотела спросить: удалиться от чего? Но она боялась показаться нетактичной. А Би поинтересовалась:

— Вы довольны, что так рано вышли замуж?

— О, да! — сказала Эммануэла. — Это, наверное, лучшее, что я сделала в жизни.

Би снова улыбнулась. Эммануэла была очарована добротой, которую она излучала. Эммалированная красота лица (казалось, без всякой помады, но Эммануэла знала, сколько старания и терпения и сколько часов умелой работы кистью и кремом нужно, чтобы достигнуть такого совершенного подобия природы) и почти смущающий избыток совершенства забывались, как только улыбка освещала ее лицо, как солнце витрину. Тогда уже не хотелось говорить: «Как она красива!», а: «Как она симпатично выглядит!» Эммануэла, однако, предпочитала думать: «Как она, наверное, счастлива». Она чувствовала, что это состояние сближает их, так как сама она считала себя счастливой. А несчастье пугало ее так, что она была не способна любить искренне кого-либо, кто с готовностью выставлял напоказ свои страдания и жаловался. Иногда она стыдилась этой черты своего характера, хотя это и не отражало черствость сердца, а только недоверчивую, почти навязчивую страсть к красоте.

Пока Мари-Ан беседовала с дамами, Эммануэла не покидала Би. Они не разговаривали ни о чем значительном, но было ясно, что обеим доставляло удовольствие быть вместе. Эммануэла была даже очень довольна, что ее маленькая подруга пренебрегала ею. Когда Жан пришел за ней, она пожалела, что должна идти. Прощаясь с ней, Мари-Ан бросила занятым тоном: «Я тебе позвоню!». Эммануэла с опозданием подумала, что должна была взять номер телефона Би. Этот пропуск привел ее в такое уныние, что она не могла отвечать на вопросы мужа.

* * *

Эммануэла опасалась встречи с Арианной, сама не зная точно почему. Чтобы не рисковать встретить ее в спортивном клубе, она отказалась от своих утренних сеансов плавания. Как-то она спросила Жана, что он думает о молодой графине. Тот ответил, что считает ее очень красивой девушкой. Ему нравились ее пылкость и отсутствие притворства. Занимался ли он с ней любовью? — захотела узнать Эммануэла. Нет, но если бы представился случай, не отказался бы. Эммануэла, которая вобщем гордилась успехом мужа среди других женщин, на этот раз против всякой логики, по-

тому что в конце концов с Арианной у него ничего не было, почувствовала бешенный приступ ревности, который постаралась скрыть от Жана. Но весь день показался ей отвратительным.

Вскоре после этого разговора Арианна позвонила ей. Сказала, что чувствует себя одуревшей от дождя, который идет уже два дня, но только что ее осенила «гениальная идея». Она научит Эммануэлу играть в сквош. Что это такое? Что-то вроде тенниса, в который можно играть, когда идет дождь, потому что это под крышей. Эммануэле очень понравится. Арианна принесет ракетки и мячи. Эммануэла должна просто надеть шорты, влезть в еспадрили и встретиться с ней через полчаса в спортивном клубе.

Графиня положила трубку, прежде чем Эммануэла успела придумать какое-либо извинение. Она подумала, что в конце концов может быть этот спорт, о котором она ничего не слышала до сих пор, окажется забавным, и довольно охотно приготовилась.

Встретившись в клубе, женщины установили, что одеты совсем одинаково: желтые хлопчатобумажные блузы и черные шорты. Они расхохотались.

— Вы не носите бюстгальтер? — поинтересовалась Арианна. — Никогда, — запротестовала Эммануэла. — У меня нет ни одного.

— Браво! — восхитилась ее подруга, схватив обеими руками и приподнимая легко с земли изумленную Эммануэлу: она и не представляла, что Арианна такая сильная.

И добавила:

— Не верьте ни слову из всех этих басен, что от тенниса и езды верхом груди опускаются, если не связывать их в злобные кули. Как раз наоборот. Спорт укрепляет их и чем труднее упражнения, тем они становятся крепче. Вы только взгляните на мои.

Тут же на площадке, где крутились и другие игроки, она приподняла свою блузу. Эммануэла не была единственной, которая могла восхититься грудью охотницы.

Она нашла, что на первый взгляд корт для сквоша самая банальная штука на свете: пол, четыре деревянные перегородки и крыша. С трибуны, откуда она смотрела, он выглядел как склеп. Они спустились вниз по лестнице, которая, как только они сошли на пол, завертелась вокруг верхней перекладины, автоматически поднятая пружинами, и приклеилась к крыше. Чтобы выйти из склепа, нужно было спустить лестницу, потянув за веревку. Арианна объяснила, что игра состоит в том, что обе по очереди должны отправлять каучуковый мяч в перегородку при помощи ракетки с небольшим диаметром и длинной ручкой.

Под ударами Арианны маленький черный мяч несся так быстро, что Эммануэла, которая должна была бегать, как сумасшедшая, от одной стены к другой, громко хохотала, когда растрепавшиеся волосы хлестали ее по лицу. Через полчаса она уже почти блестяще возвращала мячи, но ноги у нее подкашивались и уже не хватало воздуха. Все ее тело взмокло. Арианна зна-

ком предложила отдохнуть и опустила лестницу. Из сумки, привязанной к перекладине, она вытащила два полотенца. Сняла свою блузку и энергично растерлась. Потом подошла к Эммануэле и сухим полотенцем вытерла спину и грудь своей подруги, которая не воспротивилась, задыхаясь. Ее мокрый блузон был закручен под мышками, но она не решалась поднять руки, чтобы снять его. Арианна прислонила ее к наклоненной лестнице, и Эммануэла, шутя, притворилась распятой на ней, расставив руки и ноги.

Партнерша вытерла ей грудь легкими движениями, продолжив довольно долго после того, как она уже была сухой. К частому дыханию, усталости и жажде, обжигавшей горло Эммануэлы, прибавилось и новое чувство, которое не было неприятным. Вдруг Арианна выпустила полотенце и, скользнув руками под руки своей ученицы, прижалась к ней всем телом. Эммануэла почувствовала, как верхи груди ищут ее грудь (когда нашли, она отдалась удовольствию, слишком сильному, чтобы устоять) и деятельный лобок, прижимавший ее через ткань шорт. Наклонное положение ее тела компенсировало несколько сантиметров разницы в росте, так что их груди были точно на одном уровне. Арианна поцеловала Эммануэлу так, как никто до сих пор: очень глубоко, ощупывая подряд, не пренебрегая ни одной поверхностью, ее губы, язык, все углубления и выпуклости ее рта, небо, зубы, так долго, что она не знала, сколько длится этот поцелуй — минуты или часы. Она не чувствовала уже жажды, которая только что обжигала горло. Потихоньку шевелилась, чтобы клитор мог расцвести, затвердеть и найти убежище в упругости другого живота. Когда эрекция стала такой сильной, что Эммануэла превратилась в огромную набухающую почку, которая вот-вот взорвется, она, даже не давая себе отчета, сжала между ногами бедро Арианны и начала гибкими движениями таза тереться об него. В течение нескольких минут Арианна оставила ее, зная, что Эммануэла нуждается в этой разрядке исключительного напряжения чувств Потом она отняла свои губы и посмотрела на младшую со смешком, который так часто вырывался у нее и выражал, казалось, радость от хорошей шутки. Эммануэла почувствовала смущение от этого взгляда и в то же время уверенность, заметив, что Арианна вкладывает так мало чувств в их объятия. Ей хотелось еще ощутить ее губы и не хотелось, чтобы грудь Арианны покинула ее. Но та вдруг схватила Эммануэлу за талию так же, как когда они пришли, и атлетическим движением подняла ее к верху лестницы. Пятки Эммануэлы зацепились за какую-то перекладину. Она подумала, что Арианна хочет поцеловать ее грудь, но, ведя игру, та держала голову далеко, и насмешливые глаза не отрывались от глаз ее жертвы. Прежде чем Эммануэла успела дать себе отчет, что точно происходит с ней, рука Арианны просунулась в ее шорты и начала ласкать влажную плоть.

Пальцы Арианны были такими же умелыми, опытными и действенными, как и язык. Они легко прикоснулись к клитору, потом

два из них, прижатые один к другому, решительно вошли глубоко в плоть, растягивая слизистую оболочку и массируя выпуклость матки, проявляя восхитительную активность и умение. Эммануэла позволила увлечь себя в оргазм, не сопротивляясь, только собирая все свои силы, чтобы насладиться как можно больше, раскрываясь и протягиваясь вперед к руке, которая разрывала ее. У нее было чувство, что какая-то лава переливалась через нее и текла, густая и теплая, вдоль Арианны. Когда в конце концов в полузабытьи она скользнула вниз по лестнице, ее подруга приняла ее в свои объятия и прижала к себе. Если бы в этот момент Эммануэла могла увидеть глаза Арианны, она может быть с удивлением бы открыла, что из них исчезла прежняя насмешливость.

Когда Эммануэла пришла в себя, ее подруга была, как и прежде, шаловлива и вела себя обычно. Она, легко касаясь, держала ее за плечи. Рассмеявшись, но все же мило, она спросила:

— Тебя еще держат ноги? Можешь подняться по лестнице?

Эммануэла вдруг почувствовала сильное смущение и опустила голову с выражением недовольного ребенка. Арианна взяла пальцами ее подбородок и приподняла его. Она снова была совсем близко.

— Скажи мне, — очень серьезным тоном, который Эммануэла никогда не слышала у нее, почти сдавленно пробормотала она, — тебе уже делали это другие женщины?

Внешне Эммануэла оставалась бесстрастной, но в действительности ее мысль мучилась в замешательстве, непонятном для нее самой. Попробовала сделать вид, что не слышит. Но Арианна настаивала, властная и в то же время соблазняющая:

— Ответь! Ты еще никогда не занималась любовью с женщинами?

Раздваиваясь между уважением и нежеланием ответить, Эммануэла замкнулась в своем молчании. Арианна приблизилась, и ее губы прикоснулись к губам подруги.

— Иди ко мне, — выдохнула она. — Хочешь?

Но Эммануэла отрицательно покачала головой.

На одно долгое мгновение Арианна задержала упрямый подбородок в своей руке, но не сказала ничего больше. Когда, наконец, она отодвинулась, ничего в ее веселом взгляде и задорной физиономии не подсказывало, что она разочарована отказом Эммануэлы или сердится на нее.

— Поднимайся, — сказала она, нажав ей на кончик носа.

Эммануэла повернулась и вскарабкалась по ступенькам. Арианна последовала за ней. Эммануэла спустила до талии свое еще мокрое трико.

— О! Ты забыла внизу свою блузку? — заметила она. И сразу добавила: — Хочешь я схожу за ней? (Она вдруг заметила, что только что в первый раз сказала Арианне «ты».)

Но та с презрительной независимостью махнула рукой:

— Оставь! Не стоит, она совсем заношена.

Она накинула на плечи полотенце, не стараясь прикрыть грудь. Пока шли к гаражу, она в одной руке несла ракетки и свою пеструю полотняную сумку. Другой держала руку Эммануэлы. Группы людей проходя кивали им, она весело отвечала на приветствия, приоткрывая еще больше наготу своей груди. Эммануэле казалось, что все смотрят на них. Испытывала только стыд и ужас. Она спешила отделаться от Арианны и твердо решила больше не встречаться с ней.

Когда они подошли к машинам, Арианна пустила руку своей подруги и повернулась к ней лицом, пока завязывала, наконец, края полотенца. Она смотрела на нее с выражением вопроса и ожидания, чья ироничная выразительность не нуждалась в словах. Эммануэла опустила голову. Ее замешательство, смятение мыслей, не было наигранным. Арианна совсем не настаивала. Она склонилась и легко поцеловала подругу в щеку.

— До скорого, мой козленок, — весело сказала она.

Прыгнула в машину и, отъехав, махнула на прощание рукой.

Когда она уехала, Эммануэла пожалела, что ничего не сделала, чтобы задержать ее. Ей хотелось смотреть еще на ее грудь. И особенно ей хотелось чувствовать ее на себе. Вдруг она испытала желание оказаться голой и чтобы Арианна была голая и вытянулась на ней во всю длину, обе совсем голые, более голые, чем когда-либо. Ей хотелось чувствовать ее грудь на своей и ее живот на своем. И ей хотелось ощущать ласку женских рук, ног, губ, все тело женщины... Если бы в этот момент Арианна вернулась обратно, ах! как бы Эммануэла отдалась ей.

* * *

В этот же день приехал Кристофер. Он был граздо красивее, чем на фотографиях, походка и открытый смех напоминали англосаксонского игрока регби. Строго причесанные светлые волосы, казалось, сопротивлялись воздушному смерчу. Эммануэла сразу же почувствовала доверие к нему, как к очень старому другу. Показывая ему свой сад, она просунула одну руку под руку мужа, другую под руку Кристофера. Заранее стала оспаривать у Жана компанию приехавшего:

— Ты же не заставишь Кристофера работать все время! Я хочу повезти его на каналы, показать черный рынок.

— Но ведь я здесь не в отпуску, — отбивался очарованный Кристофер.

Двойное удовольствие, которое он испытывал, — снова встретить Жана и видеть, что он так удачно женился, — придавало этому воскресенью замечательный настрой. Он не скрывал своего восхищения Эммануэлой:

— Этому разбойнику Жану действительно повезло! — воск-

ликнул он, окидывая свою хозяйку восхищенным взглядом. — А ведь и пальцем не двинул, чтобы заслужить это!

— К счастью, — пошутила она. — Ужасаюсь мужа с заслугами!

Они засиделись допоздна, веселые и шумные, легли спать после того, как сон победил Эммануэлу, закрыв ей глаза в кресле, где она свернулась калачиком, на обвитой зеленью террасе. Дождь перестал. Лягушки умолкли. Звезды сияли так, как в сухой сезон. Середина августа не редко предлагает такие обманчивые отсрочки.

* * *

Эммануэла спит голой. Но завтракая с Жаном на широком балконе их комнаты, она одевает одну из легких коротеньких ночных рубашек, которые приобрела в большом количестве (главным образом из-за удовольствия примерки) накануне отъезда из Парижа. Та, которую она надела в это утро, прозрачна, вся в складках, цветом очень похожа на ее кожу. Подол еле прикрывает пах. Три пуговицы застегиваются на талии. Самое легкое дуновение приподнимает ее. Вдруг Эммануэла рассмеялась:

— Господи! Я совсем забыла, что у нас гость. Мне лучше бы одеть что-нибудь поприличнее.

И она отправляется переодеться. Но Жан останавливает ее.

— Ни в коем случае, — заявляет он. — Тебе так очень хорошо.

В глубине души она не возражает показаться в этом виде, привыкнув давно быть голой под взглядами самых разных людей. В этом смысле отношение ее мужа не отличается от обычаев ее детства. Для ее родителей, так же как и для нее, мысль, что она должна одеть халат, чтобы показаться перед ними, была бы абсурдна. Ночные рубашки после замужества она купила из кокетства, а не из стыдливости.

Кристофер чувствует себя не так удобно, как хозяева. Сидя напротив Эммануэлы, он не может оторвать глаз от ее груди, освященной солнцем под складками ночной рубашки: соски беспокоят его, как пятна крови. Когда она поднимается и подносит ему печенье, фрукты, мед, утренний бриз приподнимает ажурное белье до пупа, и каракулевый треугольник приближается к нему, к его лицу так близко, что он может вдохнуть аромат ландыша.

Он не смеет поднести чашку чая к своим губам, боясь, что руки будут дрожать. Он с ужасом думает: «Что будет, если я должен буду встать? Или кто-нибудь уберет скатерть?»

К счастью, Эммануэла возвращается в свою комнату прежде, чем мужчины заканчивают есть бутерброды. У Кристофера есть время прийти в себя.

* * *

Они должны были вернуться лишь к ужину. Эммануэле не хотелось пробыть весь день дома одной. Она села в свою машину и поехала к центру города. В течение часа она рулила без точной цели, временами теряясь, иногда останавливаясь, чтобы зайти в магазин, или забываясь в ужасе созерцания какого-нибудь прокаженного, который, сидя на тротуаре, пятился, опираясь на разъеденные запястья и волоча по грязной земле культи бедер. Эммануэлу так расстраивали подобные спектакли, что она не могла включить снова двигатель. Она стояла там оцепенев, забыв, куда хотела поехать и что должна была сделать своими целыми ногами и здоровыми гибкими руками. В то же время в уме стыдилась этого волнения: «Боясь этого мужчины, я исключаю его из мира, — признавала она. — Я веду себя так же жестоко, как и мои соотечественники, которые в недавнем прошлом заключали прокаженных, смотрели на них, как на уже мертвых, заставляли их носить позорные знаки. Сиамцы более справедливы: они не считают больного виновным. Заботятся о нем. Не избегают его. Не показывают пальцем. Они не устраивают скандалы, когда встречают его на улице. Дают ему есть и пить. Разрешают ему прожить те из немногих дней, которые ему остались, где ему хочется».

Но угрызения совести не успокоили ее. В этот момент недалеко она заметила знакомый силуэт, выходящий из китайской лавки. У нее вырвался крик, прозвучавший как зов о помощи:

— Би!

Девушка удивленно повернулась и радостно махнула рукой. Подошла к машине.

— Я искала вас, — сказала Эммануэла.

В тот же миг она дала себе отчет, что это была правда.

— Ну и хорошо! Вам повезло, что вы меня нашли, — пошутила Би. — Потому что я не часто прихожу в этот квартал.

«Конечно, она не верит мне», — с грустью подумала Эммануэла.

— Хотите, пообедаем вместе, вдвоем? — предложила она с такой настойчивой просьбой в голосе, что на секунду Би не знала, что ответить.

Эммануэла продолжала:

— У меня есть идея! Пойдем ко мне! Там есть куча всякой снеди. И потом, вы еще не видели мой дом.

— А вы не предпочитаете попробовать местную кухню? — предложила Би. — Здесь совсем близко очень живописный маленький сиамский ресторан. Я приглашаю вас.

— Нет, нет! — заупрямилась Эммануэла. — В другой раз. Сейчас, я хочу повести вас ко мне.

— Ну, как хотите!

Би открыла дверцу и уселась рядом с ней. Эммануэла расцвела. Внезапно она почувствовала себя снова уверенной в своих же-

ланиях, гордой тем, что любит, не способной притворяться так же, как и ждать. Чуть было не закричала от радости во все горло, пока, презирая всякую предосторожность, вела машину через муравейник города. Смеялась безо всякого повода. Казалось излучала сияние. Песня надежды звучала в ее голове. О, моя твердая земля! О, красавица моя в крылатом порыве, о, ты, моя красавица, моя нежная красавица! О, земля моя в крылатом порыве, о, моя красавица, моя нежная красавица! Моя обещанная бухта в крылатом порыве, красавица моя, моя нежная красавица! Красавица, земля моя, бухта моя, мое крыло!

Она протягивала руки с нежностью потерпевшего кораблекрушение, встряхивая тяжелые волосы, взмокшие в волнах, целуя со счастливыми рыданиями прекрасный берег нежной земли. Наконец, наконец! Земля, на которую волны положили ее, окутанную мокрыми волосами, была так нежна, с ее возбужденным телом, с ее босыми ногами, так ласкова к отдающемуся телу. Все, чему она научилась и от чего отучилась в колдовстве августовской ночи, переходя из одного мира в другой, было забыто. Вечная заря золотила ее губы.

Би смотрела на нее с восхищением, немного смущенная.

Элегантная и модная обстановка понравилась гостье. Она похвалила цветы в вазах японского стиля, которому Эммануэла научилась в Париже, предметы из керамики, сосуды из просвечивающего камня, полные воды, украшенные кораллами и морскими раковинами и большой предмет из кованого железа, поставленный в середине комнаты, громоздкий, вызывающий, звенящий всей своей необычной железной листвой.

Пообедали быстро. Эммануэла потеряла дар речи. Ее ликующий взгляд не отрывался от Би.

Потом, несмотря на обжигающее солнце, они вышли в сад. Эммануэла вела подругу за руку мимо саженцев, чтобы дать ей почувствовать будущую красоту пейзажа, когда кустарники расцветут.

Она сорвала розу с длинным стеблем и протянула ее Би. Та охватила пальцами красный цветок и прижала к своей щеке. Эммануэла приблизила свои губы и поцеловала розу.

Когда они вернулись в дом, пот стекал по их лицам и шеям.

— Не принять ли нам душ? — предложила Эммануэла.

Би признала, что это неплохая идея.

Как только вошли в комнату, Эммануэла сорвала с себя одежду так поспешно, будто она горела. Би начала раздеваться лишь после того, как Эммануэла сняла с себя все. Перед этим сказала:

— Какое у вас красивое тело!

Потом медленно расстегнула воротник. Когда она приоткрыла блузку, которую носила, совсем как Эммануэла, прямо на теле, та не смогла сдержать восклицания: грудь Би больше походила на грудь мальчика.

— Видите, какая я плоская, — сказала девушка.

Она совсем не выглядела смущенной. Скорее наслаждалась изумлением Эммануэлы. Та рассматривала розовые соски, такие маленькие и бледные, что казались незрелыми, как у подростка. Би не очень серйозно забеспокоилась:

— Вы находите это некрасивым?

— О, нет! Наоборот, это прекрасно! — воскликнула Эммануэла с такой горячностью, что ее собеседница ответила ей потеплевшей улыбкой.

— Вы, однако, имеете все основания быть неприступной, у вас такая восхитительная грудь, — заметила она. — Мы удивительно контрастны, не правда ли?

Но Эммануэла возразила с убежденной фанатичностью:

— Что такое находят в большой груди? Только это и можно увидеть на обложках журналов. А вы так отличаетесь от других женщин. Это так красиво!

Ее голос зазвучал чуть глуше:

— Знаете, никогда не видела ничего более возбуждающего. Я это не в шутку говорю.

— Признаюсь, что меня это довольно-таки забавляет, — сказала Би, спуская к ногам свою юбку. — Мне конечно не хотелось бы иметь маленькую грудь, но совсем не иметь — в этом есть юмор, вам не кажется? — (Вдруг она стала более словоохотливой. Эммануэла не помнила, чтобы Би произносила такую длинную тираду.) — Долго я даже жила в страхе, что моя грудь начнет расти. У меня бы было чувство, что теряю всякую индивидуальность. И каждый вечер я молилась: «Боже мой, сделай так, чтобы у меня никогда не было настоящей груди!». Я была так добродетельна, что добрый Бог внял моим просьбам!

— Какая удача, — воскликнула Эммануэла. — Было бы ужасно, если бы ваша грудь выросла. Я вас обожаю вот такой!

Она решила, что у Би восхитительные ноги, такие длинные с чистыми линиями, что, казалось, сошли с полотна модельера и не совсем настоящие. Узкие бедра, гибкая и тонкая талия дополняли впечатление изящества и благородного происхождения. Но еще больше поразила Эммануэлу, когда Би стащила трусики, необычная выпуклость бритого лобка. Она никогда не видела ни так сильно выделяющийся на плоскости живота рельеф, ни так сильно выраженную женскую сексуальность. Она подумала, что не знает в мире ничего более аристократичного и более вызывающего. Отсутствие волос подчеркивала поднимающаяся высоко, глубокая и четкая прорезь, открытая без двусмысленности взгляду. Контраст между этой гордо выставленной напоказ женственностью и грудью юноши вдобавок к тому, что тело Би было покрыто равномерным загаром (так что невозможно было не подумать, что она целиком подставлялась солнцу и другие могли свободно рассматривать эту красоту гермафродита), был вызывающим. И, несмотря на холодную вежливость Би, гладкая и прорезанная выпуклость нижней части живота была так чувственна, вырывалась вперед с таким

призывным движением, что Эммануэла чувствовала себя возбужденной словно невидимой рукой. Она решила, что немедленно должна обладать Би, чтобы раскрылась эта сладострастная борозда, эта щель... О! эта щель! Эта щель, один вид которой заставлял ее дрожать. Эта щель, увенчанная живым кораллом. Эта прелесть. Эта самая красивая часть из всех тел, которые могла бы сотворить Вселенная. Этот шедевр всех скульптур, что на земле создала жизнь. Ничего, ничего на земле не должно цениться больше!..

Она открыла рот, чтобы сказать Би о своем желании, но в этот момент девушка повернулась к ванной:

— А душ? — напомнила она.

Притворство казалось Эммануэле лишним. Чтобы пресечь увиливание Би, она приказала:

— Идите на кровать.

Гостья остановилась перед дверью с нерешительным видом, потом засмеялась:

— Но мне хочется освежиться, а не спать, — сказала она.

Эммануэла спросила себя, действительно ли Би считала, что получила приглашение на послеобеденный отдых, или просто разыгрывала невинность. Ее взгляд встретился с взглядом голой подруги и надежда покинула ее, не находя в нем никакого понимания.

Она подошла к Би и открыла дверь:

— Тогда будем заниматься любовью под душем, — холодно сказала она.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КАВАТИНА ИЛИ ЛЮБОВЬ БИ

Мгновение!
О, как прекрасно ты, повремени!

Гете, «Фауст»

Я оставлю кровать так, как она оставила ее, неприбранной и разбросанной, со спутанными покрывалами, чтобы форма ее тела осталась отпечатанной рядом с моей. До завтра я не войду в ванную, не надену одежды, не причешу волосы, боясь стереть ее ласки. Не стану есть ни в это утро, ни вечером и на мои губы не положу ни помаду, ни пудру, чтобы сохранить ее поцелуй. Я оставлю ставни закрытыми и не буду открывать дверь из страха, что оставшееся воспоминание исчезнет с ветром.

Пиер Луис,
«Песни Билитис»,
(«Прошлое, которое продолжает жить»)

Ванная комната оборудована всякими видами душа. Один прикреплен к потолку, другой к стене, третий, поменьше, на конце длинного шланга, его можно держать в руке и направлять куда

угодно. Стоя рядом под перекрещивающимися струями, женщины вопили от холода. Чтобы уберечь волосы, Эммануэла повязала их на макушке и так выглядела одного роста со своей подругой.

Она сказала Би, что покажет ей, для чего служит подвижный душ. Потом взяла шланг в правую руку, обвила левой рукой бедра подруги и приказала ей расставить ноги.

Би послушалась. Эммануэла направляет струю снизу вверх к лобку гостьи, потом постепенно приближает, придавая то ритмичные колебания, умелые и невоздержанные, как колебания ее пальцев, дразнящих клитор, то спиральные движения. Она прекрасно знает правила этой игры. Вода каскадом стекает между ног Би. Эммануэла поднимает глаза:

— Так хорошо? — спрашивает она.

Би как будто находит вопрос неуместным. Она колеблется минуту, кажется хочет сделать замечание, отказывается и, наконец, кивает утвердительно головой. Однако минуту спустя она признает:

— Да, очень хорошо.

Не переставая направлять душ уверенной рукой, Эммануэла наклоняется и берет губами один из маленьких сосков груди. Она чувствует, что Би ставит руку на ее волосы, может, чтоб оттолкнуть ее? Эммануэла сжимает губами кукольный сосок, лижет его кончиком языка, сосет. Он сразу же твердеет, становится вдвое больше. Торжествуя, она выпрямляется:

— Видите...

Но умолкает: черты Би потеряли маску спокойствия. Красивые серые глаза стали еще больше, губы набухли и блестят. Почти детское лицо прояснилось, такую Би Эммануэла не знала до сих пор, поражающая силой красоты, она наслаждалась без крика, без дрожи, ритм ее тела не выдавал силу удовольствия.

Экстаз длится так долго, что Эммануэла недоумевает, сознает ли еще подруга ее присутствие. Потом постепенно прекрасное выражение исчезает, и Эммануэла печалится, что это наслаждение не может продлиться вечно. Она так оробела от преображения, которому была свидетелем, что не смеет заговорить. Би улыбается ей.

Эммануэла обвивает руками шею подруги и целует ее губы. Стонет от удовольствия, когда тело Би прижимается к ней — сама свежесть, которая струится из ее кожи, ласкает. Она крепко обнимает ее и трет свой лобок об ее.

Би угадывает желание Эммануэлы, она нежно скользит руками по ее талии, нажимает легонько на бедра, прижимается к ее животу. В ее приоткрытый рот проникает странный вкус, сочный и сладкий, как экзотичный плод. Она чувствует спазм, поднимающийся в прижатом к ней теле. Помогает ему всеми своими силами. Слышит свои губы, которые мурлычат слова, полные звуков любви.

* * *

— Эммануэла интеллигентна, любознательна ко всему и всегда в хорошем настроении. Но совсем не поэтому я женился на ней, — говорит Жан Кристоферу, сидя в джипе, который мчится по колее в красной пыли.

Пот стекает по их коже, тяжесть воздуха обжигает горло. Они преодолевают маленький мост: мальчишки и девчонки играют в воде, брызгаются грязью и звонко визжат.

— Смотри. Разве это не Восток из кинофильмов?

Жан останавливает машину. Он сходит к ручейку, чтобы освежить лицо. Дети прыгают от радости и кричат хором, тыча в них пальцами:

— Фаранг! Фаранг!

— Что они говорят? — беспокоится Кристофер.

Девочка, волосы которой ласкали плечи длинными черными языками, подошла к ним. Она подобрала с земли ярко-синий саронг, выделяющийся резко на загаре ее кожи, и на ходу обвязала его вокруг талии.

— Тан як сю сом-о май джа? — спосила она, отправляя иностранцам очаровательную улыбку.

— Не знаю, что она от нас хочет, — сознался Жан.

Девочка жестом указала корзину с огромными грейпфрутами, поставленную в тени хлебного дерева.

— А! Вижу. Она предлагает грейпфруты. Неплохая идея.

Жан утвердительно кивнул, выговаривая по слогам:

— Ао ко даи!

Ребенок побежал к корзинке и вернулся с фруктом, крупнее его головы. Поднял руку, растопырив пять пальцев:

— Ха бахт.

— Ладно, малышка, — сказал Жан.

Он протянул ей банкноту в пять тико, которую та старательно рассмотрела.

— Наш счет в порядке? — спросил Жан.

— Ка.

Разговор на двух языках совсем не смущал ее. Кристофер удивился.

— Она понимает по-французски?

— Ей и не снилось. Но это не мешает чуточку поболтать.

Малышка с вопросительным выражением подняла плод на высоту лица.

— Пок хаи маи джа?

Жан развел руками, выражая непонимание. Свободная рука ребенка описала воображаемые окружности по шероховатой кожуре, затем жестом показал, что снимает ее.

— А! Ну да, почему бы и нет? — согласился Жан. — Было бы мило с твоей стороны.

Она вернулась к своей корзине, взяла оттуда совсем маленький

ножик с тонким изогнутым бронзовым лезвием, потом уселась, положив грейпфрут в юбку, обтянутую на скрещенных ногах.

Мужчины уселись на траву напротив нее.

— Так как ты сказал, что женился на Эммануэле не из-за ее ума, то я предполагаю, что из-за ее красоты? — бросил Кристофер. — Это понятно.

— Может быть. Но и этого было бы мало, чтобы меня соблазнить.

— Ну и? Что же тебя покорило? Ее хозяйственные способности?

— Нет, ее плотский гений. Я не знаю никого в мире, кто так любит заниматься любовью. И кто делает это так хорошо.

Кристофер был шокирован. Такая откровенность показалась ему безвкусной. Однако он сгорал от нетерпения услышать подробности.

— Тебе наверное повезло, — немного натянуто произнес он. — Но разве ты не рискуешь? Этот... как ты называешь?... этот дар, который она имеет — другие могут узнать о нем... Искуситься... попытаться воспользоваться ею. Захотеть отнять ее у тебя.

— Нельзя отнять у меня то, что мне не принадлежит, — сказал Жан, как будто объясняя очевидное. — Она не моя собственность. Ее красота не принадлежит мне.

На лице Кристофера выразилось недоумение. Жан добавил:

— Я не женился на ней, чтоб ограничивать.

Девчонка протянула на собранных ладонях ломтики грейпфрута. Жан взял один, коротко кивнув головой, и попробовал с демонстративным удовольствием.

— Ты не попробуешь? — спросил он Кристофера.

Тот машинально, с отсутствующим взглядом, взял предложенный плод. Жан добавил:

— Эммануэлу и меня интересует мир. И нам хочется узнать о нем побольше.

Смеясь, он задорно заметил:

— Есть чем заняться!

Взял еще одну дольку из рук ребенка. Потом закончил:

— Довольно, чтобы быть вместе.

Кристоферу ответы Жана казались недостаточными. Он снова начал:

— Прежде, чем отметить любовные качества, ты говорил о уме Эммануэлы. Что для тебя означает быть умным?

Казалось, Жан собирал из осколков элементы импровизированного ответа.

— Ну хорошо, скажем, пусть это будет: искать вещи, отличающиеся от тех, что другие уже нашли. И еще: уметь в данный момент воспротивиться аргументам власти. Устоять законченной мысли. Не очень увлекаться показухой и модой. Ум это то, что заставляет нас избегать лозунгов, слов приказов, запретов, знамен, шествий, крестовых походов. Это то, что подсказывает нам приберечь свои рукоплескания и освистывания.

— Хм... Все это довольно эмпирично! Скажи мне лучше, как научно решить, что женщина умна. Твоя, например.

— Она видит только то, что вижу я. Но не всегда думает так же, как я.

Кристофер не очень любезно пробормотал что-то, из чего Жан различил:

— Ладно, оставь! Ты разводишь феминизм, тогда как я прошу тебя быть объективным.

Он знал, что слово «феминизм» действует на нервы Жану, который на этот раз объяснил почему:

— Я слышал, что неравенство мужчин и женщин не главная проблема. Война полов — только один частный и эпизодичный аспект конфликта, который начался в далеком прошлом, и в его основе скорее страдания, а не распределение обязанностей при мытье посуды. Конфликт особенно актуален сейчас и останется жгучим, даже когда для нашего брата перестанут действовать законы термодинамики.

— Ладно, переходи к существу вопроса, — поторопил Кристофер.

— Это то, что обусловливает деление двуногих на два мира, таких далеких и несовместимых, как торговый оборот отдален от теории бесконечных рядов. С одной стороны, существует мир власти, с другой, мужчина и женщина — великие открыватели. В мире власти употребляют свое старшинство и силу, чтобы утвердить накопленные идеи и удержать неизменными предварительно установленные моральные нормы. Установленные предварительно и неизвестно кем: вот это позволяет господствующему педантизму претендовать на то, что порядок вечен. Верховные жрецы взяли на себя роли богов.

— Боги, — сказал Кристофер, — были осужденным меньшинством. И их современные заместители также. Количество их поразительно мало на фоне числа простых смертных. Эпсилон против бесконечного множества.

— Ошибка, — воскликнул Жан. — Так как пехота, подчиненная господам мысли, составляет количество большее, чем все воображаемые сопротивляющиеся. Наверное, это масса всех, кто обожает подчиняться, кто страстно любит маршировать в строю, кто спрашивает и переспрашивает, только чтобы придерживаться правил, подражать, сохраниться. Если бы только эти поющие последователи не были такими мрачными! Но особенности и независимость других наводят на них тоску. Могущество начальников основано на унынии дисциплинированных. Верующие стали печальными, так как слушают, что когда-то все было лучше, чем сейчас. Ты можешь мне объяснить, почему все эти миллиарды нытиков предпочитают верить в это, вместо того чтобы пойти и посмотреть.

Кристофер рассеяно жевал последнюю дольку фрукта, что не помешало ему ясно сказать:

— Я не сочувствую несчастьям тех, кто не хочет знать. Никто не обязан умереть большим дураком, чем родился.

— О, напротив! — вздохнул Жан. — Но не будем политиканствовать в поле. И не сжирай весь грейпфрут.

Кристофер проглотил, прежде чем вернуться к вопросу:

— Значит, Эммануэла принадлежит к категории женщин, которым нравится понимать? Иначе говоря, она, как ты и я. Ничего такого особенного.

— Действительно, абсолютно ничего, — ухмыльнулся Жан, который, казалось, сразу начал важничать. — Если не считать, что она не воображает, что знание к ней придет или пришло из другого мира. Не ожидает, чтобы это знание подали ей общедоступной ложкой духовные лица, пропагандисты или военные. В отличии от тебя и меня, которые жалеем о добром старом времени, когда нас вдвоем чуть было не укокошили, она не очень страдает от ностальгии. Так же склоняется к мысли, что она не более безнравственна, чем ее предки, медалисты войны с огнем. И считает, что она, во всяком случае, более счастлива. Тем более не сомневается, что ей хуже во всех отношениях, чем мужчинам и женщинам, которые придут после нее. По крайней мере, она сделает все возможное, чтобы научиться чему-нибудь у детей, которые, быть может, у нее будут. Включая и любовь.

Жан перевел дыхание и снова, вернув насмешливый тон, заверил:

— А это предмет, которым она уже владеет, но и священная цель!

Кристофер продолжал выглядеть странно возбужденным.

— Мне кажется, — пробормотал он, — что если бы ты оказался на месте Адама, повел бы себя не лучше.

— Я бы был на стороне Евы, — сказал Жан. — Женщина, которая любит запретные плоды и ненавидит сторожа в общественном саду, не может быть совсем плохой.

* * *

Дети собрались в круг и молча рассматривали их, толкаясь время от времени локтями, чтобы залиться сумасшедшим смехом, доводившим их до слез.

— Они как будто издеваются над нами, — заметил Кристофер.

Сладкая мякоть освежала его язык, но в горле оставался ком. В глубине души он был взбешен, что вел себя слишком застенчиво. «Какой же я кретин! Я не спросил Жана о единственно важном для меня. Мне абсолютно все равно, что Эммануэла думает об интеллекте, о философии, все что я хочу знать, это как она занимается любовью. Этот мерзавец Жан налил мне воды в рот, чтобы заставить меня лучше почувствовать жажду. Я должен был заставить его рассказать подробности: как Эммануэла доставляет ему,

наслаждение, как она наслаждается. Вместо того, чтобы высокопарно прельщаться красотой ума его жены, лучше бы он сказал мне, какой вкус у ее киски, описал бы мне, как она использует свои пальцы, свою грудь, чтобы ласкать его член. Как она сама мастурбирует. Делает она это перед ним? А перед другими? Часто? Пусть этот болван расскажет мне, Боже мой! об анусе своей жены! О ее языке. Сосет она его? Губами и горлом? Пьет она много спермы? Сколько раз в неделю? Сколько раз в день? Ей нравится ее вкус? Спрашивал ли, можно отличить по вкусу сперму мужчин? Чей вкус до сих пор она предпочитает? Он должен был бы предложить ей попробовать мою. Позволить ей оттрахать меня. Он отлично знает, что я не воспользуюсь и не стану целовать его жену. Во всяком случае не во влагалище. Или во всяком случае не совсем. Я только приоткрою ее отверстие. Я войду туда только чуть-чуть. Всуну туда только конец члена. Не буду рваться внутрь. Не сразу. Не глубже, чем в рот. Войду туда очень маленькими толчками. До середины моего члена. Не больше, чем на две трети. Или чуть больше. Как когда трахаю сзади. Я сделаю это в тот же день, когда поцелую ее. Во всяком случае, когда введу мой член до конца в ее киску, когда заставлю ее наслаждаться, я вовремя отпряну. Я буду осторожен, чтобы не эякулировать в глубину ее влагалища. А, в сушности, почему бы и нет? Какая разница от меня или от Жана у Эммануэлы будет ребенок. Впрочем, если и он и я будем заниматься с ней любовью каждый день, она рано или поздно забеременеет, и никто из нас троих не сможет поклясться от кого. Это важно? Для нее, очевидно, нет. Для Жана еще меньше. Вообще это важно только для меня. Мне бы хотелось, чтобы она забеременела от моей спермы. Пока мы будем уверены, что это действительно случилось, Жан прекрасно мог бы наслаждаться только во рту своей жены. Я — в ее матке, утром и вечером. Сделаю это сегодня же, сразу как только вернемся».

Все более отчетливые картины в его воображении чередовались с такой сладостной настырностью, что он больше и не пробовал, ни умственно, ни физически бороться с ними. Все старые терзания его совести исчезли, не осталось ни малейшего страха зачахнуть от угрызений. Наоборот, он поздравлял себя: «Это хорошо, — рассуждал он, — думать так о жене моего друга». Ему никогда еще, он знал это, не было так приятно представлять себя любовником чужой жены.

Он также волновался за Жáна. Жан был бы доволен, что Кристофер занимается любовью с Эммануэлой, занимается даже чаще, чем он сам, более страстно, чем он сам. «Я бы побился об заклад, что он с ней не делает содомию», — убеждал он себя. Он, который делал это лишь очень редко с другими, будет делать много раз с ней. Жан проследит за тем, чтобы его жена доставила его другу наибольшее возможное удовольствие и получила огромное наслаждение с ним. И он будет горд сообщить повсюду, что Кристофер наслаждался красотой, чувственностью и любовью Эммануэлы так, что раскалывались голова и член.

Кристофер не сомневался, что эта восхитительная гармония приведет к совершенству неполных до сих пор отношений. Их дружба, если хорошо подумать, родилась в беспорядке. Впредь все прийдет в порядок, абсолютный высший порядок дружбы. «Действительно, что за друг тот, кто не поделил бы свою жену со своим другом!», — рассуждал он, опьяненный логикой. — «И какой же безумный отец тот, кто не желал бы, чтобы его дети были зарождены в теле его жены из тела его друга!» Замечательный тип этот Жан! Какая удача для обоих, что они встретились! Если сейчас Кристофер испытывал такое сумасшедшее желание заниматься любовью с Эммануэлой, разве это (если искренне задуматься) не из любви к Жану, по крайней мере, в той же степени, что и из-за влечения к ней?

Однако он еле расслышал, что Жан предложил купить еще один грейпфрут, а потом заговорил о шлюзах и киловаттах. Маленькая сиамка принялась артистично чистить второй плод, прикусив зубами кончик красного язычка. Он смотрел на нее, как слепец. В его глазах и она и Жан потеряли всяческий физический образ, всякое присутствие, всякую индивидуальность. Для него на этом жарком холме не было видно ничего, кроме округлых грудей Эммануэлы, ее нервных бедер, соблазнительной наготы ее живота. Он чувствовал только свой трепещущий член.

Жан вскочил на ноги, объявляя, что им пора в дорогу. Только тогда он заметил волнение Кристофера, довольно зрелищное под тесными шортами из белой ткани.

Он раскрыл от удивления рот и расхохотался:

— Ну, ладно, — воскликнул он, — я не знал за тобой таких наклонностей. Не буду тебя больше знакомить с маленькими девочками.

Зубоскаля, он указывал на их хозяйку, которая казалось вообще не обращала внимания на ситуацию.

— Послушай, — продолжил Жан, — подожди пока они подрастут и созреют. Этой не больше восьми лет!

* * *

Эммануэла намыливает тело своей гостьи. Она так искусно ласкает ее, скользя рукой между ног Би, что той приходится обороняться:

— Нет, нет, не все время, Эммануэла! Это очень утомительно. Оставь меня собраться с силами.

Подруга позволяет ей ополоснуться, вытереться и зовет ее:

— Пойдем на мою кровать!

Би молчит и Эммануэла тотчас же теряет самообладание. Тогда девушка целует ее глаза.

— Идем в твою комнату, — говорит она.

Эммануэла опрокидывает ее поперек большой кровати, вытяги-

вьется на ней, покрывает поцелуями лоб, щеки, шею, кусает мочки ушей, грудь. Соскальзывает на ковер, становится на колени, зарывает лицо в голый живот.

— О! — стонет она. — Как хорошо!

Она трет по очереди свои щеки, нос, свои губы об эластичную выпуклость лобка.

— Милая! Милая!

Би не двигается, молчит. Эммануэла беспокоится:

— Вам хорошо так?

— Да.

— Вам нравится, правда вам нравится быть моей любовницей?

— Но, Эммануэла...

Она замолкает, лаская спутанные волосы, ждет.

Эммануэла раздвигает длинные ноги Би. Легко касается отверстия, которое разделяет их. Би вздыхает, роняет руки вдоль тела, закрывает глаза. Кончиком языка Эммануэла касается разреза — тесного и чистого, как половой орган девственницы. Она увлажняет его края по всей длине, лижет внутри, потом ищет клитор, вдыхает, стимулирует его вибрациями, смягчает слюной, движет его взад-вперед в своих губах, как маленький член. Всовывает в свое влагалище согнутый средний палец. Свободной рукой проникает во влагалище своей подруги. Пальцы ее совсем мокрые. Она пробегает ими между ягодицами. Та приподнимается, чтобы Эммануэле было легче вломиться в самое узкое отверстие. Только тогда Би кричит. Она продолжает кричать все время, пока Эммануэла лижет ее, сосет и пробегает рукой от одного к другому отверстию ее тела. Эммануэла должна признаться, что первая устала. Она снова ложится на тело своей любовницы. Похоже ни одна, ни другая не имеют сил говорить.

* * *

Позже, когда, несмотря на просьбы подруги, Би оделась, Эммануэла обвивает ее шею руками.

— Хочу, чтобы вы мне сказали что-то. Но поклянитесь, что это будет правдой!

Би только утвердительно улыбается.

Эммануэла говорит:

— Я люблю тебя.

Би ищет во глубине золотистых глаз нужный ответ, какую правду ожидают от нее. Но серьезное, почти патетическое выражение Эммануэлы уже сменилось нежным выражением.

— Ты уверена, что я нравлюсь тебе? Хочу сказать, нет, постой, послушай меня сначала, я нравлюсь тебе так же, или больше, чем любая из твоих любовниц. Я доставила тебе столько же удовольствия?

На этот раз Би откровенно рассмеялась. Эммануэла сердится:

— Почему вы насмехаетесь надо мной? — захныкала она.

— Послушайте, маленькая Эммануэла, — пробормотала Би, совсем почти приблизившись к губам подруги. — Я доверяю вам большую тайну. Я никогда не занималась тем, чем мы занимались сегодня.

— Душ и...

— Все! Я никогда не занималась любовью, как вы говорите, с другой женщиной.

— О! — возражает Эммануэла, наморщив лоб. — Неправда!

— Вы должны верить мне, потому что это правда. И признаюсь вам еще кое в чем. До этого времени, до того как узнала вас, я считала, что это немного смешно.

— Но... — пробормотала Эммануэла, озадаченная. — Вы хотите сказать, что не любили это делать?

— Я никогда не пробовала.

— Этого не может быть, — воскликнула Эммануэла с таким выражением, что Би рассмеялась.

— Почему? Разве я показалась тебе такой опытной? — спросила приглушенным голосом Би, почти соучастнически, насмешливым тоном, совсем необычным для нее, что смутило Эммануэлу.

К тому же она замечает, что Би обратилась к ней на «ты».

— Вы... ты не имела удивленный вид.

— Я и не была удивлена. Потому, что это были вы.

— Что? — шептала Эммануэла.

Она задумалась. Потом спросила, будто просыпаясь, будто забыла все из предшествующего разговора:

— Вы не любите меня, Би?

Та смотрела на нее без улыбки.

— Я вас очень люблю.

Эммануэла задает еще один вопрос, не столько из-за того что он важен для нее, сколько чтобы прервать молчание:

— А... вам понравилось? Вы довольны?

Би осенена внезапной решительностью.

— На этот раз, — говорит она, — я буду ласкать тебя.

Эммануэла не имеет времени ответить. Би крепко берет ее за талию и насильственно укладывает. Она целует ее нижние губы, как бы делала это с губами рта. Склоняет голову набок, чтобы ее губы выравнялись с другими губами. Она высовывает язык, скользя им в складке отверстия, так глубоко, как только может. Эммануэла чувствует, как от одного этого стремительного движения волна любви и сладострастия захлестывает ее. Пораженная внезапностью этого оргазма, Би сначала как бы отпрянула. Но когда увидела, что Эммануэла продолжает дрожать в наслаждении, она снова впивается губами и старательно лижет сок, вытекающей из ее любимой. Выпрямляясь и смеясь, она говорит:

— Никогда не думала, что в один прекрасный день мне понравится пить из этого источника. Ну, ладно! Как видишь, нравится.

Звонок телефона прерывает ее откровение. Это Мари-Ан, кото-

рая сообщает, что зайдет. В другое время Эммануэла была бы рада, но в данный момент эта новость приводит ее в уныние. Нужно все хорошее настроение Би, чтобы развеселить ее. Ни та ни другая не хотят встретить Мари-Ан вместе. Решают увидеться на другой день. Би заедет к Эммануэле утром. Шофер увозит ее.

* * *

Эммануэла ждала посетительницу, не считая нужным одеться. Удивительным было то, что как раз в это время у нее и в мыслях не было совращать маленькую подругу.

Она не была способна скрывать свои волнения до такой степени, чтобы проницательная Мари-Ан сразу не насторожилась.

— В чем дело? — спросила она. — Вид у тебя такой, будто бы тебя сейчас будут сватать.

Эммануэла постаралась уклониться от ответа, но не смогла выдержать долго.

— У меня большая новость, которая заинтересует тебя, — сообщила она. — Будь готова разинуть рот от изумления.

— Ты беременна?

— Не будь дурой. Постарайся угадать.

— Ну. Скажи. Что ты медлишь?

— Да ничего. То, что я хочу тебе сообщить, это что я занималась любовью с Би.

Эммануэла выпалила свое признание, но не была уверена, как оно будет принято. Однако она никак не думала, что реакция Мари-Ан будет настолько обескураживающей:

— И это все, что ты хотела мне сказать? — спросила девушка скептическим тоном. — Не стоило всего этого предисловия. Что в этом невероятного.

— Но все же... — разочарованно протянула Эммануэла. — Она обаятельна эта Би. Не находишь ли ты ее, часом, в своем вкусе?

Мари-Ан передернула плечами:

— До чего же ты иногда простушка, моя бедная Эммануэла. Я действительно не понимаю, чем можно гордиться, переспав с девкой. А ты сообщаешь об этом, как о высшем достижении. Ты меня вынуждаешь смеяться!

Эммануэла обиделась. Кроме того, она начала чувствовать себя виноватой. Но в чем? Она постаралась понять.

— Интересно, что за муха укусила тебя. Ты что, против того, чтобы Би и я занимались любовью?

Приговор Мари-Ан был категоричен:

— Любовью не занимаются с женщиной, — сказала она.

— Что? — вырвалось у Эммануэлы.

— Любовью всегда занимаются с мужчиной.

И добавила томным, но властным голосом:

— Если ты этого еще не знаешь. Я же говорила тебе, что знакома с тем, кто может тебя обучить. Так как слова, видимо, не производят на тебя впечатление, лучше будет отдать тебя в руки Марио как можно скорее.

Она сделала вид, что справляется в своем календаре.

— Сегодня шестнадцатое. Восемнадцатого ты приглашена в посольство, не правда ли? Хорошо. Я воспользуюсь этим приемом, чтобы познакомить вас. Если вы не успеете договориться, чтобы заняться любовью еще в тот же вечер, придется перенести занятие на следующий день.

* * *

Она не могла больше ждать. Стоя на коленях на плетенном кресле из тростника, смотрела с балкона своей комнаты, положив подбородок на скрещенные руки, и изучала пространство улицы, которое можно было увидеть сквозь зелень сада. Губы дрожали от волнения. Придет ли Би? А вдруг она найдет предлог, чтобы не видеться с Эммануэлой! Она боялась телефонного звонка.

Но когда прошли часы и ее нетерпение стало слишком болезненным, она сама решила позвонить Мари-Ан. Близился полдень. В поднятой трубке прозвучал мужской голос. Вероятно это был слуга. Только теперь Эммануэла сообразила, что она не сможет узнать ничего не только из-за незнания языка, но и из-за того, что никогда не слышала настоящего имени Би. Разве она может использовать кличку в разговоре со слугой? Все же рискнула, но понять ответ было невозможно. Пришлось отказаться.

Раз Би не взяла сама трубку, значит она в пути и в любой момент может приехать. Эммануэла снова заняла свой пост. А что, если с Би произошло несчастье? И другая мысль осенила Эммануэлу: может Би не находит дома и блуждает в поисках уже несколько часов подряд. Все улицы настолько похожи, их названия непроизносимы, написаны сиамскими иероглифами. Ничего удивительного, что Би заблудилась.

И все же, возражал настойчиво внутренний голос, заглушая надежды Эммануэлы. Уже год, как Би живет в Бангкоке и, наверное, изучила его лабиринт: ведь только за две недели сама Эммануэла начала справляться? Вряд ли Би действительно потерялась. В худшем случае могла опоздать. Но прошло уже два часа, как она должна была быть здесь. Что ей мешало, если она забыла, где живет Эммануэла, позвонить по телефону и предупредить или просто попросить ее прийти на встречу?

Действительно, почему бы Эммануэле не поехать к ней. И тут же вспомнила, что забыла спросить адрес девушки. Мари-Ан сказала, что она сестра американского морского атташе. Довольно неопределенно. Во всяком случае, Эммануэла не позвонит в

посольство, чтобы узнать. А в сущности почему бы и нет? Но вот еще, о ком спросить? Может есть несколько морских атташе. И на каком языке разговаривать!

Водитель, который отвез вчера Би домой... Дрожа, Эммануэла вызвала его. Но его не нашли нигде. Может быть он завтракает? Или играет в кости?

Какая же она дура! Как не подумала раньше. Ей надо было позвонить Мари-Ан. Но не успев подумать, Эммануэла тут же отказалась от этой мысли: неужели она позволит этой ироничной девчонке узнать, что Би не пришла в урочный час? Что, может быть, любовная страсть Эммануэлы не встречает взаимности и что вчерашняя нежная любовница уже изменила ей?

Эммануэла уже точно знает, что Би не придет. Она не придет ни после обеда, ни завтра. Вчера она уступила опьянению, которое было сильнее ее, но выйдя из-под влияния Эммануэлы, пришла в себя, она не любит ее, не любит женщин, эта игра ей кажется нелепой и скучной, она осудила себя, считая, что стала, по ее словам, «смешной». Или ей стыдно, что дала увлечь себя в плотские удовольствия. Без сомнения она верующая, ее понятие о нравственности заставляет ее сегодня раскаяться в том, что вчера отдалась сладострастию. Ведь Эммануэла не знает ничего о ней: она живет одна, вероятно без любовника, потому что живет у брата, и без любовницы — это уже совсем ясно.

Разве что... Другая гипотеза зарождается в уме Эммануэлы: может Би имеет и другую любовницу? Может она вчера солгала? Но нет же, Эммануэла решительно не может этому поверить... А может есть любовник, которому она призналась в своем «прегрешении» и который ревнует, может он устроил ей сцену ревности, потребовал, чтобы она не виделась больше со своей товаркой? Вот именно! Теперь уже Эммануэла убеждена.

В следующий момент она чувствует, что это ее убеждение, в свою очередь, испаряется и она возвращается к прежней догадке, которая теперь ей кажется более естественной — и больше ей нравится: просто напросто какая-то женщина задерживает Би.

Теперь, когда загадка выяснена, Эммануэла признает, что у нее не остается причин для беспокойства: разве можно найти лучшее извинение для отсутствующей, чем предполагать, что она занята любовью с какой-либо другой необычной девушкой? Если бы подобный счастливый случай представился Эммануэле, разве она решилась бы опоздать на встречу? Скорее возбужденная этим видением, чем движимая чувством безусловного снисхождения по отношению к Би, она уже готовится нежно встретить легкомысленную девушку и разделить открытия, которые та смогла сделать во время своего бегства: «Мне не придется спрашивать ни о чем, моя красавица, моя нежная красавица сама мне все расскажет».

Внезапно ее осеняет более точная идея, приводящая в замешательство, но такая логическая, что Эммануэла вздрогнула, что не

подумала об этом раньше. «Вот именно! Я знаю с кем она! Да! Эти две злюки хорошо обвели меня своими ла-ла! Безграничная нежность озаряет ее лицо, в то время как она шепчет, как бы в ухо беглянки: «Конечно! Ты находишься теперь в руках моей Мари-Ан, моя принцесса амазонок!»

Сразу чувствует, что понимает их все лучше. Так как она их любит, все дозволено Би и Мари-Ан, даже оставлять ее так жестоко чахнуть. Но больше всего ее успокаивает то, что она может в конце концов сказать, что презрение к женской любви, которое афишируют и та и другая, было только враньем. «Что они делают вместе сегодня?» Может они воспроизводят сцену под душем — только из удовольствия говорить об Эммануэле? «И чтобы воспользоваться моими уроками!» Хотя они и очень образованные эти заговорщицы, все же некоторые пустяки им остается выучить... Чувство гордости школьницы, которая знает больше своей учительницы, заставляет ее выпятить губы, которые на минуту раньше искусали взволнованные зубки. В глазах, несчастных от разочарования, теперь золотистые искры, перед взором пробегает феерия сцен, изображающих действия Би и Мари-Ан после душа.

«Самое невероятное то, — ликует зрительница, — что в тринадцать лет бюст Мари-Ан больше, чем у Би в двадцать три! Я уверена, в этот самый миг она вводит одну грудь в щель Би. Сосок такой твердый и упругий, что проникает глубоко, как язык. Мои груди слишком округлые: им не проникнуть достаточно глубоко. И, конечно, я наслаждалась бы первой. Это было бы несправедливо. Все-таки, может я попробую с Би, когда она сейчас придет сюда. Она сможет сравнить ощущения, которые я вызываю в ней с теми, вызванными Мари-Ан».

Видения Эммануэлы полнятся воспоминаниями: «Соски Мари-Ан становятся гранатовыми, когда она мастурбирует. Горящие гранаты в прохладных складках Би». Старательно составляя картину, она морщит брови: «Что делает Мари-Ан рукой, которая не ласкает клитор? Нажимает на маленькие гранаты Би? Нет, угадала! Свободная рука у нее во рту. Она сосет ее. Только что она погрузила ее во влагалище Би и вынула оттуда так хорошо взмокшей в слизи, что можно лизать хоть час. Впрочем и другую руку она палец за пальцем всунула в Би, чтобы теперь увлажнять свой клитор соком любовницы. Ну да, я должна была догадаться: обе руки заняты ею самой. Если бы у нее не было груди, чтобы доставлять Би наслаждение, ей пришлось бы вызвать меня на помощь».

То, что обе девушки не догадались позвать ее к ним, немного портит удовольствие Эммануэлы, когда она старается представить себе их в обнимку. Она смело борется с этим чувством сожаления, удваивая выдумки согласно аксиоме, которую она сама себе создала: «Только те, которые способны воображать, умеют счастливо любить». Счастливо для них, конечно, но также и для той или того, кого они любят.

Разве в обнимку втроем, что она представляет себе, счастье не

рождается от взаимного обмена жестами любовниц, как и от одинаковых возможностей наслаждаться в разных частях тела? «Так как Би занята, я буду лизать ее рот так, будто это ее орган. Я дойду до горла языком, как будто это дно ее влагалища. Я буду пить ее слюну так, как я пила сок ее влагалища».

Эммануэла слышит неровное биение своего сердца. Ритм ускоряется. Она оставляет парапет, на который опиралась до сих пор. Ее руки скользят рядом вдоль ее живота. Вздох, сорвавшийся с ее губ, уже не вызван раздражением предыдущих часов.

Но в обьятиях, которые ей мерещатся теперь, она не может отличить с полной уверенностью тело Мари-Ан от тела Би. «Я буду вдыхать твое дыхание и аромат твоих щек, краса моя! Заглушу свои крики в твоих пепельных косах, руки мои будут обвивать твою шею. Углублю свои ноздри в аромат твоего живота. Буду кусать плоть твоего голого лобка. Буду вкушать соль твоих волос и сахар твоего затылка. Укушу твою попочку. Она растает у меня во рту, и вкус спелого персика потечет между зубами. Буду слизывать капельки, стекающие по твоей изогнутой талии. Пробегу ногтями по твоей спине и крепко обниму твои бедра руками. Сяду на тебя верхом. Обласкаю твои ноги внутренней стороной моих ног. Потрусь о твои бедра. Я буду тереться так страстно и так долго. Всеми сосками подряд прикоснусь к мускулам, которые тянутся и зовут меня под твоей по-детски нежной кожей. Пока не выцежу всю тебя и не наполню собой, пока не смогу понять, кого я хочу любить и кем хочу быть!»

Внутреннее извержение одурманивает ее на мгновение, потом она открывает глаза, улыбается листьям и цветам, которые видит совсем по-новому. Хочется пить. Но ее жажду может утолить только один единственный напиток, который она ожидает получить, отдать, обменять. Думает, что сперва надо яснее увидеть свое видение, вернуть каждой самоличность, позу и первоначальную роль, чтобы финальная сцена была без изъянов — гармоническая и логичная.

«Когда я выпью все из Би, я дам ей утолить свою жажду из моего рта и моего влагалища. Ее рот будет сосать мои нижние губы, как ее влагалище сосет грудь Мари-Ан. Я буду наслаждаться у нее во рту одновременно с Мари-Ан, которая будет наслаждаться в ее влагалище. Она проглотит мою воображаемую сперму, когда в ее утробу потечет молоко девственницы Мари-Ан. Соки наших тел смешаются в божественный сверхчеловеческий коктейль. Мы будем пить на пиршествах только эту смесь, когда мы вместе, всегда вместе, неразлучные и контрастные. Мы произведем достаточно, чтобы все гости могли анализировать ее чудодейственные свойства. Никто в Бангкоке больше не согласится наполнить публично свой стакан другим алкоголем, кроме того, что получен при поцелуях Евы, Лилит и Пентезилеи».

Она не хочет, чтобы сила фантазии исчерпалась прежде, чем пальцы удовлетворили желание оргазма, так же совершенно, как

сделали это в начале утра. Во время утреннего завтрака Кристофер, как и предыдущий день, не произнося ни слова и не сделав ни жеста, не покинул глазами лобок Эммануэлы. Этот взгляд разбудил ее нежно, как прикосновение губ. Однако, сев за стол, она не посмела приоткрыть ноги так, чтобы он смог увидеть ее нижние губы, и, несмотря на свою скромность и преданность Жану, пожелал бы их поцеловать. Она отыгралась за целомудрие друга и свою собственную скромность после отъезда двух мужчин, представляя себе более пламенные видения, чем обычно.

Она продлила очень долго свое опьянение тем более, что хотела, чтобы Би застала ее в такой позе: откинутая на гибкой спинке большого плетенного кресла, руки нащупывают мелодию мечты на черно-белых клавишах плоти ее органа, пятки впились в деревянную перекладину, оберегавшую ее от падения на грядку под носом молодого садовника, который старательно поливал жасмин и свои восточные цветы. Что сделал бы он с этой наготой, попавшей в лоно старательно ухоженного сада?

«Раз нет Би, — подумала она про себя, — был бы хоть Кристофер на месте садовника!» — Она вздохнула. — Жалко!... А! Ну, что ж! В другой раз. Сегодня она остается среди женщин...

По-правде говоря, Би уже пора приходить! Эммануэла не возражает дать ей время насытиться вкусом пребывания с Мари-Ан, но не целый же день!

Она ждала еще долго, со всей силой и терпением любви. Потом, все то, что до сих пор отказывало в ней сдаться, разрушилось постепенно и под конец от нее остались только слабость и страдание. Незнакомая горечь заполнила ее. Доверие, которое поддерживало ее, уступило полной подавленности, и ее мысли превратились в зловещие предсказания, пропасть, страсть, головокружение. «Би не придет никогда больше. Она не хочет видеть меня снова». К черту причины! Единственное важное — это беспомощность и одиночество Эммануэлы. Она ее так сильно любила! Ей казалось, что она приехала на край света в эту страну, чтобы встретить именно ее. С первого момента она поняла, что ждала ее всю жизнь. Последовала бы за ней, куда бы та не повела ее. Забросила бы все, если такова была бы ее воля. Но Би ничего не просила. А Эммануэла никогда уже не предложит ей то, что она была готова дать. Да! Она зачеркнет ее в своих воспоминаниях! Забудет ее озаренное лицо и огненную шевелюру, она забудет ее приглушенный голос, который сказал:

— Я тоже вас люблю!

Впервые за все годы, с тех пор когда она была совсем маленькой, настоящие слезы текут по лицу Эммануэлы, они увлажняют ее губы, оставляют вкус соли на языке, падают на парапет террасы, откуда она все еще не решается уйти. Эммануэла плачет так, как будто протягивает руки — напрасно всматриваясь в просвет листвы, где через миг, сегодня вечером, завтра, может быть, когда-либо, когда ей это захочется, появится Би и сделает ей знак...

* * *

Вечером Жан и Кристофер повели ее в театр. Она так и не поняла, что смотрела. На ее лице можно было прочесть ее страдания. Муж не задавал вопросов. Кристофер, который вообще не понимал, что происходит, был грустным, почти как Эммануэла. Оказавшись в объятиях Жана, в их кровати, она снова выплакала всю свою горечь. Ей немного полегчало. С меньшим страданием она доверила ему свою несчастную любовь.

Жан считал, что Эммануэла принимает слишком глубоко и трагично эту авантюру. Во-первых, ничего не доказывало, что измена Би сегодня не результат какого-нибудь непреодолимого препятствия, из-за которого уже завтра Би извинится. Если, однако, окажется, что она не хочет встречаться с Эммануэлой (ну что ж!), это будет означать, что она не достойна возвышенного образа, который Эммануэла создала в своем воображении. Лучше будет, если их связь прекратится сейчас же, потому что, очевидно, она принесет Эммануэле только разочарования и сильные огорчения. Во всяком случае, Эммануэла должна думать о себе, как о ком-то, за кем ухаживают, а не бегать за другими. Как бы красива ни была эта Би, которую впрочем Жан никогда еще не видел и о которой он никогда и не слышал, он был уверен, что она не имеет и четверти грации и качеств его жены. Следовательно, он не позволит своей жене унижаться перед ней. Единственный ответ, который заслуживала изменница, раз считала, что может торговать своим вниманием, это Эммануэле взять реванш в других объятиях. Эммануэле не будет трудно найти более достойных партнеров. Она должна сразу доказать это Би...

Она слушала его покорно. Думала, что он прав, но это не успокаивало ее. Постепенно, однако, слушая его увещевания, что надо утешиться или отплатить тем же, Эммануэла успела немного рассеяться от своего отчаяния. Она уже, казалось, примирилась. Может быть, просто сон одолел ее. Она так и не узнала, к кому была направлена ее последняя мысль перед тем, как впасть в забытье: к сбежавшей любовнице или к тем, еще неизвестным, которые на один день займут ее место.

* * *

Ни одно из платьев, которые она пошила еще во Франции, не понравились Жану. Он считал, что в них недостаточно глубокие декольте.

— Но я та женщина в Париже, которая больше всех показывает свои груди! — протестовала она, смеясь.

— То, что в Париже называется «показывать груди», все еще слишком прикрыто для Бангкока, — ответил ее супруг. — Нужно, чтобы все эти люди знали, что у тебя самый красивый бюст в мире,

а лучший способ заставить оценить это совершенство — показать его им.

Платье, которое Эммануэла одела для того, чтобы пойти на прием в посольство, прекрасно исполняло эту задачу. Асимметричный вырез еле держался на плечах, подчеркивая широкой дугой красоту шеи Эммануэлы. Он пересекал левую грудь по диагонали прямой линией, которая прикрывала сосок, но оставляла открытой часть ореола. С другой стороны изгиб в форме полумесяца обнажал округлость груди, не достигая верхушки. Очевидно, достаточно было Эммануэле наклониться вперед или сесть, чтобы ее бюст показывался полностью.

Кроме того, серебристая ткань была настолько тонкой и прилипающей, что любое белье выглядело бы грубо: поэтому Эммануэла не надела ничего, даже ни одного из тех миниатюрных и вызывающих слипов, которые носила обычно днем. Еще в Париже, после замужества, она редко одевала слип, когда выходила вечером: чувствовать голой под платьем доставляло ей физическое удовольствие, почти такое, как ласка. Это чувство было еще ощутимее, если она танцевала, или если на ней была короткая и очень широкая юбка.

В этот вечер платье было облегающим, охватывало фигуру от талии до паха, как перчатка, потом вдруг вздувалось к низу раскрываясь по особой спирали, выкроенной в ложно-благопристойной ширине материи. Эммануэла опустилась в кресло, чтобы показать как юбка сама раскручивалась, открывая золотистые бедра. Этот спектакль был настолько грациозно бесстыдным, что Жан вдруг наклонился к ней, ища под мышкой невидимую молнию, которую уверенной рукой опустил ниже талии. Другой рукой он старался освободить голое тело своей жены из ее шелкового футляра.

— Жан, что ты делаешь, — запротестовала она. — С ума сошел! Мы опоздаем. Надо сейчас выходить.

Он прекратил раздевать ее, поднял с земли, вытянул на столе в столовой.

— Нет! О, нет! Платье помнется. Ты мне делаешь больно! А если Кристофер придет? Слуги тоже могут увидеть.

Он положил ее на спину, так что попка доходила до конца стола: она сама подтянула материю, чтобы как можно выше открыть живот. Ее полусогнутые ноги свисали. Жан, стоя, одним ударом вошел в нее, до дна. Оба захохотали от неожиданности. Смех Жана доставлял Эммануэле совсем новое удовольствие, которое она чувствовала в своем горле как ожег, как после продолжительного бега. Она сжимала в руках свои груди, как будто хотела, чтобы из них брызнул нектар: ее собственная ласка заставляла ее неистовать не меньше, чем грубые толчки мужа. При ее первых криках прибежал прислужник, думая, что зовут его. Он остановился у входа в комнату, сложив вежливо руки на груди. Выражение его лица, как всегда, было непроницаемым. Наверно и самые далекие соседи услышали крики Эммануэлы.

Когда Жан снова выпрямил ее, слуга подошел почистить стол, на котором остались пятна. Еа, маленькая служанка Эммануэлы, помогла хозяйке привести себя в порядок. Они прибыли в посольство с небольшим опозданием.

Множество приглашенных, однако, уже собралось. Посол, срок пребывания которого истекал, давал этот прощальный прием.

— Очаровательна! — установил он, целуя Эммануэле руку. — Мои поздравления, дорогой! — прибавил он в адрес Жана. — Надеюсь, что ваша работа оставляет вам некоторое свободное время?

Дама с седыми волосами, которой она когда-то наносила визит, рассматривала Эммануэлу с явным неодобрением. Арианна де Сейн подоспела, чтобы еще больше ухудшить положение.

— Да, если я не ошибаюсь, — воскликнула она, протягивая руки, — вот наше живое общественное покушение на целомудрие! Давайте скорее покажем ее всем нашим дуэлянтам!

Она обратилась к элегантному мужчине, который беседовал с епископом:

— Жильбер, посмотри! Как ты ее находишь?

Эммануэле пришлось одновременно предстать перед судом советника и прелата. Она почувствовала, что первый дал ей более высокую оценку. Сама она ожидала, что супруг Арианны — что-то вроде придурковатого простофили в монокле. Вместо этого, еще с первых слов граф заставил ее весело рассмеяться, и она нашла его физически очень привлекательным.

Уже господа разного возраста окружали ее, делая комплименты и бросая настойчивые взгляды. Но она была рассеянна: рассматривала издали незнакомые лица, ожидая и опасаясь одновременно увидеть Би. Здесь присутствовал весь дипломатический корпус, не могли же они пригласить ее брата одного? Впрочем, почему бы и нет. Эммануэла не знала еще, как поведет себя, если вдруг очутится лицом к лицу с молодой американкой. Ей казалось, что всеми силами надеется не встретить ее. В каждой группе людей она видела ловушку. Что она делала здесь? Когда сможет уйти, или хотя бы попасть под защиту своего мужа?

Однако он как будто растворился в толпе. Арианна, взяв на себя обязанность опекать Эммануэлу, увлекла ее в толпу гостей и знакомила со всеми. Восхищение мужчин следовало за ней. Это общее ухаживание, в котором каждый из конкурентов старался помешать другому, этот круговорот, из которого никто, в сущности, не ожидал выйти победителем, придали Эммануэле уверенности. На ее лице наигранное безразличие, но все глаза, раздевавшие её, согревали ее наравне с коктейлями, которые графиня заставляла ее пить. Графиня молчаливо наблюдала, как, стоя среди группы пилотов, она выдвигает вперед плечи и этим приоткрывает бюст. Вдруг она резко дернула Эммануэлу в сторону.

— Ты восхитительна! — воскликнула она. Ее глаза горели. Она нежно взяла двумя пальцами грудь Эммануэлы. — Идем со мной, — настаивала она. В гостиную, там, сзади: там никого нет!

— Нет! нет! — воспротивилась Эммануэла.

Прежде, чем Арианна успела остановить ее, она убежала, присоединившись к толпе гостей и почувствовала себя в безопасности только, когда довольно пожилой благородный господин увел ее к краю террасы под предлогом показать ей китайские фонарики, которые освещали порт. Мари-Ан застала Эммануэлу в его компании.

— Простите, командир, — сказала она со своим обычным задором, — мне надо поговорить с подругой.

Она взяла Эммануэлу за руку, не интересуясь протестами старикашки.

— Что ты делаешь с этим старым хреном? — возмутилась она, как только они отошли на несколько шагов. — Я искала тебя повсюду, вот уже добрые полчаса, как Марио ждет тебя.

Эммануэла совсем забыла об этой встрече. Ей совсем не хотелось встречаться с ним. Пока старикашка делал ей один за другим комплименты, она могла спокойно думать о других вещах. Она попробовала освободиться.

— Разве это так необходимо?..

— О! Послушай, Эммануэла! — (по голосу девушки можно было угадать, что она сердится). — Не капризничай, пока не увидишь его. И, главное, выслушай, что этот человек хочет сказать тебе.

Это звучало так многообещающе, что возвратило Эммануэле хорошее настроение. И прежде, чем она успела осыпать насмешками свою маленькую подругу за доверие к чарам ее героя, этот герой был уже перед ней.

Он поклонился слегка обеим женщинам, останавливая на каждой из них свой острый взгляд. Потом заговорил с Эммануэлой, как будто именно она произнесла последнюю фразу Мари-Ан. Нотки сомнения или намек на нескромность смягчали глуховатую резкость его голоса и страстные тирады:

— Могут ли данный мужчина или данная женщина сказать более других? Чтобы понять это, надо узнать всех этих других. Неисполнимое пожелание, скажете вы? Но возникновение мысли, которая вдохновила род человеческий на дерзновенные намерения, одарило нас также и сказочной способностью к единению: язык, на котором некоторые из нас говорят от имени всех, с тем чтобы все смогли открыть в нем смысл, который те страстно хотят выразить, язык звуков и форм, слуха, и зрения и осязания, названный одним восхитительно коротким словом — искусство. Это слово настолько кратко, что каждый должен, в зависимости от своих возможностей, своего ума и желаний, продлить его. Именно эти бесконечные прибавки, секретные и произнесенные в течение тысяч и миллионов лет, делают из нашего случайно возникшего мира сотворенный мир.

Это необыкновенное введение в материю сразу сбивает с толку Эммануэлу, но не до такой степени, чтобы она стала снова серьез-

ной. Все ее поведение продолжает излучать шаловливую радость, вызванную присутствием Мари-Ан. Пришедший любуется лучистыми глазами, счастливыми губами. Потом произносит, как приговор:

— Какая красивая улыбка! Как бы мне хотелось, чтобы она стала моделью художников моей страны. Не кажется ли вам, что сдержанные улыбки, флорентийские намеки со временем начинают казаться гримасничанием? Я не одобряю все, что воздерживается. В статуе, которая скупится показать нам свои прелести, меньше искусства, чем в открытом лице.

Эммануэла старается перевести разговор на более конкретную тему:

— Мари-Ан настаивает, чтобы я позировала художнику (она подумала, что молодая девушка даже не позаботилась о том, чтобы представить их друг другу). Вы и есть тот художник, которого она собирается удостоить вниманием?

Марио улыбается. Эммануэла определяет, что и его улыбка на редкость изящна.

— Если бы у меня была и сотая часть таланта, который я позволяю себе оспаривать у других, я бы согласился, мадам. Гениальность модели сделала бы остальное. К несчастью, даже и этого я не имею. Мое богатство — это искусство других.

Мари-Ан вмешалась:

— Ты увидишь, он коллекционер! В его доме есть не только здешние скульптуры, но и древние предметы, которые он привез из Мексики, Африки, Греции. Картины...

— Чья ценность в том, что они служат устойчивым началом настоящего искусства, которое благодаря риску и движению, которые они заключают в себе, является вызовом мертвым изображениям. Мари-Ан, дорогая моя, — добавил он, — не верь этим обломкам, упавшим с коры дерева познания. Я храню их как память о тех страдальцах, которые загубили себя, для того чтобы его ствол вырос и чтобы его крона погустела до самых головокружительных веток; память о тех, кто отдал дыхание и мысль, честь и кровь все для того же. Иногда это был сам художник, но чаще всего — то, что он писал. Искусство создается при исчезновении бытия. Существенным является не «Овальный портрет», а женщина на портрете.

— После ее смерти? — спросила Эммануэла.

— Нет, во время ее смерти.

— Но картина стала живой?

— Вздор! Любопытная дешевка, менее красивая, чем машинка или игра воображения. Искусство было лишь в том, что исчезало: в женщине, которая увядала. Искусство было в кончине ее тела. Не надейтесь найти красоту в том, что сбереглось и что сохранилось. Все обдуманное рождается мертвым...

— Меня учили как раз наоборот, — сказала Эммануэла, — что «единственно искусство вечно»...

— Но, пожалуй, кто заботится о вечности? — резко прервал

Марио. — Вечность не искусство, она некрасива: ее лицо как у памятников мертвым, а тело — труп погибшего города.

Он вытирает тонким платком капельки пота на висках и более мягким голосом говорит:

— Вы же знаете, что сказал Гете: «Остановись, мгновение! Ты прекрасно!» Но если мгновение остановится — конец его красоте. Если вы попробуете увековечить красоту, красота умрет. Красива не нагота, а само раздевание. Не звук смеха, а смеющееся горло. Не след на бумаге, а момент, когда разорвалось сердце творца.

— Вы же только что говорили, что творец менее важен, чем его модель.

— Тот, кого я называю творцом, не обязательно скульптор или художник. Иногда он может одолжить свою руку искусству — если овладеет сюжетом и уничтожит его. Но чаще всего модель сама следует за своей судьбой, а художник остается только свидетелем.

— Тогда где шедевр? — спросила Эммануэла с неожиданным беспокойством.

— Шедевр в сущности то, что происходит. Но нет! Я плохо сказал. Шедевр это то, что произошло.

Он берет руку Эммануэлы:

— Можно я отвечу на максиму, которую вы цитируете, другой максимой? Ее автор Мигель де Унамуно: «Самое крупное произведение искусства не стоит самой жалкой человеческой жизни». Единственное искусство, которое не ничтожно, — это история вашей плоти.

— Хотите сказать, что важно единственно, насколько человек успел реализовать себя. Что должно стать произведением искусства, если хочет жить вечно?

— Нет, — сказал Марио, — я не верю в это. Что бы человек не пробовал сотворить из себя, если он хочет, чтобы это было прочным, а не из хрупкой материи мечты, все будет напрасно.

Он выпускает руку Эммануэлы, произносит тоном немного усталой любезности:

— Если бы я имел малейшее право дать вам совет, я посоветовал бы вам не стараться увековечиться, а жить.

Марио отвернулся, вероятно считая, что разговор окончен. Эммануэла почувствовала, что далее ее присутствие излишне. Ей стало неприятно. Она обратилась к Мари-Ан с досадой:

— Случайно, не видишь Жана? Он исчез с нашим приходом.

Другие женщины окружили итальянца. Эммануэла воспользовалась случаем удалиться. Но Мари-Ан сразу догнала ее.

— Значит, ты изолируешь Би? — спросила Эммануэла, делая вид, что не придает значения этому вопросу. — Каждый раз, когда я пробую позвонить ей по телефону, мне говорят, что она у тебя.

Мари-Ан любезно рассмеялась:

— И так, как я не хочу помешать вашим отношениям...

Эммануэла как с неба свалилась. Мари-Ан издевается над ней? Но нет, судя по ее виду она верила тому, что говорила. Какая иро-

ния! Эммануэла должна была перестать впредь доверяться своим видениям, чтобы узнать правду? Чуть было не пожаловалась вслух. Опять сдержалась из чувства собственного достоинства. И потом, разве она могла признаться Мари-Ан, что сама была покинута своей однодневной любовницей? Лучше было поддерживать иллюзии девочки с косичками, которая воображала что-то о возможностях старшей. К несчастью Эммануэла, умалчивая, лишалась возможности встретить снова Би. Она решила тотчас спросить у Арианны. Но она не видела нигде ее короткой стрижки, не слышала ее смеха. Неужели она нашла другой объект, чтобы показать гостиную?

Мари-Ан снова заговорила о неуловимой американке.

— Я хотела попрощаться с ней. Тем хуже для нее: передай ей мой привет.

— Что? Неужели она уезжает?

— Не она. Я.

— Ты? Но ты мне ничего не говорила. Куда ты уезжаешь?

— О! Успокойся, недалеко. Проведу месяц на берегу моря. Мама наняла бунгало в Патайе. Ты должна навестить нас. Это не так трудно, несмотря на забитые дороги — сто пятьдесят километров. Ты должна увидеть эти пляжи. Настоящее чудо.

— Знаю. Одно из тех благословенных мест, где акулы едят из ваших рук. Я больше не увижу тебя.

— Да где ты наслушалась этой чепухи?

— Тебе же будет скучно там одной.

К своему удивлению Эммануэла почувствовала, как сжалось сердце. Несмотря на всю невыносимость Мари-Ан, ей будет нехватать этой девчонки. Она не хотела, чтобы та заметила ее грусть. Постаралась засмеяться.

— Я нигде никогда не скучаю, — отрезала ее подруга. — Буду принимать солнечные ванны часами, буду кататься на водных лыжах. Кроме того, везу полный чемоден книг: мне нужно позаниматься к началу года.

— Действительно, — подразнила ее Эммануэла. — Я совсем забыла, что тебе еще учиться.

— Не все умны от рождения.

— С тобой не будет подруг в Патайе?

— Спасибо, нет. Хочу покоя.

— Ты не очень любезна! Надеюсь, что твоя мать будет присматривать за тобой и не оставит бегать за сыновьями рыбаков.

Зеленые глаза лишь загадочно улыбнулись.

— А ты, — спросила девушка, — что ты будешь делать без меня? Ты снова впадешь в свое обычное оцепенение.

— Да нет, — пошутила Эммануэла. — Ты же знаешь, я отдамся Марио.

Показалось, что Мари-Ан вдруг потеряла интерес к шуткам.

— Ты не можешь уже отказаться от этого, — предупредила она. — Ты обещала, не забывай! Ты уже не свободна.

— Тут ты ошибаешься. Буду делать, что захочу.

— Согласна, но только, если захочешь Марио. Ты же не собираешься уклониться теперь?

У Мари-Ан был такой брезгливый вид, что Эммануэле стало почти стыдно за себя. Однако она не хотела сдаваться.

— Он не такой уж неотразимый, как ты говорила. Похоже даже, что он немного педант. Произносит фразы и слушает сам себя: ему вообще не нужна аудитория.

— Вместо того, чтобы привередничать, будь счастлива, что такой мужчина, как он, интересуется тобой. Я смело могу сказать, что он довольно придирчив.

— Ах, неужели? И он интересуется мной? Какая высочайшая честь!

— Вот именно! Я все же довольна, что ты произвела на него вполне хорошее впечатление. Теперь могу признаться, что вначале я была не очень уверена.

— Еще раз спасибо. И по каким признакам, скажи пожалуйста, ты судишь, что я произвела на него впечатление? Мне скорее показалось, что его главное занятие — любоваться собой.

— Я его знаю намного лучше тебя. Хоть это, ты можешь признать, надеюсь?

— Конечно! Я допускаю, впрочем, что уже долгое время ты ему демонстрируешь свою благосклонность. Могла бы одолжить записи практических занятий, это помогло бы мне не показаться слишком неумной в час жертвоприношения.

— Не строй из себя дуру, если хочешь, чтобы он не бросил тебя. Глупость его ужасает.

Внезапно, проявляя понимание, Мари-Ан добавила:

— Я же знаю, что в действительности ты только строишь из себя такую. Иначе бы не знакомила тебя с ним.

Потом мило, но настойчиво добавила:

— Я уверена, что вы хорошо поймете друг друга. Ты будешь счастлива. И будешь еще красивее, когда я увижу тебя снова. Я хочу, чтобы ты становилась все более и более красивой.

Взгляд цвета зеленой листвы стал таким нежным, что Эммануэла взволновалась.

— Мари-Ан, — прошептала она, — как жаль, что ты уезжаешь.

— Мы скоро снова встретимся. Да я тебя не забуду! Будь спокойна.

Они смущенно обменялись дружескими улыбками. Потом Мари-Ан вернулась к своей задаче, как бы ища почву для примирения.

— Обещай мне еще раз, что ты будешь вести себя, как я тебе сказала, с Марио, обещай!

— Ну, ладно! Да, если это тебе доставляет такое удовольствие.

Впервые Мари-Ан приблизила свое лицо к лицу Эммануэлы и быстро поцеловала ее в щеку. Та сделала движение, чтобы

удержать на себе шелковистую головку, но Лилит уже убежала.

— До скорого, нелюдимая кошка! Я позвоню тебе завтра, перед отъездом. А ты приедешь ко мне на море.

— Да, — сказала Эммануэла тихим голосом. — Я прилечу к тебе.

— Идем к другим.

Разговаривая, они было отдалились от толпы и теперь снова смешались с людским обществом. Эммануэла переходила от группы к группе, не позволяя завладеть собой. Она искала Арианну. Но та первая увидела ее.

— А! Вот вы снова, непорочная Виргиния! — воскликнула она. — Я думала, что вы бичуете плоть в какой-нибудь глухой пристани для покаяний.

— Как раз наоборот, — ответила тем же тоном Эммануэла, — Принц тьмы советовал мне сделать карьеру в искусстве стриптиза.

— Кто этот знаток?

— Мне сказали только его имя: Марио.

В голосе Арианны послышались насмешливые нотки:— Маркиз Сергини! Эта душка! Его ухаживания не приведут ни к чему. Ваша невинность находилась бы под угрозой, если бы вы были красивым мальчиком.

— Хотите сказать, что он...

— Я бы не посмела злословить, если бы он это скрывал. Разве он еще не изложил перед вами свои любимые теории? Вижу, что он еще не достаточно откровенен с вами: от меня у него меньше тайн. Впрочем, это очаровательный человек, и я его обожаю.

— Может, он скрывает от меня свои вкусы, так как я пробуждаю в нем другие желания, — возразила раздосадованная Эммануэла.

Она сердилась на Мари-Ан, что та умолчала об этой черте своего героя. Разве возможно, чтобы она не знала об этом, она, которая знала все?

— «Оставь надежду, всяк сюда входящий!» — продекламировала Арианна. — Наш эстет — принципиальный человек и не позволит, чтобы его отвлекли от его желаний и привычек.

— О! Знаете, я совратила многих! — похвасталась Эммануэла.

Она в бешенстве. Ее агресивность восхищала Арианну, которая забавлялась, подзадоривая ее:

— Мне кажется, что этот может показаться неподдающимся.

— Поживем — увидим.

— Браво! Тот, кто обратит Марио в другую веру, заслуживает золотой приап. — Она понизила голос. — Но я на твоем месте не теряла бы времени на такие безнадежные вещи. Есть столько приятных способов повеселиться. Повторяю тебе, я знаю сотню мужчин, таких же соблазнительных, как он, которые только этого и ждут. Хочешь, я подошлю тебе нескольких?

— Нет, — сказала Эммануэла. — Я люблю трудные победы.

— Ну что ж, тогда — успеха! — заключила насмешливо Арианна.

Она смотрела на Эммануэлу так, как смотрела тогда в клубе.

— У тебя в последние дни были удовольствия? — шепотом спросила она.

— Да, — ответила Эммануэла.

Арианна замолчала, пристально всматриваясь в нее.

— С кем?

— Не скажу!

— Но ты занималась любовью с кем-то, правда?

— Да.

Арианна дружески улыбнулась.

— Сегодня вечером у меня будет для тебя подарок.

— Какой? — спросила Эммануэла с невольным любопытством.

— Не скажу.

Эммануэла вскочила. Арианна сжалилась:

— Трое парижан, которые здесь только на день. Оставляю тебе для начала всех троих. Как раз хорошее число.

— А ты!

— Ну, оставишь мне остатки на десерт.

Эммануэла рассмеялась, охваченная хорошим настроением. Арианна спросила:

— Ты что, голая под платьем?

— Да.

— Покажи.

В этот раз Эммануэла была сильно смущена и не могла упорствовать. Они постепенно удалились от толпы приглашенных. Она взяла двумя пальцами подол платья и подняла его:

— Отлично, — сказала Арианна. Глаза ее так и застыли на загоревшем животе с черным треугольником внизу.

Эммануэла чувствовала, что ее орган твердеет, словно эти глаза дотрагивались до нее, как пальцы или язык. Она потянулась так, чтобы взгляд Арианны смог полизать ее.

— Покажись больше! — приказала Арианна.

Эммануэла старалась послушаться, но узкое платье не поднималось.

— Сними его! — сказала Арианна.

Эммануэла кивнула в знак согласия. Она спешила остаться голой. Соски ее грудей требовали показаться, как и лобок. Она спустила с плечей бретельки, потянула застежку молнии под мышкой.

— Ой! — воскликнула Арианна, — нам помешают!

Очарование исчезло: Эммануэла вышла из сна. Застегнула платье. Арианна взяла ее за руку и потянула в сторону. Вошел прислужник, неся поднос с напитками. Обе опрокинули по бокалу шампанского.

Арианна снова подозвала лакея, и они поменяли пустые бокалы на полные. Не знали, о чем говорить и, не видя ничего, смотрели прямо перед собой на всех этих людей, которые крикливо разговаривали и непрерывно раскланивались. Показалось, что температура повысилась. Может будет буря.

— Не кажется ли тебе, что будет буря?

— Наверное.

— Какая жара! Мне хочется пить.

«Это платье такое жаркое» — подумала Эммануэла.

Кто-то сделал Арианне знак. Вдруг Эммануэла вспомнила, о чем она хотела спросить.

— Послушай, — сказала она, задерживая ее за складку платья, — ты слышала о рыжей американке, с волосами темной меди? Она сестра морского атташе. Она...

— Би? — прервала ее Арианна.

Сердце Эммануэлы забилось. Ей бы показалось более нормальным, если бы никто не смог узнать по описанию иностранку, и несмотря на то, что она хотела спросить именно о ней, из какого-то чувства противоречия, свидетельствовавшего о беспорядке ее чувств в настоящий момент, ей стало неприятно, когда услышала это имя на устах графини.

— Да, — повторила она. — Она здесь сегодня?

— Должна быть, но я ее не видела.

— Почему бы ей не прийти, если она приглашена?

— Понятия не имею.

Арианна вдруг стала уклончивой и как будто хотела переменить тему. Это было необычно для нее. Эммануэла настаивала:

— Какой тип женщины она, по-твоему?

— Почему ты интересуешься?

— Я познакомилась с ней на чае у Мари-Ан.

— Ах, так? Ничего странного: это одна из ее подруг.

— А ты сама часто видишься с ней?

— Довольно-таки часто.

— Что она делает в Бангкоке?

— Как ты и я: пробуждает желания.

— Почему ее брат содержит ее, а она ничего не делает?

— Сомневаюсь, что он содержит ее. У нее куча денег. Ей никто не нужен.

Фраза прозвучала похоронным звоном в сердце Эммануэлы. Никто не нужен? Она и не сомневалась.

Она не знала, что еще спросить. Сама не зная почему, не посмела спросить адрес Би, как будто этот вопрос был бы неуместным.

— Ну? — спросила Арианна.

Эммануэла знала, о чем она думает, но предпочла разыгрывать непонимание. Ее собеседница уточнила:

— Идешь со мной сегодня вечером?

— Невозможно: мой супруг.

— Он доверит тебя моей охране!

Но влечение прошло. Арианна осознала это.

— Хорошо, — сказала она. — Три куска пирога остаются для меня!

Но ее веселый тон звучал фальшиво: казалось, что и она поте-

ряла желание распутствовать. Эммануэла почувствовала, что после приема Арианна пойдет спать. Та воскликнула:

— Твой Марио! Я вижу, он ищет кого-то, наверное, тебя! Не заставляй его чахнуть.

Она подтолкнула рукой Эммануэлу.

Но итальянец направился к пожилому сиамцу, завернутому в пурпурный шонгкрабен, который встретил его очень сердечно. Арианна выругалась.

— Если твой маркиз начнет рассуждать с принцом Дхана о фальшивом Шиен Сене и оригинальном Сукотае, им не хватит и часу. Давай посмотрим что-нибудь другое... Я принесу тебе выпить.

Она отпустила руку своей подруги и отошла. В который раз Эммануэла сказала себе, что лучше всего было бы уйти. Где же Жан? Она постаралась его найти, но пока искала, ее внимание привлекла молодая девушка, чья красота и бесстыдство с первого взгляда вызывающе бросались в глаза. «Она еще более голая, чем я!» (Но это сравнение не вызвало ее ревность, наоборот). И еще подумала: «Она только что пришла, иначе бы я заметила ее раньше». Она бы не простила себе, если бы по своей вине пропустила такой интересный объект: он сам по себе был достоин того, чтобы окупить скуку этого «парти».

Незнакомка была блондинкой, такой же, как Мари-Ан, но длинные локоны и волны ее шевелюры были уложены в строгой симметрии, образовывая вокруг лица, на плечах, спине и груди целый шлем из золотистого хрусталя. И это была единственная с виду непрозрачная вещь, так как тонкая паутинка платья не скрывала ни одной части тела, до которой не достигала грива этой воительницы или святой.

Эммануэла приблизилась, чтобы лучше насладиться необычной на официальном приеме картиной. Она быстро поняла, почему присутствующие принимали сравнительно спокойно эту наготу: это была мнимая нагота. Под неощутимой туникой на девушке было трико цвета плоти, которое не оставляло неприкрытым ни кусочка кожи. И точки груди, и пупок, и руно на холме Венеры были видны только как очертания под этой ложной одеждой.

Эммануэла почувствовала, как ее возбуждение остывает. Она не любила прикрытий и грима: балетные спектакли заставляли ее зевать. Псевдонагота, как и лебединые оргазмы танцовщиц, раздражали ее. «Хоть бы украсились красивыми перьями, критиковала она, или были бы абсолютно голыми!» Она отвернулась, разочарованная обманом. Или скорее неосознанно проследила за взглядом, который безразличная к откровенности своего антуража девушка не отрывала от центра другой группы. Там, среди мужчин и женщин, которым она раньше не уделяла внимания, стояла высокая стройная черноволосая девушка, отвечавшая этому взглядом.

Эммануэла разволновалась, увидев, что между двумя женщинами идет такой знакомый ей обмен желаний и сексуальный сговор. Она

сразу простила блондинке обманчивый костюм: эта сирена одевалась плохо, но зато хорошо выбирала своих любовниц! Фиалковые глаза и перламутровые губы брюнетки так сильно понравились Эммануэле, что она была готова подойти к ней и сказать об этом. Если она и воздержалась, то это было только из боязни, что вдруг откуда-нибудь появится Мари-Ан и поймает ее на месте преступления или что Арианна уколет ее своим обычным сарказмом.

Этот приступ самоуважения лишил ее возможности своевременно выразить брюнетке свое восхищение, так как та вдруг освободилась от всех своих ухажеров. Теперь она скользила (только так могла Эммануэла охарактеризовать ее быстрое и плавное движение вперед) к этой русой красе, взяла ее за руку, вытащила из окружения и потянула к выходу так решительно, что плащ золотых волос поднялся в воздух, как сияющее облако, в котором Эммануэла, как астроном-любитель, увидела мерцание звезд.

И все это произошло без единого слова.

Такое совершенное молчание, сопровождающееся бурной радостью, которая озаряла лица обеих участниц, пленило Эммануэлу больше, чем самый смелый эротический диалог. Давно ли существовала гармония, объединявшая обеих женщин, или наоборот, их взаимное притяжение родилось только что? Наблюдательница предпочла бы, конечно, поверить непреодолимому любовному импульсу, но пораздумав, решила, что не имеет значения, много или мало времени необходимо для достижения такого взаимопонимания. Во всяком случае, совершенная форма общения, свидетелем которой она стала, напоминала о том искусстве, о котором говорил Марио: искусство более выразительное, чем любые слова. Язык знаков, который использовала рука брюнетки, сказал достаточно, сказал все, что надо было, когда она обратилась к руке блондинки — единственной области ее существа, за исключением лица, которую не сделал искусственной этот раздражающий презерватив из латекса. Слова любви бедны на смысл по сравнению с гением руки.

Эммануэла не хотела терять из виду двух красавиц. Однако, увидев, что они спускаются, перескакивая через ступеньки, по большой лестнице, ведущей в парк, не решилась последовать за ними. Не желала, чтобы ее застали на месте преступления, когда она следила за ними, и раздосадованная остановилась на краю террасы. Все же она перегнулась через мраморные перила, чтобы бросить последний взгляд на беглянок.

Не надо было искать их далеко. Они стояли в полном свете точно под Эммануэлой. По-видимому, их порыв был остановлен неожиданной встречей. Теперь они с любопытством смотрели на молодого человека, который пересек им дорогу. Эммануэла услышала как одна из них (она не поняла которая) спросила: «Кто вы такой?» Однако не расслышала ответа. Девушки продолжали свои странные проделки. Блондинка протянула руку ко лбу парня и отбросила прядь волос осеннего цвета.

«Он похож на полубога, который украл меня в самолете», — подумала Эммануэла. Потом созналась, что на расстоянии, с которого смотрела, она скорее вообразила его черты, а не увидела их. Этот образ продолжал волновать ее, пока она старалась не пропустить ничего из вполне реального представления, которое развивалось перед ее глазами.

Она отметила, что, в отличие от героя высот, этот не проявлял инициативы. Только смотрел на девушек перед собой. Обе тоже долгое время не предпринимали ничего, наблюдая за ним откровенными взглядами, внимательно взвешивая его достоинства и недостатки. Никто не разговаривал. Поскольку их руки были сплетены, Эммануэла подумала, что каждая из женщин знала точно, что думает и чувствует другая. Не нужно было ни звука, ни одного взгляда, чтобы осуществить телепатичную связь их интегральной схемы.

Но разве компьютер целует предмет своего исследования? Блондинка приблизила свое лицо к лицу мужчины, приложила свои губы к его губам и замерла там. При этом движении приоткрылся плащ ее волос. Взяла висевшие без дела руки парня и направила их к своей груди.

Эммануэла отметила, что их выпуклость стала заметнее. Она видела теперь розовый контраст сосков, даже их складки. Неужели трико приподнялось от возбуждения и не так плотно обтягивало тело, или соски прямо продырявили ткань? «Или может этот костюм из тающей субстанции или чувствительной материи, которая распадается под влиянием желания. К счастью, иначе бы я беспокоилась о последствиях!» Ей бы не понравилось, если бы девушке пришлось сделать неграциозные движения, освобождая себя из футляра, или — еще ужаснее — если платье замедлит доступ к такому красивому телу.

Вдруг она так заторопилась присутствовать при проникновении парня в это тело, что вся прелюдия ей показалась ненужной. «Не жди больше!» — нетерпеливо думала она. — «Входи быстро в нее, как это сделала бы я, будь я мужчиной!»

Она решила, что как-нибудь займется любовью «как мужчина» с женщиной, точнее с этой женщиной. Она даже не останавливалась в деталях на возможностях реализовать это физическое нововведение. Белокурое чудо соблазняло ее, вот и все! Для чувств этого было достаточно.

Она почти забыла о брюнетке.

Однако ей не стало неприятно, когда та начала развязывать галстук парня, расстегнула одну за другой пуговицы на пиджаке, потом на рубашке и начала рассматривать его грудь. Через некоторое время блондинка оторвала свои губы от тех, что ласкала, и приложила их к губам брюнетки. По движению голов, по изгибу шеи, по покачиванию бедер Эммануэла могла следить за мельканием языков, за переплетением и встречами то в одном, то в другом рту, предчувствуя вскоре открытие других отверстий и другой взаимности. Теперь Эммануэла не беспокоилась о мужчине.

Но блондинка вспомнила о нем. Она оторвалась от поцелуев брюнетки и, ухватив одной рукой волосы своей любимой, повернула ее голову и заставила ее губы направиться к парню. Затем она заставила его оставить грудь, провела его пальцы, сжимая их в своих, к уровню лобка брюнетки и подтолкнула, чтобы они начали пробивать себе дорогу через ткань юбки...

Когда она решила, что пальцы хорошо справляются с задачей и когда они наполовину исчезли в складках помятой льняной ткани платья (Эммануэла испытала совсем новое для нее возбуждение, представляя себе, как пальцы увлекли за собой ткань; она поочередно одевала их как перчатку, увлажнялась вместе с ними, чем дальше они проникали в складки брюнетки), блондинка встала на колени, расстегнула пояс и брюки мужчины. С гораздо более романтичной элегантностью, как с пристрастием отметила Эммануэла, чем демонстрировала бы балерина под звуки самого нежного адажио, она вошла в образовавшийся зазор и отняла руки, только когда оттуда выскочил твердый и вибрирующий член, как тот, вспомнила Эммануэла, который стоя прошел через нее на «Летящем единороге».

Девушка откинулась назад для того, чтобы посмотреть с лучшей позиции на свое произведение и в то же время движением головы отбросила назад копну волос, блеск которых в этот миг был похож на блеск луны. Эммануэле показалось, что оба источника света сговорились, чтобы изваять, каждый по прихоти своей фантазии и властью своей ласки, этот фаллос, поднятый к небесам. Их искрящаяся бледность то смягчала, то подчеркивала его дикую природу, как в акварелях Леонора Фини мертвенно-бледная гибкость некоторых голых тел обвиняет или извиняет нетерпение мужских и женских тел извергнуть свое любовное молоко.

Блондинка не отпускала член. Она испытывала его стойкость и самообладание, придавая ему гибким и сильным движением такую амплитуду и ритм, что давно уже должна была почувствовать на волосах сильные струи спермы, которые впрочем, судя по блеску ее глаз, она ожидала.

Наверное, она устала от безрезультатного возбуждения, или же наоборот, захотела вознаградить героя за его стойкость? Она вдруг наклонила голову вперед, ослепляя своей гривой, как призрачным сиянием, член, который сама вызвала из мрака. Эммануэла уже не могла видеть, что происходит под блестящей вуалью.

Может для того, чтобы искупить непристойность этого секрета, брюнетка не переставая осыпать губы куроса преданностью своих губ, сняла окончательно с него всю одежду и бросила ее на траву. Таинственными руками под плащом волос блондинка, вероятно, успела освободить юношу от той части костюма, что была в ее власти, потому что, когда она так же резко, как раньше, откинулась назад, он предстал голый, как живая каменная статуя на краю старинного бассейна с водопадом, как хотелось Эммануэле. Весь красивый, как и его член, возбужденный и блестящий от поцелуев,

изваянный дикими тенями и светом, как близкая река, которую то тут, то там рассекали весла и поднимали верши лодочников. Блондинка снова выпрямилась. Неподражаемо уверенным и быстрым движением она сняла с себя паутиновое платье и бросила его в сторону шума, доносившегося от воды. Оно спланировало, перед тем, как упасть, на неизвестную жертву. Послышались овации, невидимых рыбаков, которые приветствовали ее подвиг.

Никто из троих, кем любовалась Эммануэла, казалось, не слышал этих возгласов. Брюнетка обвила руками торсы своих партнеров и привлекла к себе, прикрывая немного их лунную наготу своей длинной плисированной туникой. Все трое исчезли в гриве блондинки. Мужчина и его завоевательницы остались в этой позе невообразимо долгое время. Только благодаря своей зоркости, Эммануэла замечала движения их поясниц в ритме давления животов женщин на фаллос, который они поделили.

Единственным недостком в этой сцене, считала Эммануэла, было то, что брюнетка не разделась. Почему она так упрямо скрывала свои формы под хитоном амазонки, находясь так далеко от Трои?

Вдруг Эммануэла почувствовала, как ее пронзает мысль, острая как греческий мечь, такая неожиданная и жестокая, что она чуть не вскрикнула. А если эта неотразимая красавица — Би?

Стройный силуэт, плоский бюст, расовая осанка и спокойствие были те же. Правда, цвет глаз и прическа были другие. Но фиолетовые искры могли быть и линзами. А прическа темных волос в африканском стиле могла быть париком.

Эммануэла старалась убедить себя: «Все же нельзя, чтобы она мне мерещилась повсюду. Хватит, я уже ошпарилась...»

Она подвергла суровой критике свою галлюцинацию: «Би не оделась бы так, чтобы прийти на прием посла. Не соблазнила бы блондинку так, как я сейчас увидела. Она не влюбилась бы просто так в случайного прохожего. И любовь втроем не в ее вкусе, насколько я знаю».

А разве она знала вкусы Би в действительности? Надо было признать, что она ничего не знала о ней. Тогда, как она могла вообразить, что узнает ее? Или как сумасшедшая отрицать, что для нее любая женщина может иметь ее образ.

Этот круговорот логических упражнений и навязчивых мыслей утомил Эммануэлу больше, чем длительная охота. Она решила отказаться и от одного и от другого. Как раз намерилась отвернуться, как группа снова ожила. Опять действовали женщины. Они резко отодвинулись одна от другой и от голого героя, оставив его одного в отдалении. Миг сомнения. Обе смотрели на него удивленные, как бы видели впервые. Приап, превращенный в статую в этом саду на краю света, в ожидании идолопоклонников или иконоборцев. Они казались шаловливо нерешительными: что сделать с его мужественностью?

Выбор был тот же. Они вдвоем ухватились за античную фигу-

ру, увели пленного к клумбе с красными цветами на очень высоких стеблях, освещенных прожекторами; проложив дорогу через густые заросли, утонули в пышности букета. Брюнетка шла первой, ведя мужчину за член. Блондинка шла сзади, лаская их спины. Они исчезли в зарослях.

Забыв о своем решении, Эммануэла долгое время оставалась как прикованная на балконе. Она узнала новый язык знаков, о возможностях которого ранее и не подозревала. Нескромность этого языка растений еще более сладострастна, чем разговор рук. Эммануэла научилась читать в многозначительном покачивании соцветий поднимающиеся снизу вздохи удовольствия. Всасывания воздуха и глотки, которые заставляли разговаривать венчики цветов на длинных стеблях, рассыпали их пыльцу, выражали с молчаливой бесстыдностью хищную дерзость спрятавшихся любовников.

Вся клумба превратилася в один большой геометрический цветок, измеряющий сексуальность человеческих тел, которые в воображении Эммануэлы соединялись, разрывались, делились на части и бесконечно перестраивались в этой игре бесконечного воображения.

...Ну, хватит!... Ей надо идти. Чтобы оставить триаду свободной, не заставлять знакомить ее со своей равнобедренной любовной игрой. Она сотрет в своей памяти следы этого таинства. Не будет вспоминать ни об этих телах, ни о волосах, ни о румянах, ни о пудре. Ее губы оставят поцелуи, исчезающие как ветер. Она не будет задавать лишних вопросов. Она...

«Предположим, что брюнетка не Би. Но тогда кто блондинка?»

* * *

Марио увидел ее издали, неподвижной на ее наблюдательном пункте. Он подошел к ней:

— Мари-Ан много говорила мне о вас, — сказал он.

Это совсем не успокоило Эммануэлу.

— И что же она могла вам сказать?

— Достаточно, чтобы я пожелал узнать вас поближе. Но мы не можем разговаривать спокойно среди этой толпы. Окажете ли вы мне честь принять в один из следующих дней приглашение поужинать спокойно у меня дома?

— Благодарю вас, — сказала Эммануэла. — Но у нас сейчас гость. Мне будет трудно...

— Почему бы нет? Оставьте его на один вечер с вашим супругом. Надеюсь, вы имеете разрешение выходить одной?

— Разумеется, — сказала Эммануэла.

Она спросила себя, что подумает Жан. И прибавила с некоторым лукавством:

— Но не предпочли бы вы, чтобы я пришла со своим мужем?

— Нет, — сказал Марио. — Я приглашаю вас одну.

По крайней мере, ответ был откровенный. Эманнуэла, несмотря на все, была немного удивлена. Тон приглашения не вязался с тем описанием, которое Арианна сделала Марио. Ей захотелось объясниться.

— Не очень прилично замужней женщине, — сказала она тоном, которому старалась придать легкость, — ужинать у одинокого мужчины. Что вы думаете об этом?

— Приличным? — произнес Марио, как будто он слышал это слово впервые и находил, по меньшей мере, что его трудно произнести. — Вы считаете, что надо быть приличной? Это одно из ваших правил?

— Нет, нет! — защитилась, испугавшись, Эммануэла.

Она решилась на еще одну разведку:

— Но гораздо пикантнее для женщины знать предварительно риск, на который она идет.

— Все зависит от того, что вы подразумеваете под риском. Какова в данном случае ваша концепция о риске?

Эммануэла опять оказалась на скамье обвиняемых. Если она сошлется на долг брака, на нравы общества или на хороший тон, ответ Марио было легко предугадать. С другой стороны, у нее не хватало смелости или навыка, чтобы прямо признать то, что ее беспокоило. Поэтому только и услышала свои немного жалкие слова:

— Я не из боязливых.

— Я и не требую ничего больше. Хотите, завтра вечером?

— Так я же не знаю, где вы живете.

— Дайте мне ваш адрес: за вами приедет такси. — (Он очаровательно улыбнулся.) — У меня нет машины.

— Я могла бы приехать на своей?

— Нет, вы потеряетесь. Такси приедет за вами ровно в восемь. Договорились?

— Договорились.

Она назвала квартал, номер и улицу.

Марио долго наблюдал за ней.

— Вы красивы, — произнес он без пафоса.

— Об этом не стоит говорить, — вежливо ответила Эммануэла.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗАКОН

«Идем, друзья мои, еще не поздно искать новый мир»

Теннисон, «Одисей»

Ты создал ночь, я сделал лампу,
Ты создал глину, я сделал чашу,
Ты создал пустыню, горы и леса;
Я посадил фруктовые сады и парки,
Я превратил камень в зеркало,
Я тот, кто превратил яд в противоядие.

Могамед Икбал

Марио усадил гостью на диван из красного мягкого, как сатин, сафьяна, между двумя японскими лампами. Прислужник, одетый лишь в узкие шорты ярко-голубого цвета с прорезями на бедрах, принес поднос со стаканами, встал на колени, ставя его на длинный узкий, тоже кожаный стол.

Дом Марио, срубленный из кругляка, стоял над каналом, в черной воде которого играли блики света. Одноэтажный, внешне он напоминал хижину, но внутри поражал изысканностью мебели и восхитительными тканями. Все окна гостиной выходили на ка-

нал. С места, где сидела, Эммануэла могла видеть, как пироги, натруженные сладкими напитками, кокосовыми орехами и бамбуком, нафаршированным вареным рисом, лавировали в ночи среди островков лиан и листьев, которые уносило течение. Мужчина или женщина, стоя на корме лодки, склонясь над веслом, отталкивались, качаясь на одной ноге, бросали, проплывая мимо, безмятежный взгляд в глубину комнаты. На шпиле соседнего храма медные колокольчики с язычками в форме листа инжира звенели от дуновений ветерка на двух нотах — одна высокая, другая низкая, как раненая. Вдали послышался звук гонга, призывавшего монахов ко сну. Высокий женский голос завел колыбельную песню.

— Придет один приятель, — сказал Марио.

Его приглушенный голос гармонировал с тенями буддистских фигур, очерченных на стене тусклым светом ламп. Эммануэла чувствует физическую боязнь, которая заставляет ее выпить залпом полстакана очень сильного коктейля, который принес прислужник. Но действия от выпитого алкоголя не достаточно, чтобы распустить стянутый узел у нее в груди. Что с ней? Ей стыдно за этот неясный страх, и она пробует прервать абсурдное очарование:

— Я знакома с ним? — спрашивает она.

Как только начинает говорить, ее охватывает разочарование: значит Марио не стремится быть наедине с ней. Ей казалось, что ему хочется иметь ее только для себя, он не принял ее мужа, а оказывается позвал кого-то для прикрытия. Марио отвечает:

— Нет. Я сам встретился с ним лишь вчера, во время приема. Он англичанин. Замечательный парень. Такая поразительная кожа. Солнце этой страны придало ей ровный загар... как вам сказать? Цвет, который пахнет хорошо. Вам понравится.

Ревность и унижение захлестнули сердце Эммануэлы. Марио говорит об этом человеке с таким аппетитом, останавливаясь перед каждым словом, словно выбирает только после душевной борьбы. Эммануэла воображает, как он с подносом в руке выбирает пирожные, склонившись над витриной кафе. Как может она сомневаться теперь в его вкусах. Может Арианна была права, предупреждая ее. В то же время Эммануэлу охватывает сомнение, что качества гостя восхваляются не только ради удовольствия того, кто их описывает, но как будто предназначены и для нее.

Она теряется. Если Марио желает ее, она не против. Она ожидает этого: для этого она здесь, решившая согрешить, чтобы понравиться Мари-Ан — или из-за того, что соблазн сильнее, чем ей хочется признать, и уверенность, что она уступит, доставляет ей такое же физическое удовольствие, как то, что она почувствует, расстегивая свое платье, растворяя ноги, ощущая прикосновение и тепло незнакомого ей тела, которое проникает в нее сразу, со сладостным насилием, или наоборот, медленно, толчок за толчком, с тем чтобы вскоре удалиться, оставив ее в ожидании, открытой, зависимой, молящей, неуверенной и бессильной, — о, пленительная неизвестность! — и возвращается всегда, какое чудо! все таким же

твердым, вздутым, острым, ласкающим повелительно ее утробу, семяизвергаясь сладострастно, до последней капли, покидая ее оплодотворенной — измятый, напоенный, присвоенный ком глины... Она кусает губы, она готова, она любит, когда обладают ее плотью, она желает этого. Но пусть не играют с нею в сложную игру: эта мысль утомляет ее заранее. Ей надо было опасаться итальянского гения!

Она готова сказать Марио: «Вы имеете право воспользоваться случаями, которые вам представляются, но довольствуйтесь тем, кто я есть. Любите меня, потом проводите, чтобы я пошла спать к мужу. Когда я уйду, можете развлекаться, как хотите со своим англичанином». Но она представляет собственное смущение, если Марио посмотрит на нее с уже знакомой холодной любезностью и презрением и ответит: «Дорогая моя, вы ошибаетесь. Вы мне конечно очень нравитесь, очень! Но...»

Голос Марио тем же тоном, что и в ее мыслях, прерывает ее химеры:

— Я хочу, чтобы вы показали свои ноги как можно выше. Квэнтин сядет на этот пуф. Пожалуйста, повернитесь так, чтобы ваши колени были направлены на него, и он мог бы поглядывать в тень вашей юбки.

У Эммануэлы закружилась голова. Марио положил руку на обнаженную кожу ее плеча, так чтобы кончики его длинных пальцев касались начала ее груди. Он слегка поворачивает ее вправо, другой рукой берет осторожно подол ее юбки и поднимает наискось, открывая ее ноги: левую до середины бедра, правую почти до паха.

— Нет, не скрещивайте их, — говорит он. — Отлично. И ни в коем случае не двигайтесь. Вот и он.

Рука Марио удаляется. Ей кажется, что она ускользает уходя, как волна, оставляющая песок.

Марио усадил пришедшего, ободряюще улыбаясь Эммануэле, как сочувствующий преподаватель студентке перед экзаменом. Но в действительности самым смущенным выглядел англичанин.

Так «он» же не смотрит на мои ноги, определяет Эммануэла не столько с досадой, сколько с радостью победы над провалом махинации Марио. Так ему и надо! Квэнтин сразу показался ей сообщником, а не врагом. Она находит его приятным. Действительно, признает она, он хорошо выглядит. И совсем не похож на педераста.

К несчастью гость не может сказать ни слова по-французски. «Определенно, такова моя судьба, — иронически заметила Эммануэла. — Мне суждено всегда попадать на мужчин типа "большой путешественник , не имеющих склонности к языкам». Двусмысленность выражения позабавила ее и кольнула разнузданной иголочкой; она попробовала представить, как язык Квэнтина ищет ее язык, потом спускается к животу. Представляя, как он проникает в нее..., она спохватилась и сделала похвальное усилие употребить

те несколько фраз по-английски, которые выучила за три недели в Бангкоке, но не очень удачно. Несмотря на это, ее собеседник кажется очарованным.

Марио, очевидно, совсем не собирался играть роль переводчика. Он смешивал напитки, отдавая своему слуге приказы на местном наречии, в котором Эммануэла не услышала напева и звучности сиамского языка, к которому начинала уже привыкать. Наконец, уселся на ковре перед диваном, на котором сидела Эммануэла, почти спиной к ней и лицом к гостью. Они разговаривали на английском языке. Время от времени гость посматривал на Эммануэлу и старался приобщить ее к разговору. Через пару минут она сочла, что все это длится уже достаточно долго.

— Я не понимаю, — сообщила она.

Марио поднял с удивлением брови и сказал:

— Это не важно.

Затем, прежде чем она смогла осознать его наглость, вскочил на ноги, сел возле нее, обнял за талию, чуть откинул назад, прокричав гостю с восторгом и горячностью, ошеломив Эммануэлу:

— Она красива, правда дорогой?

Он придерживал ее в этом неустойчивом положении, заставляя приподнять ноги и (она осознала на этот раз с юмором) оголить их еще более. Он тронул ее губы пальцами, затем торжественно раскрыл декольте. Оголил сначала одно плечо и верхнюю часть руки, затем грудь, созерцая ее, округлив губы.

— Действительно красива, не находишь? — повторил он.

Англичанин подтвердил, кивая.

Марио прикрыл грудь.

— Тебе нравятся ее ноги? — спросил он.

Он задал вопрос на французском и гость только сощурил глаза. Марио настаивал:

— Очень красивые! И главное с пальцев до бедер — это орудия сладострастия.

Он провел пальцами по загоревшей линии голени.

— Совершенно ясно, что они не предназначены для ходьбы.

Он склонился над Эммануэлой.

— Я хотел бы, чтобы вы отдали свои ноги Квэнтину. Согласны?

Она не понимала, что Марио хотел сказать. Слегка кружилась голова. Но не хотела показать, что отступает, чего бы от нее ни захотели. Поэтому решила остаться неподвижной. Это, казалось, удовлетворило его.

Его рука снова приподняла ее юбку, но в этот раз значительно выше. Так как она была очень узкой, ему пришлось приподнять свободной рукой тело Эммануэлы, чтобы освободить полностью ее ноги и низ живота. В этот вечер, впервые за время своего пребывания в Бангкоке, Эммануэла, несмотря на жару, надела чулки. В прямоугольнике подвязок и складок паха черный, прозрачный как тюль, слип придерживал заботливо шелковистые кудри.

— Давай, — сказал Марио. — Бери.

Она заметила, что Квэнтин приблизился к ней. Сначала одна рука погладила лодыжки, потом сразу обе. Затем снова одна, а вторая заскользила по голени, затем по другой, останавливаясь в изгибе коленок, у начала бедер, обведя их, и застыла изумленно перед тем, что открывалось перед ней за этим последним убежищем приличия.

Тогда другая рука пришла на помощь, присоединилась к первой, обхватив бедра, достаточно узкие у колен, чтобы почти взять их в кольцо пальцами рук, прижимая друг к другу.

Затем обе руки двинулись вперед, сначала с внешней стороны бедер, затем сверху, затем снизу, касаясь зада. Там очень настойчиво они заставили ноги раздвинуться, чтобы свободно погладить их внутреннюю сторону, настолько чувствительную, что Эммануэла ощутила как к губам приливает кровь.

Марио любовался ею. Но она ничего не видела. Когда открыла глаза и захотела прочесть в его глазах, чего он ожидает от нее, он ограничился улыбкой, которая не подсказала ничего. Тогда, не только бросая вызов, но и из-за собственного желания наслаждаться, она еще выше подняла юбку, схватила эластичную ткань слипа и спустила вниз. Руки англичанина, ставшие тотчас же более храбрыми и более внимательными, помогли сбросить его на землю.

Почти тотчас же голос Марио, еще ближе и приглушеннее, чем раньше, заставил Эммануэлу вздрогнуть. Он говорил по-английски. Через несколько фраз он перевел для нее:

— Вы не должны отдавать все одному, — сказал он, словно объясняя трудный урок. — Этот ухажор получил ваши ноги: пусть он ими довольствуется пока что. Сохраните для другого, во всяком случае, остальную часть тела. По одной части каждому мужчине: научитесь отдаваться по частям.

Эммануэла не посмела спросить: «А вы, что вы хотите? Какая часть моего тела искушает вас?» Она насмешливо подумала, не довольствуется ли Марио ее грудью, которой он коснулся только что. В течение секунды она ненавидела его. Но он выпрямился, веселый, оживленный. Всплеснул руками и сказал:

— А может пойдем поужинать? Идем, дорогая! Я хочу предоставить вам возможность попробовать блюда, которые зажигают плоть.

Он приподнял ее с дивана, скользнув одной рукой под плечи, а другой под ноги, все еще растворенные, казавшиеся так, свисая вниз, еще длиннее, изваянные тенями и рельефами в игре неровного света бумажных ламп. Когда Эммануэла встала на ноги, черная юбка спустилась. Эммануэла наклонилась и движением, полным грации, расправила ее. Смотрела на небольшое пятно из темного нейлона на ковре и не знала что делать. Марио, ловко взял его кончиками пальцев и приложил к губам.

— «Порвать с реальностью легко, но не с воспоминания-

ми!», — продекламировал он. — «Сердце разбивается при разлуке с мечтой, потому что в человеке так мало реальности».

Затем он засунул душистый слип в нагрудный карман своего шелкового пиджака и, протянув руку смущенной Эммануэле, повел ее к небольшому круглому столику, возле которого стояли три стула с высокими спинками из старинного дерева, почти в средневековом стиле.

Эммануэла не решалась взглянуть на Квэнтина. Но, несмотря на все, необычность положения забавляла ее, и она начала забывать свои претензии к Марио. Даже подумала, что в сущности он был прав, не дав ей отдаться красивому незнакомцу, который был ей безразличен. Не будет же она ложиться с кем бы то ни было, раскрывать свое тело каждому, кто положил руку на ее колени? Хватит и того, что она вела себя так в самолете, она, которая до сих пор всегда умела мило оттолкнуть парней, которые пробовали использовать с ней что-либо другое, кроме рук. А Марио?... Это не одно и тоже. Она согласна, что нет ничего особенного, если замужняя женщина делится между супругом и любовником. А теперь, после того как Мари-Ан вбила ей это в голову, ей по-настоящему захотелось иметь любовника. Но всего лишь одного! И чтобы этим любовником был Марио... Вдруг она подумала, что может он, несмотря на все остановил Квэнтина, потому что хотел сберечь ее для себя. Это предположение исправило ее настроение.

Но ей не хотелось ничем помочь итальянцу, поэтому она начала высмеивать догмы и ритуалы его философии, не то что придавала этому особое значение, а скорее в шутку, чтобы показать ему, что она не так наивна.

— Я никак не пойму, как ваша «темпераментная» любовь может сочетаться с эстетикой, которую вы проповедовали вчера вечером? Если важно освободиться и раздавать себя, тогда почему сегодня вы меня убеждаете торговать и отдаваться по каплям?

— Тогда отдайтесь сразу. А когда все кончится? — спросил Марио.

— Кончится?

— Когда та женщина, которая была моделью Овального портрета, отдала и последний цвет, и последнее дыхание, какое еще возможно искусство? Финита ля комедия! Когда последний крик наслаждения и последняя песня жизни сорвутся с ваших уст, произведение будет уничтожено, исчезнет как сон, словно никогда и не существовало. Самая важная вещь в этом мире смертных, единственный долг, если подумать хорошо, не состоит ли в том, чтобы долго держаться? Освобождаться? Конечно! Но без конца!

— Вам тоже хочется предсказать мне скорую кончину? Но вы и ваша ученица Мари-Ан должны были договориться: она торопит меня раздавать себя, вы советуете беречь. И каждый из вас — во имя краткости бытия!

— Вижу, что вы меня совсем не поняли, моя дорогая! Значит,

я неправильно выразился. Мари-Ан сумела лучше сказать то, что мы думаем, она и я. Маленькие девочки имеют талант изложения, который теряется с годами.

— Нет же! Ваши уроки вовсе противоречивы. Вы преподаете сдержанность...

— Вот самый несправедливый упрек, — весело прервал ее Марио. — Разве ваше возмущение не рискует, со своей стороны, осудить нас на воздержание?

— Как это?

— Пирог остынет...

Эммануэла засмеялась немного сконфуженно. Марио умел легко справляться с затруднительными вопросами.

Они заговорили о блюдах и винах. Квэнтин скромно участвовал в разговоре, несмотря на то, что Марио переходил с одного языка на другой. Эммануэла искренне похвалила меню. Сказала, что обычно не уделяет большого внимания тому, что ест, но сегодня вечером даже такой дилетант, как она, не смог бы не отметить качество жаркого.

— Если гастрономия не кажется вам одной из самых важных вещей в мире, тогда что? — спросил Марио.

Эммануэла поняла, что разговор тянется к высоте, которой не достиг во время закуски. Она задумалась. Что ей ответить, чтобы сохранить стиль дома, не слишком уступая мании хозяина? В конечном счёте, решает она, цель этого вечера ясна: она пришла сюда, чтобы пуститься в разврат, а не чтобы философствовать. Поэтому сказала естественным голосом:

— Сильно наслаждаться.

Марио даже не оценил. Скорее проявил нетерпение.

— Конечно, конечно, — сказал он. — Но надо ли наслаждаться лишь бы как? Что важнее — наслаждение или способ его достижения?

— Наслаждение, конечно.

Не то что она так думала, но хотелось спровоцировать Марио. Оказалось, однако, что она всего лишь огорчила его.

— Бог мой! — вздохнул он.

— Неужели вы религиозны? — удивилась Эммануэла.

— Я призываю эстетическое божество, — уточнил он. — Божество, чьи законы были бы вам полезны. Я говорю об Эросе.

— Разве вы считаете, что я не умею ему служить? — огрызнулась она. — Это бог любви.

— Нет. Это бог эротики.

— О, это сделали из него!

— Разве бог что-нибудь иное? Мне кажется, что вы невысокого мнения об эротике?

— Вы ошибаетесь: я — за.

— Неужели? А как вы это понимаете?

— Ну, эротика это... как сказать?... Культ наслаждения чувств, освобожденный от всякой морали.

— Ни в коем случае, — голос Марио звучал победоносно. — Это как раз наоборот.

— Это культ целомудрия?

— Это вообще не культ, а победа разума над мифом. Это не порыв чувств, это упражнение духа. Это не изобилие удовольствия, а удовольствие от изобилия. Это не произвол, а правило. И это мораль.

— Прекрасно! — зааплодировала Эммануэла.

— Говорю вполне серьезно, — укорил ее Марио. — Эротика — не учебник с предписаниями, как развлекаться в обществе. Это концепция о судьбе человека, мера, канон, код, церемония, искусство, школа. Это также наука — или скорее, плод выбора, последний плод науки. Ее законы основываются на разуме, а не на легковерии. На доверии, а не на страхе. И скорее на вкусе к жизни, чем на мистике смерти.

Марио жестом остановил слова, которые были готовы слететь с губ Эммануэлы, и закончил:

— Эротика не продукт падения, а прогресс. Потому что помогает снять запреты с вопросов секса. Средство для умственного и общественного оздоровления. И я утверждаю, что это элемент духовного развития, потому что предполагает воспитание характера, отказ от иллюзорных страстей в пользу осознанных страстей.

— Очень забавно! — насмехается Эммануэла. — Вам кажется соблазнительным этот портрет? Разве не лучше создавать себе иллюзии?

— Я считаю иллюзией неистовое желание обладать только для себя или принадлежать только одному, стремление к власти или к подчинению, наслаждение причинять страдание и смерть, ослепленность и склонность к страданию и смерти и жажда вечности. Разве эти страсти привлекательны для вас?

— Нет, никак! — признала Эммануэла. — Скажите, однако, что должно привлекать меня?

— Я бы хотел, чтобы высшей добродетелью стала страсть к красоте. В этом содержится все. То что красиво — истинно, то что красиво — оправдано, то что красиво противоборствует смерти. Красота живет в другом мире, который наши малодушные умы и смертные сердца не могут узнать, не постигнув опасное знание, не почувствовав дыхание вечности. Любовь к красоте делает нас другими, нас, которые иначе были бы похожи на зверей. Мысль, которую соки земли подняли в нас, ее первые страхи заставили нас пасть ниц на эту же землю, ползти слабыми конечностями в тех униженных краях, куда нас запрятали наши боги. Чудо красоты, рожденное нашим бунтующимся любопытством и гордостью, было нашим шансом к полету. Потому что красота — крыло мира: без нее дух приземлился бы навсегда.

Марио замолчал на секунду, но выражение лица Эммануэлы заставило его продолжить. Он сказал:

— Какой человеческий ум — более бдительный, чем ан-

тел — прикрывает нас этим крылом! Красота науки охраняет нас от немилости колдовства. А красота разума отталкивает нас от притворства мифов. Из любви к красоте мир откажется быть зрителем в театре иллюзий, где маски политики и раскрытий исполняют свои темные роли с царственной медлительностью. Движущаяся вселенная будет насмехаться над их закостенелыми претензиями. И человек освободится от особенностей души, находя в непрерывном движении разума вперед лекарство от своих кошмаров и химер.

Хозяин повернулся к Квэнтину, как бы приглашая его в свидетели, и разводя руками в знак очевидности, продолжил:

— Потому что наша жизнь до странного проста: нет другого долга, кроме разума, нет другой судьбы, кроме любви и другого знака добра, кроме красоты.

Он снова обратился к Эммануэле, назидательно подняв палец:

— Но не забывайте, что красота не ожидает вас в законченном деле. Это не успех. Не рай, обещанный честному труженику, не спокойствие сумерек после благочестивого труда. Это никогда не умолкающее созидательное богохульство, постоянный вопрос, непрерывный ход вперед. Это вызов и усилие. Красота неотложна, как вызов, и бесконечна, как усилие. Это то, что противостоит в нас самоубийственным черным способностям нашей случайной материи. Это героизм нашей судьбы.

Эммануэла улыбнулась, и он как будто бы понял, что тронуло ее. Сам он посмотрел на нее с симпатией. Несмотря на это продолжил, стремясь чтобы у гостьи не оставалось никаких сомнений в конечной цели его речи:

— Красота не была дана человеку богом: он ее выдумал. Он сотворил ее: она имеет то же мятежное имя, что и поэзия. Красота не естественный порядок, а его противоположность. Она — беспокойная надежда мужчин и женщин против законов во всем, целомудрие, рожденное нашим отчуждением и одиночеством во вселенной, из которой мы прогнали ангелов и дьяволов: она обещанная победа над травами и дождем. Она свет выдуманной луны, песня сирен над стихией моря. Я сказал бы, что эротика — это победа мечты над природой, высшее убежище поэтического духа, потому что отрицает невозможное. Это — человек, который может все.

— Не могу представить себе ясно эту власть, — заметила Эммануэла.

— Плотские взаимоотношения между женщинами полный биологический абсурд. Они невозможны. Эротика, однако, превращает этот плод воображения в реальность. Содомия бросает вызов природе, поэтому эротика практикует ее. Заниматься любовью впятером противоестественно, поэтому эротика изобретает, предписывает и осуществляет это. И каждая ее победа красива. Конечно, для расцвета эротики не обязательны эти исключения: нужны только молодость и свобода духа, стремление к правдиво-

сти, чистота, которая ничем не связана с привычками и условностями. Эротика — это дерзкая страсть.

— Слушая вас, человек может подумать, что эротика похожа на аскетизм... Тогда, разве стоит так стараться?

— Тысячу раз! Даже только ради наслаждения высмеять наши пороки. И, в первую очередь, самые противные: глупость и трусость — две гидры, нежно любимые человеком! Человеком, который нигде так искренне, как в крике Хобса, который и после трех веков с каждым днем звучит все более современно, не признает: «Единственной страстью моей жизни был страх!» Страх быть различным. Страх думать. Страх быть счастливым. Все эти страхи такие непоэтические, но превратились в ценности в нашем мире: конформизм, поклонение табу и ритуалам, ненависть к воображению, отказ от нового, мазохизм, недоброжелательность, зависть, подлость, лицемерие, ложь, жестокость, стыд. Одним словом зло! Истинный враг эротики это дух зла.

— Вы прямо замечательны! — восхитилась Эммануэла. — А я думала, что одни называют эротикой то, что другие называют просто пороком.

— Порок, вы сказали? Что вкладываете вы в это слово? Порок значит недостаток. Эротика, также как и все остальное сделанное человеком, не лишена недостатков, ошибок, падений. Если речь об этом, то скажем, что порок — это плата за эротику, ее тень, ее окалина. Но есть что-то, что не может существовать — это стыдливая эротика. Качества, необходимые для рождения эротического акта: логика и твердость духа, прежде всего; воображение, настроение, смелость, а также убедительность и организаторский талант, хороший вкус, эстетическая интуиция и чувство величия, без которого все попытки будут неуспешными, могут сделать из нее нечто гордое, щедрое и торжествующее.

— Поэтому представляете ее как нравственность?

— Нет, из-за другого, более важного. Эротика требует, прежде всего, систематического духа. Ее героями могут быть только принципиальные люди, создатели теории, а не кутилы или разгулявшиеся детины, бахвалящиеся, сколько горничных они оттрахали после выпивки и танцев.

— Одним словом эротика — это противоположность акту любви?

— Не заходите слишком далеко. Но действительно, заниматься любовью не всегда означает совершать эротический акт. Нет эротики там, где сексуальное удовольствие — импульс, привычка или долг, там, где обычный ответ на биологические инстинкты, скорее физическое, чем эстетическое, желание, поиск удовольствия чувств больше, чем удовольствия ума, любовь к себе, или любовь к другому, а не любовь к красоте. Иными словами, нет эротики там, где есть природа. Эротика, как каждая мораль, — это усилие человека противостоять природе, преодолевать и возвышать ее. Вы же знаете, что человек есть человек настолько, насколько успевает пре-

вратить себя в денатурализированное животное и, чем больше отделяется от природы, тем больше становится человеком. Эротика — самый человеческий талант людей, противоположность любви, противоположность природе.

— Как искусство?

— Браво! Мораль и искусство — это одно. Я аплодирую вам, слыша, что вы говорите об искусстве как об антиприроде. Я же говорил уже, что красота находится только в разгроме природы. Из года в год те, кто бросает тень на нашу жизнь, пробуют убедить человечество, чаще всего ударом сапога, что оно решит проблемы механизации и урбанизации только «возвращением к природе». Мерзкая паника, отвратительный упадок интеллекта, возвратиться к гумусным паразитам — разве это будущее, которого заслуживает изобретатель математики и трико, прилипающего к телу балерины? Если этот вид спешит уничтожиться, то пусть это произойдет красиво, в феерии атомов. Лучше пустота среди небесных тел и воспоминание о лебединой песне, чем земля, населенная обезьянами. Я презираю природу!

Его пылкость вызвала улыбку Эммануэлы, но он продолжал:

— Почему я должен говорить о разрушении, в то время как разум призывает нас к созиданию?

Он резко схватил ее руку и сильно сжал. Голос его звучал странно красиво:

— Я летел над Коринфским заливом в эту страну, где мы сейчас коротаем ночь. Справа — вершины Пелопоннеса, покрытые снегом. Слева золотые пляжи Аттики согревали море. Газета, которую мне принесли, отвлекла на момент мое внимание от этого зрелища, но я не изменил ему: крупными буквами там была отпечатана самая красивая поэма, написанная человеком, поэма, античные корни которой уходили в ту самую землю, которая тянула ко мне свои прекрасные губы, полураскрытые на перламутре волн и искусанные солнцем, такие же в этой утренней заре, как и в том рассвете Одисеи и, спустя столько волшебных лет, вздутые тем же желанием сирен, такие же дерзкие и жаждущие знания, вызывающие и мудрые. Так вот эта поэма:

«3 января в 3 часа 57 минут в центре треугольника, образованного звездами Альфа Волопаса, Альфа Весов и Альфа Девы, появилась белая звезда».

Появившаяся звезда — маленький кусочек стали, выстреленный человеком, как из рогатки, в лицо Вселенной. Начавшийся новый век навсегда наш. Теперь наша земля и плоть нашей расы могут погибнуть: одна новая звезда, звезда, сделанная нашей рукой, обозначенная нашим шифром и произносящая слова на нашем языке, будет плыть в вечности, нарушая своей песней холодное величие бесконечности. О, вы, звезды Альфа, вашим бдением вы отмечали вехами нашу безоглядную победу, наш вкус к жизни, босоногий ступает по огненным пляжам!

Марио закрыл глаза и умолк. Когда он заговорил через несколько минут, его голос снова обрел свою презрительную медлительность:

— Вы сказали искусство? Самое совершенное произведение искусства — то, которое дальше всего от образа Бога. Ах! То, что создал Бог, незначительно по сравнению с тем, что сделал человек! Как прекрасна наша планета, с тех пор как мы заполнили пустоту, построили наши стеклянные замки и заставляем эфир содрогаться в ритме наших кантат! Как прекрасна она, исторгнутая из ночи Бога светом людей! Как прекрасна, освобожденная от зарослей и змей Бога, ростом городов! Как прекрасна, очищенная от пейзажей и украшенная железными фигурами таких скульпторов, как Калдер, квадратами золота, крови, неба и мрачными линиями таких художников, как Мондриан — вы музыканты, художники, скульпторы, архитекторы, вы, которые сотворили из земли и небес царство человека, слишком прекрасное, чтобы заботиться о царстве Бога!

Марио смотрел на Эммануэлу, будто видел на ее лице те формы и огни земли, которые он любил. Он улыбнулся ей:

— Разве человек четвертичного периода не превратился из зверя в человека благодаря искусству? Он — единственный во Вселенной, который оставил в ней больше, чем нашел. Но искусства красок, форм и звуков уже недостаточно, чтобы утолить его страсть созидания. Он хочет преобразить свою собственную плоть и свою собственную мысль по примеру своего гения. Современное искусство уже не может быть искусством холодного камня, бронзы или гипса. Оно может быть только искусством живого тела, может жить только своей жизнью. Единственное искусство, которое подходит человеку космоса, единственное, которое может отвести его дальше звезд, как когда-то фигурки из охры и сажи открыли к будущему стены пещер, — это эротика.

Марио говорил с такой силой, что Эммануэла ощущала его сентенции как удары.

— Я спрашиваю вас, разве есть более волнующее искусство, чем то, которое берет тело человека и из этого произведения природы, делает свое искаженное произведение? Способному мастеру легко создать из мрамора или из равновесия линий предмет, чье авторство ему не придется оспаривать у Вселенной. Но человек! Взять его в руки не как глину, не для того, чтобы почувствовать его структуру, или контуры, не для того, чтобы одобрить или любить, не для того, чтобы наслаждаться им, а для того, чтобы оспорить форму и сущность, укрыть его от глупого ощупывания клеток, изменить его материю, вырвать из него естественную гнусность, так как освобождают животное в лаборатории от его наследственности, сделавшей его слизняком или грызуном. Переделать человека! Спасти его от материи, чтобы сделать его свободным создавать свои собственные законы: законы, которые не отождествляли бы его с метеором или молеку-

лой, которые освободили бы его от распада энергии и от падения тел. Это действительно что-то большее, чем искусство, это смысл существования самого разума.

Он встал и подошел к окну, которое выходило на канал.

— Смотрите! — сказал он. — Пропасть не между неодушевленным и живым: она между тем, что сознательно и остальным миром. Собака не отличается от дерева и водорослей, которые, в свою очередь, не отличаются от воды и камня. Но посмотрите на этих, которые гребут и грезят, одетые в тряпье, упрямо стиснув пальцы с короткими волосами. Вот это человек! Ах! Необходима неистовая любовь к людям, чтобы суметь так сильно ненавидеть природу! Люди, люди, как я вас люблю! Вы пойдете так далеко!

Эммануэла спросила стеснительно:

— Следовательно, для вас единственная возможная любовь это противоестественная любовь?

Она задала вопрос с ласковым смешком, которым хотела подчеркнуть, что не желает обидеть Марио. В действительности не было такого риска: как обычно, он разбил идею словами.

— Это прописная истина. Плеоназм. Любовь всегда противоестественна. Это абсолютная антиприрода. Преступление, высшее восстание против порядка Вселенной, фальшивая нота в мелодии сфер. Это человек, который сбежал из земного рая, заливаясь смехом. Это провал планов Господних!

— А вы называете это моралью? — пошутила Эммануэла.

— Мораль это то, что делает из человека человека. Не то, что делает из него зависимого, пленного, раба, евнуха, кающегося или шута. Любовь не была выдумана для того, чтобы унижать, закабалять или вызывать гримасы. Это не кино для бедняков, не успокаивающее лекарство для возбужденного, не развлечение, не игра, не опий, не погремушка. Любовь, искусство плотской любви, — это реальность для человека, пристань без обмана, материк, единственное настоящее отечество. *«Все, что не есть любовь, происходит для меня в другом мире, в мире привидений. Все, что не есть любовь, проходит для меня как сон, и то как гнусный сон... Я становлюсь человеком, лишь когда попадаю в объятия!»*

Столько людей, несмотря на разные формы их гения, услышали и поняли прозорливый крик Дон Жуана. Только что вы говорили об аскетизме. Некоторые индуисткие секты считают эротикой именно это — долг. Но разве не забавно, что то же самое более нежно, несомненно, и с такой очаровательной стыдливостью высказано маленькой гетерой Аматонта? *«Неужели ты думаешь, что любовь это отдых? Это работа, и из всех работ самая трудная»*.

— Я не того же мнения, — сказала Эммануэла, — и предпочитаю думать о любви как об удовольствии. Впрочем, я никогда не устаю, когда занимаюсь любовью.

Марио любезно поклонился.

— Я и не сомневаюсь, — сказал он.

— Разве это аморально, если любовь доставляет удовольствие? — тормошила она его.

— Я же стараюсь вам доказать как раз обратное, — сказал он терпеливо. — Мораль эротики заключается в том, что удовольствие создает мораль.

— Мне кажется, что моральное удовольствие почти теряет свой вкус.

— Почему? Я вас не понимаю, — удивился Марио. — Разве вы связываете моральные принципы с лишениями, принуждениями? Но если этот принцип лишает вас воздержания? Если он заставляет вас пользоваться жизнью? А! Понимаю! Мысль о морали возмущает вас, потому что в вашем уме она совмещается с сексуальным запретом. Моральное поведение это по-вашему:

— «Не будь сладострастным ни телом ни духом, плоть желай только в браке».

— Я очень прошу вас, не допускайте, чтобы эти мистификации компрометировали в ваших глазах достойное слово «мораль». Не используйте давно обнаруженный исторический обман, чтобы объединить хорошее и плохое, или, что оказалось бы еще хуже, не говорите, что хорошее и плохое не существуют.

— Послушайте, Марио, вы становитесь все более загадочным. Почему вы думаете, что я должна знать, к чему вы клоните? Вы начали с эротики и дошли до того, что проповедуете, как священник с амвона! Я уже не знаю, что и думать. Что понимаете вы под добром и злом?

— Будьте спокойны, мы еще вернемся к этому! Я хочу сперва уточнить, что понимают люди под добром и злом. И точнее те «добродетели», которые, как видно, для вас составляют скромность, целомудрие, воздержание, супружескую верность...

— Не только для меня! Разве это не то, что все называют моралью?

— Да, знаю! Но я не обращаю внимания на это. Именно из-за лишнего доверия к этой шутке сексуальные табу вошли в царство морали и в конце концов установили свой несправедливый закон. Они совсем не принадлежали к божим правилам. Более того! Их природа и предназначение совершенно аморальны. Рождены вполне земным замыслом. Забота обеспечить землевладельцу собственность на детей, на средства производства и внешние признаки богатства, наподобие мотыги из кремня и горшков.

Марио вскочил и в гранатовом сумраке направился к полкам, на которых стояли книги. Вернулся с томиком в кожаном переплете и железной оправе.

— Послушайте! — сказал он. — Я не преднамеренно и не тенденциозно выбираю тексты. Ограничиваюсь самыми неопровержимыми догмами. Десятью Божьими заповедями, такими, какими Моисей принес их с Синая. В семнадцатой строфе двадцатой главы «Исход» читаю: — *«Не желай дом твоего ближнего, не желай жену твоего ближнего, ни его слугу, ни его прислугу, ни его вола, ни*

его осла, ничего из всего, что принадлежит твоему ближнему». — Вот что лишено двусмыслия и притворства: женщины знайте место, которое вам уделил Всевышний: между гумном и скотом, с остальной рабочей силою. И совсем не первостепенное место. Рабыни, ваша цена меньше цены барана и совсем немного выше цены рогатого скота или осла.

Марио закрыл Библию и поставил правую руку на нее, как пастор:

— Говорят, что Средневековье создало любовь. Скорее всего Средневековье почти успело отвратить нас от нее. Если сегодня любовь имеет какой-то шанс возродиться, это только из-за того, что наша эпоха устроила гекатомбу мифов. Даря нам свою отравленную «мораль», феодальный клерк надеялся, что на века вперед пресекает в нас желание наслаждаться. Посмотрите, что осталось от его заговоров и его махинаций! Пояса целомудрия, добра и зла, которые землевладельцы завязывали на нижние части своих жен и ослиц, распадаются на ржавые куски перед бойницами и галереями крепостей, в которых были созданы. Давайте окажем им честь и поставим в музеи. Но сначала отметим, что их конец в высшей степени морален, хотя их появление не было таковым, и признаем с восхищением, что настоящая мораль то, что продолжает существовать после того, как время рассудит, что истина и что фальшь.

Иронический смех сорвался с его губ:

— Разве показательное двусмыслие ценностей сексуальной морали не выражается целиком в превращениях латинского слова «pulla» (женщина), из которого одновременно произошли «pucelle» (девственница) и «poule» (проститутка)? Сами видите, как выбор между добром и злом происходил наугад: быть проституткой могло считаться честью и высшей добродетелью, а сберечься девственницей — преступлением против Бога и Церкви.

Эммануэла задумалась. Она одобряла суждения Марио относительно случайной ценности норм традиционной морали, но зачем тогда терять время для того, чтобы строить новую этику на руинах старой. Разве нельзя было любить в свое удовольствие, свободно, не ломая головы, чтобы создать новый кодекс и сообщить всем вокруг? Разве так необходимо создавать себе законы. Не существовало никакой морали, будь она даже эротической, думала Эммануэла, которая стоила бы больше полного отсутствия морали.

— Нельзя победить плохие законы анархией, — возразил Марио, после того как она доверила ему свои сомнения. — Надо не возвращаться в джунгли, а признать, что некоторые возможности человека, которые наше общество отбрасывает и обрекает на атрофию, правильны, и что они дают нашей расе возможность найти счастье. Новый закон, правильный закон, просто провозглашает, что заниматься любовью — это красиво и хорошо, и надо это делать свободно, что девственность не добродетель, что пара не предел и брак не тюрьма. Что искусство наслаждаться и есть самое главное и ненужно отказывать себе, а надо постоянно предлагать себя.

Подняв назидательно палец, он продолжил:

— Если к этому главному закону в дальнейшем я прибавлю еще другие, помните, что они не содержат ничего иного кроме второстепенных правил, предназначенных для соблюдения только что изложенного принципа, предотвращающих скромность душ и усталость плоти.

— Но, — сказала Эммануэла, — если табу буржуазной морали экономического происхождения, восхождение вашей эротической морали требует настоящей революции. Это что-то вроде коммунизма?

— Ни в коем случае! Это гораздо радикальнее и гораздо важнее. Это что-то вроде мутации, благодаря которой рыба, уставшая от моря, которая в один прекрасный день должна была бы называться Эммануэла, захотела узнать, не сможет ли земля отрастить ей ноги, и начала дышать, приподнимая будущую грудь...

Она улыбнулась.

— Следовательно, эротический человек будет новым видом животного?

— Он будет выше, чем человек, и все же останется человеком. Только что более развитым, стоящим на более высокой ступени эволюции. Я сейчас напомнил вам, что именно появление искусства на стенах пещер позволило узнать момент, когда первый человек начал отличаться от последней обезьяны. Близится день, когда точно так же, как искусство отделило человека от животного, эротические ценности отделят торжествующего человека от стеснительного человека, который укрылся в углах нашего общества, пряча свою наготу и карая свой пол. Мы — бедные человеческие подобия, покрытые грязью праисторических болот. Увлеченные нашими предрассудками, влюбленные в наши бесплодные страдания, борющиеся вслепую всеми силами евангелистских скотов против течений надежды, которая пробует вытянуть нас из детства.

— Что заставляет вас думать, что течение победит? Что ваша мораль победит в конце концов ту, которую защищают законы, обычаи и религия? А если все будет как раз наоборот?

— Этого не может случится! Не могу поверить в это! Не могу поверить, что человек пришел из такой дали, из таких низин, чтобы остановиться здесь, отказаться вдруг идти дальше, стать другим. Он не остановится! Вероятно ощупью, содрогаясь, но безвозвратно. Всегда более обособленный среди других видов. Если мы стали менее глупыми, чем праисторическая рыба, это означает, что в один прекрасный день мы станем еще менее глупыми.

Оставив своей гостье время подумать, Марио закончил:

— То, на что мы способны, это попробовать развить свой интеллект и сделать невозможное, чтобы стать счастливыми.

Эммануэла открыла рот, но он снова продолжил:

— Конечно, никто не обещал мне, что я найду этот неизвестный берег, который не могу назвать иначе как счастьем. А

все же Элюар был прав, воскликнув: «*Не правда, что, создавая мир, нужно взять понемногу от всего. Нужно счастье и ничего более!*». Но чтобы достичь этой цели, нужна смелость! Разве не нужна она была когда-то человеку, чтобы оторваться от колыбели богов. А сегодня, вместо того, чтобы ожидать в одиноком созерцании то царствие, в котором будут вознаграждены добрые и смиренные сердцем, какая смелость нужна для того, чтобы рисковать вместе с простолюдинами, не ожидая рая при жизни или после смерти.

— А риск ошибиться? — заметила Эммануэла. — Риск создать себе иллюзии о своей сущности. Об идеях, которые считаешь своими, о своих возможностях и значении.

Он посмотрел на нее с внезапным подозрением:

— Вы, часом, не на стороне тех, для кого судьба человека не имеет смысла? — спросил он. — Вы считаете, что наш вид обречен на неудачу, неудачу по силе его наивности? Вы думаете, что мы — игрушки собственного языка и что наше исчезновение предсказано в надписях на священных плитах? Неужели вы твердо убеждены, что мы были созданы, как и сны, с единственной целью исчезнуть и что это все, на что мы способны? Может быть даже, по-вашему, исчезновение человека — лучшее, что может случиться в этом мире, где он только мешает, и ждете этого с вершины вашей холодной и нечеловеческой науки с мазохистской беспристрастностью, которая теперь в моде.

— Нет, — сказала Эммануэла, — я так не думаю. Однако признайтесь, что ваше собственное доверие в сущности — вера. Вид религии.

— Это не так, — сказал Марио. — Если я уверен в человеке, так это потому, что я вижу его в деле. Его прогресс так же, как и мой, это верить все меньше и меньше, а видеть все лучше и лучше. Боги рождаются только за опущенными веками.

— Может быть, вы имеете в виду только Эйнштейнов, а не замечаете преступников. Иначе вы тоже бы испытывали известный страх.

— Не быть Эйнштейном совсем не преступление, — сказал Марио, — но, безусловно, ошибка. Я не имею права жаловаться, что люди убивают меня, если сам я не сумел исцелить их от смерти. Я могу умереть, но буду знать, что это моя слабость, а не счастье.

— Отлично знаете, что никто не найдет лекарство от смерти.

— Я знаю, что дух умирает, когда наши мифы, как туморы в плоти, заменяют в нем счастливые клетки. Шанс нашей реальности сменяется огорчением от нее. Мы умираем из-за незнания и уродства. Смерть — это оцепенение знания.

Марио задумался и продолжил:

— Бесконечная экспансия интеллекта — асимптота смерти. Следовательно, наше будущее — бесконечность. Мы уже не пациенты доктора Вечность, наше терпение исчерпано! Забудем наши

смертные будни, как забывают боль те, кто вылечился. Мы найдем наш мир в какой-нибудь гавани во времени и пространстве: это будет наша любовь и наш разум. Там мы проведем долгие бессонные ночи нашей жизни, без обмана, слушая пульсации квазеров. Мы будем счастливы...

Он умолк.

Эммануэла выждала немного и осторожно вернула Марио к теме:

— А эротика может помочь открыть этот новый мир?

— Более того: она отождествляется с ним, это настоящий прогресс.

— А вы не преувеличиваете?

— Поймите же! Я уже сказал: речь идет не о реформе общества, даже не о создании нового, например как республика сладострастья. Речь идет о биологическом прогрессе, о трансформации, о том щелчке, который произойдет однажды утром в уме человека. Свет и готово! Он думает по-другому, он стал другим. Он сделал шаг. Незнание, страхи, кабала бывшей расы уже не касаются его. Он даже не понимает, что они означают. Не важно: любит ли он, и как он любит! Новизна в том, что он это делает, свободный духом. Добро для него то, что его радует, зло — то, что заставляет страдать. Совершенно просто. Вот его добро и его зло. Это его мораль. Добро то, что красиво, то, что соблазняет, возбуждает. Зло — то, что некрасиво, что наводит скуку, ограничивает и обманывает. Сладость и яд тревоги и мистических трансов не касаются его. Ему не нужны грибы для галлюцинаций, философы и отшельнические кельи, чтобы вылечиться от отчаяния. Ему хватит интереса к себе и к остальным. Вам не кажется, что этот человек превратился в более высшее животное по сравнению с носильщиком кремнезема? Разве он не пошел вперед?

— Да, я согласна. Но это прогресс индивида, который имеет значение лишь для него. Только что вы говорили о прогрессе, как будто он касается всего человеческого рода.

— Конечно, касается. Эволюция видов не осуществляется массово целым обществом. Мутации всегда осуществлялись отверженным, настороженным меньшинством, с которым большие стада отказывали делиться добычей. Но когда мутирующая ветка отделяется от корня человеческого, весь мир меняется. Если завтра появится человек, для которого слова «бесстыдство», «измена», «кровосмешение» — лишенные смысла знаки, человек, который, даже постаравшись, не сможет их понять, тогда все наши добродетели упрячутся за витрины музеев вместе с клыками археоптерикса и хребтом стегозавра.

— Но поскольку этот человек еще не появился, эпоха эротики пока еще в будущем. Нам с вами не повезло: мы родились слишком рано!

— Кто его знает! — сказал Марио. — Законы эволюции в большой степени скрыты от нас. Может быть не бесполезно по-

пробовать снова родиться на свет. Может мы еще не рождены?.

— Что сделать, чтобы родиться? — воскликнула Эммануэла.

— Вести себя так, как будто вы хозяин жизни. Вести себя так, как будто вы живете! Теперь или никогда момент заимствовать рецепт Паскаля: не ожидать от святой воды просветления, а принять эротику как правило жизни. И тогда не только мы будем просветленными. Пусть многие из нас примут безоговорочно, с полным сознанием, с убежденностью шкалу эротических ценностей, как единственную шкалу моральных ценностей — как-то четвероногое, которое раз и навсегда решилось ходить на задних ногах, не беспокоясь, что остальные животные продолжают обнюхивать грязь. И, если только удача улыбнется еще раз нашему роду, это может быть решительным шагом, необходимым и достаточным, чтобы перейти из эры страха в эру разума.

Он вздохнул:

— О! Конечно, мы предпочли бы родиться через миллионы лет! Сделаем же то, что можем, чтобы приблизить к нам эту эпоху разума. Ничто не достойно быть написанным, прочтенным, сделанным сегодня, если не послужит «переходу». Надо следить за своими словами, за своими самыми незначительными жестами: не говорить ничего, что могло бы уверить людей в их нелепом убеждении, что они уже нашли то, за чем пришли. Ничего, что могло бы задержать еще более их пубертатный период. Что касается меня, я знаю свой долг: повторяю им непрестанно, что желания их тела справедливы, что его возможности бесконечны, что сладость жить тоже является смыслом жизни.

Голос Квэнтина заставил Эммануэлу вздрогнуть: она совсем забыла о его присутствии. Он говорил что-то Марио, неожиданно горячо и многословно. Их хозяин, казалось, очень заинтересовался тем, что услышал. Время от времени он издавал восклицания.

В конце концов он перевел Эммануэле (которая поняла, что англичанин, вероятно, успел проследить главное в их разговоре легче, чем она могла предполагать):

— То, что мне говорит Квэнтин, дает мне надежду. Оказывается, что «мутирующая ветка» или хотя бы почка этой ветки уже существует и что, важнее всего, существует уже тысячу лет!... Наш друг вместе с известным социологом — Верие Елвином — в течение многих месяцев был гостем индийского племени, которое «цивилизованные» индусы называют примитивным, но есть все основания считать, что оно является авангардом разума. Эти люди называются мурия. Их общество полностью построено на сексуальной морали, полностью противоположной нашей. Их мораль не запрещающая, а созидательная. Краеугольный камень их образовательной системы — общая спальня, где дети обоих полов приняты с самого раннего возраста, чтобы обучаться искусству любить. Эта институция называется... Как вы ее назвали?

— Готхул.

— Да, точно так, Готхул. Там, значительно раньше пубертат-

ного возраста, девочки узнают физическую любовь от старших мальчиков, а маленькие мальчики — от старших девочек. И никакого инстинкта или скотства: эротическая техника, которой их обучают, как видно, достигла после десяти веков практики несравненной изысканности. Этот стаж, который каждый ребенок проходит в обязательном порядке в течение нескольких лет, одновременно предназначен и для их художественного воспитания, так как в свободное время между объятиями пансионеры Готхула украшают стены своих спален. Рисунки, картины и скульптуры всегда вдохновлены эротизмом. Квэнтин говорит, что они настолько удачны, что посетив такую галлерею, человек ощущает сильнейшие чувства. А глядя на одинадцатилетних девочек и мальчиков, которые, имитируя самые смелые изображения этого музея любви, исполняют, не скрываясь и не стесняясь при широко открытых дверях, под гордыми взглядами родителей, живые картины, из-за которых в Европе попали бы прямо в исправительные дома, украсив первые страницы «порядочных» журналов, приходит мысль, что эти мурия, вероятно, живут не с тысячелетним опозданием, а с тысячелетним опережением.

Марио умолк, Квэнтин сделал некоторые уточнения, которые немедленно были переведены Эммануэле:

— Самое замечательное то, что «практические занятия», преподаваемые всем детям племени, являются результатом выработанной и строгой системы правил, а не распущенных нравов или моральной слепоты, которыми наша раса наследственно обременена. Это не произвол, а этика. В Готхуле очень строгая общественная дисциплина, старики отвечают за молодое поколение. «Закон» строго запрещает длительную привязанность между девочкой и мальчиком. Никто не имеет права сказать, что та или другая девочка его и наказывают того, кто проводит с некоторой из них более трех ночей подряд. Все организовано так, чтобы помешать сильной привязанности и таким образом исключается ревность. «Каждый принадлежит каждому». Если мальчик проявит чувство собственности по отношению к девочке; если заметно, что он расстраивается, когда видит, что она исполняет сексуальный акт с другим, коммуна берет на себя задачу вернуть его на правильный путь, помогая преодолеть себя. Он должен лично активно участвовать, когда другие любят его девочку, он должен вводить в нее своей собственной рукой члены своих друзей, пока не научится не только больше не страдать, но желать этого и радоваться. У мурия самое главное прегрешение не кража, не убийство — они у них не существуют — а ревность. Таким образом девочки и мальчики обогащаются уникальными в мире сексуальными знаниями. Они принадлежат к другой эпохе развития земли: недоверие, недовольство и отчаяние нашей цивилизации чужды им. Они на стороне счастья!

Рассказ произвел на Эммануэлу сильное впечатление. Но она все же возразила:

— Марио, мораль такого рода не может развиться в народе вследствие сознательного усилия и размышлений. Она, вероятно, существовала у них всегда. Это должно быть врожденное чувство. Вспомните, только что вы уподобили эротическое дарование поэтическому. Это значит, что оно не постигается волей или старанием. Если оно не получено от природы, при рождении, человек не достигнет, как бы он ни старался.

— Вот общая иллюзия! Разве я должен снова повторить, что не существует другой поэзии в природе, кроме той, которую создает человек? Нет другой гармонии, нет другой красоты. А к этому человеку все, включая и поезию, и гениальность, приходит только в зрелости. Пример с мурия показывает нам только, что к этому можно прийти и в более раннем возрасте. Человек не рождается избранным. Человек рождается ничем, надо учиться. Для нас, живых, стать людьми, превратиться в людей, означает отбросить наше незнание, как и наши мифы, как рак-отшельник сбрасывает свой старый панцырь, и войти в истину, как в новую одежду. Таким образом, мы сможем бесконечно перерождаться при каждой «резкой мутации», становиться все более людьми, переделывая наш мир для своего удовольствия. Учиться означает — учиться наслаждаться. Еще Овидий говорил, вспомните: «Ignoti nulla cupido!»

Эммануэла не помнила этой фразы и перевела ее про себя неправильно. Марио не захотел объяснять ничего и продолжил:

— Чему только не предстоит нам учиться! Искусство, мораль, наука: красивое, хорошее, истинное — то есть все (потому что не существует более ничего: время священного кончилось). К счастью, облегчая нашу задачу, все это породило своего детеныша Эроса. Таким образом, размышление, опыт и эротическая проницательность достаточны, чтобы достигнуть поэзии, морали, познания, так как они всего лишь разные отражения одного единственного учения: учения о человеке в том смысле, в котором рассказывали вам в школе.

— Ваши объяснения становятся все более абстрактными, Марио! Давайте мне лучше примеры, что можно было бы сделать.

— Воображать, видеть и, при необходимости, спровоцировать это поведение, эти встречи и эти неожиданные ассоциации, без которых нет поэтической ситуации, — вот, к примеру, один из источников эротики.

— Вы сказали «неожиданные». Разве это значит, что нельзя получить удовольствие от чего-то, что человек ожидает? Эротика только там, где смущение?

— Хотя бы там, где нет привычки. Удовольствие теряет свои артистические качества, если оно привычно. Единственное, что ценится, это то, что исключительно, необычайно, небанально: «То, что нельзя увидеть дважды». По-настоящему эротично только необычное.

— Но тогда, когда утвердится эротическая мораль, эротика

уже не будет привлекательной. Может быть для этих мурия заниматься любовью не более забавно, чем стряпать?

— Судя по тому, что мне рассказал Квэнтин, я не сказал бы, что это так. Наоборот, искусные в любви еще с детства, они в течение всей своей жизни ставят выше всего сексуальную игру. Они известны в Индии как пламенные пропагандисты физической любви, вдохновленные Ганеша. Впрочем, я могу согласиться с тем, что их опыт не обязателен для нас, чей ум останется, может быть навсегда, помеченным, покалеченным традициями сексуального лицемерия, которое сильнее очевидности разума. Будем надеяться, что природа для нас сделает скачок. Но, во всяком случае, не будем воображать, что можем предсказывать и описать заренее, какой будет психология наших потомков-мутантов. Будем заботиться, следовательно, только о собственном развитии, потому что мы еще «не сделали и шага». Признаем, что для заключенных, какие мы есть, освобождающее чудо эротических волнений происходит лишь тогда, когда мы презираем обычное. Следовательно, правда, и в том наш реванш, что в настоящее время существование фальшивых правил морали, или, можно еще сказать, общественных условностей (как, например, абсурдный уровень приличной длины платьев — мучение для одних, и восхитительно извращенное наслаждение для других), не только не уменьшает, а увеличивает наше удовольствие, давая нам, которые отрицают их, возможность шокировать и быть шокированными! Не назовешь эротичной женщину, которую муж оплодотворяет на брачном ложе, прежде чем заснуть. Эротична та, которая на завтрак зовет сына сделать сестренке бутерброд из спермы. Это эротика, так как такое меню еще не вошло в нравы. Когда буржуазия воспримет его, придется найти что-то другое.

— Следовательно, Марио, я была права, говоря, что раз эротика нуждается в необычном, незнакомом, ее же развитие ставит ее в опасность. Однажды окажется, что все формулы уже использованы.

— Вы можете подтвердить, дорогая, без всякого опасения, что уже долгое время никто ничего нового не изобрел. Несмотря на это, однако, ваши опасения напрасны. Потому что эротика — не наследство, а личное приключение. Конечно, будем довольны и воспользуемся без сомнений тем, что сегодня предоставляет нам общество, скрывая от нас рецепты: удовольствие украсть эти рецепты прибавляется к удовольствию пережить их на практике. Но мы можем быть спокойны — эротика сохранит стоимость индивидуальной победы даже в обществе, освобожденном от сексуальных табу. Разве опубликование правил сложения стихов лишило поэта возможности самому открывать секреты поэзии?

Эммануэла утвердительно кивнула. Марио продолжал:

— То, что общество запрещает, выражено в законах: гражданские, религиозные, моральные (их не надо путать, упаси вас Господь, с логическими законами, которые описывают между прочими

предметами науки и эротику). То, что общество позволяет, выражено в моде. Да нет, слово «позволяет» не совсем подходящее. В дисциплине города, так же, как и в квантовой физике, все, что не запрещено, обязательно. Мода не позволяет вам вести себя тем или инным способом, она вас заставляет. И она царствует не только в одежде: она абсолютная хозяйка всякого неудовлетворения, всех ваших желаний, всех ваших страхов, всех ваших мерзостей и всякой любви. Тогда вы понимаете, почему недостаточно укоротить ваши юбки, чтобы обмануть бдительность здравомыслящих радиолокаторов и перепрыгнуть через стену свободы. Естественно, если вы пройдете полуголой по улицам или покажетесь совсем голой на пляже, можно будет считать, что жизнь повысила эстетическую стоимость. Но до тех пор, пока общественное мнение будет иметь последнее слово, пока нетолерантные общественные нормы продолжают дурманить вас своей идеологией ошибки и подготовкой к смерти, пока, скорее из-за смирения или отчаяния, чем из-за настоящего желания понравиться, вы будете подчиняться их иллюзорной иерархии, ваш ум останется умом раба. Потому что сковывают мысли, а не плоть. В вашей голове, в ваших мыслях, в ваших чувствах, суждениях, во всем вашем поведении в отношении к тем, кого вы любите, вы должны стать другой, не такой, какой в настоящий момент диктует мода. Не спрашивайте, по какому божественному велению вы смогли бы однажды проснуться в раю свободы: начните с того, что освободите мужчину или женщину, которую держите в плену. Если не сделаете этого из щедрости или справедливости, сделайте из эгоизма: чтобы сберечься от неизбежного несчастья... Нет счастливых сторожей. Вы будете свободны в ту ночь, когда свобода другого будет вас возбуждать сильнее, чем подчинение. Будете знать, что любите мужчину, если будете довольны, когда другие удовлетворяют его. Вы будете уверены, что этот человек вас любит, когда он не будет упрекать вас за других любовников, а будет любить тех, кто любит вас, будет учиться от их ума, будет гордиться их страстью, будет наслаждаться, когда они доставляют наслаждение вам. Если он не способен на это, если думает, что может иметь вас, только лишая этого других, тогда вы тоже потеряете, потому что превратитесь в нечто иное. Никто не может быть забронированным ни для кого. Уникальность не надежнее вечности.

Эммануэла была ошеломлена. Она попросила передышку.

— Может будет лучше продвигаться вперед медленнее? С остановкой на каждом пролете?

Марио не уступал:

— Опасайтесь того, что время, когда вы сможете повернуться и любоваться пройденной дорогой, не придет никогда. Битва против собственности не будет выиграна ни в нашем, ни в любом другом веке. Я вам предлагаю драться не для того, чтобы победить одной всех мужчин и всех женщин, а чтобы вы лично и те, кого вы любите, были менее несчастными в данный период вашей жизни. И

для того, чтобы те, кто восхищается вашей красотой, имели бы желание разделить ее безвозмездно с другими: для вашего удовольствия, для их удовольствия. Я могу заверить вас, что это никогда не будет в моде.

Эммануэла упрямо вернулась к первоначальной теме.

— Следовательно, показывать мои ноги не имеет никакого значения?

— Никакого, если их нагота является физическим состоянием. Но сразу становится очень важным, если это состояние духа. Состояние, которое согревает дух. Духу необходимо, чтобы его держали над огнем, как железо.

— Значит, округлость моего тела не достаточное основание?

— Ваша роль — не заставлять планету крутиться, а волновать ее.

К Эммануэле вернулось ее красноречие.

— Если миллиарды ног, которые ходили по этой земле до того, как по ней прошли мои, не успели вывести из оцепенения воздух планеты, не наивно ли рассчитывать сегодня на пагубное воздействие моих коленей на гораздо меньшее число зрителей?

Марио воспринял тон доброжелательного учителя, готового, в силу необходимости, повторять:

— Затея художника оправдывается не тем, что дает что-то новое истории, а ему лично. В отличие от научных изобретений произведения искусства не теряют ничего, если они уже когда-то были созданы. Какое значение имеет для меня то, что этого коня до человека из пещеры Ласко уже нарисовали китайцы? Когда мои пальцы впервые вырывают его из сладостного владения, он уносит меня на своих четырех ногах в далекое пространство, куда мне вздумается. А это значит, отметим мимоходом, что нас можно увидеть вместе так далеко, как я могу вообразить. До известного момента мы забавлялись тем, что могли спрятаться в обществе, теперь оно необходимо нам, чтобы увидеть друг друга. Искусства нет там, где нет зрителей.

Марио посмотрел на Эммануэлу, ожидая реакции. Однако она не дрогнула.

— Дети племени мурия, — продолжил он, — занимаются любовью перед своими товарищами, перед проезжим гостем. Очень возможно, что, вдвоем, в отдельной комнате им бы это наскучило. Вы опасаетесь, что привычка может притупить удовольствие. Вы абсолютно правы. Но разве взгляд другого здесь не для того, чтобы открывать перед вами новые горизонты?

Голос Марио зазвучал торжественно:

— Теперь вы стоите перед вторым законом эротики: эротика нуждается в асимметрии.

— Что это значит? Впрочем, какой был первый закон?

— Закон о необычном. Но и один и другой, как я вас уже предупреждал, всего лишь «небольшие законы». Главный закон, единственный, необходимый и достаточный, вспомните, возвышенно простой...

— Что каждое мгновение, проведенное иначе, чем «искусно» наслаждаясь, всегда в новых объятиях — потерянное время. Правда?

— Приблизительно. Несмотря на то, что выражение «всегда в новых» не кажется мне удачным. Оно как будто бы означает, что нужно отбрасывать старых партнеров с каждым новым. Это было бы самой большой ошибкой! Качество вашего удовольствия увеличивается с их умножением, а не с их последовательной сменой. Эрос скрывает от легкомысленных сердец свои тайны. Какой смысл отдаваться, если снова все берете обратно? Мир не увеличится для вас.

Эммануэла сморщила брови, закусила палец (олицетворение сосредоточенности), стараясь найти лучшее выражение. Стилистическое упражнение очаровывало ее, и Марио заметил это. Он продолжал:

— Кроме того, несмотря на то, что знаю, насколько дорога вам эта идея, я бы не делал главное ударение на наслаждение, а, как я уже объяснил, на искусстве: вы простите меня?

— Хорошо! — сказала Эммануэла, покладисто. — Скажем тогда «искусство наслаждаться» вместо «наслаждаться искусно». Удовлетворяет вас это? *«Каждое мгновение, которое не посвящено искусству наслаждаться во все более многочисленных объятиях, — потерянное время».*

— Отлично! — одобрил Марио. — У вас чувство к формулировке, дар синтеза. Нужно развивать его. На днях я пришлю вам трактат о максимах.

Казалось, что Марио не шутит, но несмотря на это Эммануэла рассмеялась от всего сердца. Она не придавала значения своему определению. Марио решил уточнить:

— Конечно, в этой сентенции не надо придавать узкий смысл выражению «в объятиях». Понятно само по себе, что оно охватывает широкую гамму эротических отношений, начиная с ваших собственных рук и кончая всем остальным, а не только руками другого: его взгляд, его слух (даже когда его не видно за дверью, или на конце телефонного провода), его письма, не говоря уже о его тайном образе в глубине вашего сердца. И конечно, руки не имеют ни рода ни числа... Но давайте, не будем вдаваться в тонкости грамматики.

— А может «искусство любить» звучит еще лучше, чем «искусство наслаждаться»?

— Несомненно лучше, но не точнее... Впрочем, вы предоставили мне искусство, я уступил вам наслаждение: давайте не торговаться. И не сжигайте ваших богов... В сущности «любить» звучит двусмысленно. И очень ограниченно: для того чтобы любить, необходимо быть вдвоем. В то время как наслаждаться человек может и сам.

— Конечно, — сказала Эммануэла.

— Даже, я сказал бы, что наслаждаться человек должен сам, — продолжил Марио. — Царство эротики будет закрытым

навсегда для того, кто не сумеет открыть двери своего одиночества.

Он строго посмотрел на свою гостью:

— Предполагаю, вы умеете заниматься любовью сами с собой?

Она утвердительно кивнула. Он настаивал:

— Это вам нравится?

— Да, очень.

— Вы часто занимаетесь этим?

— Очень часто.

Она не испытывала чувства стыда, говоря об этом, даже наоборот. К этому также поощрял ее муж. Никогда бы ей не пришла в голову мысль скрываться от него во время мастурбации, также как не пряталась, принимая ванну. Даже, считая нормальным, что он любит смотреть на нее, старалась делать и то и другое в те моменты, когда он мог видеть ее. Ей казалось, что это входит в ее супружеские обязанности и не менее важно, чем все остальное, и знала, что Жан думает так же, как она, и ценит это.

— Тогда вам нетрудно будет понять, что означает закон асимметрии, — сказал Марио.

— Да, конечно, я забыла о нем! Но не совсем понимаю, в чем он состоит. Необычно, да. Но почему асимметрично?

— Используя еще раз образы науки, я скажу вам: эротика стремится к появлению на свет, поэтому нормально, чтобы объединялись те же самые условия, которые необходимы для появления какой-либо формы жизни. Наверное вас учили в школе, что создание живой клетки предполагало существование больших протеиновых молекул. А у этих молекул такая особенность — их структура, расположение их составных частей, имеет очень сильно выраженную асимметрию. Нет высшей формы организации материи, нет возможности жизни, следовательно, нет прогресса без известного начального неравновесия. Позже и адаптация окажется также решающим фактором биологической эволюции. Эротика, как прогрессивная фаза этой эволюции, естественно подчиняется тем же законам. Жизнь, следовательно, и эротика, ужасаются от равновесия.

Длинная рука Марио описала в воздухе круг:

— В случае, если мы хотим смотреть на эротику как на искусство, мы увидим, что для того, чтобы это искусство имело свою публику, снова необходима асимметрия. Например, чтобы число тех, кто занимается любовью, было нечетным.

— О! — воскликнула Эммануэла, скорее забавляясь, чем шокируясь.

— Абсолютно точно! Например, один — нечетное число: тот. кто мастурбирует, одновременно и актер и зритель. Поэтому мастурбация в высшей степени эротична — произведение искусства. Единственная любовь, при которой можно быть исключительным: — *«Дева себя обнимает, Ревнует... Но кого она ревнует и кого боится?»*

Марио задумался на мгновение и продолжил:

— Эротика, кроме всего прочего, —измена. Треугольник, искупление банальности пары. Нет другого способа достичь эротики в паре, кроме как прибавить третьего. В сущности, третий почти всегда присутствует! Если не персонально, то в мыслях одного из партнеров. Разве никогда, занимаясь любовью, не представало перед вами лицо другого, не того, чьи ласки вкушаете? Насколько нежнее становится твердая грубая кожа супруга в те моменты, когда за спущенными веками предстает образ друга семьи, мужа приятельницы, случайного прохожего и героя из фильма, или любовника из вашей молодости! Ответьте! Вам это нравится? Поступаете вы так?

Эммануэла, уже не колеблясь, утвердительно кивнула головой. Одно воспоминание о том, скольно раз, лежа в объятиях Жана, она наслаждалась объятиями чужих мужчин, причинила ей такое физическое недомогание, что она подумала, что Марио заметит. Прошлой ночью она отдалась таким образом ему. Как и Кристоферу в вечер его приезда. Друзьям Арианны, даже не зная их, брату Жана, с тех пор как познакомилась с ним. И так часто в последние недели — незнакомцам из самолета, главное —греческому герою. Воспоминание о всех этих лицах возвращалось к ней с такой теплотой, что почувствовала себя близкой к обмороку, не смела сделать и малейшего движения из страха, что не сможет овладеть руками. Марио продолжил, насмешливо улыбаясь:

— Вы, вероятно, даете себе отчет, что эротика полностью отсутствует, если оба партнера, каждый со своей стороны, ведут себя одинаково. Когда один из них исчезает, второй должен присутствовать со всей силой желания, страсти, непосредственного физического наслаждения, подавив воображение силой своей исключительной страсти, своей абсурдной верностью! Иначе теряется асимметрия, остается взаимное отсутствие, равновесие, равенство — вот чего надо избегать.

Марио развел руками, подчеркивая очевидность того, что говорил:

— Конечно, реальность в подобной материи ценнее, чем фикция. Зритель из плоти и крови лучше, чем любой воображаемый. Естественное место любовника — между двумя партнерами.

На этот раз Эммануэла нашла, что афоризм Марио немного ущемляет хороший тон. Не отвечать был лучший способ показать ему это. Но на Марио это не произвело никакого впечатления. Он снова вернулся к своему первому предложению:

— К тому же настоящий артист всегда предпочтет многих зрителей перед одним.

Эммануэла чувствовала себя свободнее, когда о распутстве говорили в жанре фарса.

— Как мы уже установили и как, при необходимости, сможем снова доказать, — высокопарно подчеркнула она, — нет эротики без эксгибиционизма?

— Гм, — сказал Марио, — я не знаю, что означает это опре-

деление. Но знаю, например, что заниматься любовью, стоя ночью на улице, по которой прогуливаются редкие прохожие, одетые в меха и шелк, стимулирует дух.

— Почему не среди белого дня на площади, полной народу? — иронизировала она.

— Потому что эротика, качественная эротика, как каждое искусство, избегает толпу. Она избегает толкотню, шум, ярмарочные лампочки, вульгарность. Она нуждается в изяществе, беспечности, люксе, в декорациях. Она нуждается в своих условностях, подобно театру.

Эммануэла задумалась. С восторгом установила, что может сказать прямо, искренне — хотя, необъяснимо почему несколькими секундами раньше не смогла бы этого сделать:

— Я думаю, я бы смогла это сделать.

— Любовь на улице под внимательным взглядом прохожих?

— Да.

— Ради удовольствия заниматься любовью или ради удовольствия, что кто-то смотрит, когда вы занимаетесь любовью?

— Из-за обеих причин, предполагаю.

— А если вас попросят симулировать? Если мужчина сделает вид, что обладает вами, будете ли вы удовлетворены единственно удовольствием шокировать прохожих?

— Нет, — ответила она решительно. — В таком случае какой смысл?

И прибавила, сознавая, что говорит также и о настоящем моменте, потому что испытывала желание заниматься любовью сейчас же, она желала Марио, или желала мастурбировать, не была уверена что из двух, важно было получить наслаждение.

— Мне необходимо физическое удовольствие.

— «Сильно наслаждаться»? Не так ли?

— Да, конечно, почему бы нет? — признала запальчиво Эммануэла. — Разве в этом есть что-то плохое?

Незаметная насмешка, которую она почувствовала в словах Марио, показалась ей нестерпимой.

Он покачал головой с полной серьезностью:

— Может и есть.

Помолчав немного, он сообщил:

— Камень преткновения в области эротики — это чувственность.

— О, Марио, вы утомительны!

— Я наскучил вам?

— Нет. Но вы слишком любите парадоксы.

— Это не парадокс. Вам, вероятно, известно, что такое энтропия?

— Да, — сказала она, стараясь безуспешно вспомнить формулировку.

— Хорошо. Энтропия, то есть грубо говоря, изнашивание, спад энергии, подстерегает эротику, как и всю вселенную. И форма энтропии, которая относится к эротике, это не столько

привычка общества, сколько удовлетворение чувств. Удовлетворенная сексуальность — это сексуальность, которая ведет к смерти. Вспомните мудрые слова Дон Жуана: *«Все, что не приводит меня в восторг, убивает меня!»*. Я вам уже говорил об этом только что, когда говорил о равновесии. Каждый момент, в каждом индивиде пресыщенность угрожает желанию. Угрожает ему ровным счастьем, покоем, который подобен вечному сну. На груди невесты слово «Конец» написано огромными иллюзорными буквами на экране кино. Мрачная перспектива после «Счастливого конца». Единственное средство защиты это — не поддаваясь соблазну удовлетворения, никогда не соглашаться на наслаждение, если не уверены, что сможем наслаждаться еще и еще или скорее, если не уверены, что, после окончания оргазма можно будет снова возбудиться.

— Марио...

Он поднял назидательно палец:

— Эротика не в еякуляции, а в эрекции.

Эммануэла не хотела уступать в дерзости:

— Это скорее относится к мужчинам, а не к женщинам, — сказала она. — Женщины в этом отношении имеют преимущество перед большинством своих партнеров.

— *«Психея к ласкам всегда готова...»* — процитировал он, снисходительно улыбаясь.

Эммануэла, однако, была не согласна с Марио:

— Одним словом, по-вашему, во имя эротики надо лишиться любви? Из страха, что это доставит вам наслаждение! Я же предсказывала, что ваши теории приведут к катехизису: развивайте дух и умертвляйте чувства! Я остаюсь при моем первоначальном мнении: мне наплевать на мораль! А также и на эротику, если она требует таких добродетелей! Я предпочитаю наслаждаться сколько хочу! И сколько могу! Давать моему телу все удовольствия, которые оно требует. Я не хочу ограничивать себя, даже если мой ум находит в этом какое-то испорченное возбуждение.

— Очень хорошо! Очень хорошо! Если бы вы знали, насколько я вас одобряю. Какая радость встретить женщину, которая готова посвятить себя сладострастию. Единственная цель всего, о чем я вам говорил, — помочь вам достигнуть в этом успеха. Я не говорю: дозируйте ваше наслаждение. Я вас спрашиваю: если вы хотите наслаждаться больше всего и лучше всего не только плотью, но и умом, как вы думаете это сделать? И призываю вас только соблюдать эти элементарные законы: опасайтесь уединенных объятий, которые ведут только ко сну; не довольствуйтесь только тем, что испытали наслаждение; старайтесь наслаждаться снова и снова; не позволяйте, чтобы легко доступная удовлетворенность победила требования эротики; не подражайте бессмысленному блаженству, завершающее грустное совокупление животных; и не путайте идею совокупления с идеей о паре: разве в понятии «пара» хоть что-то дает право человеку гордиться? Эта жалкая выдумка

дала ему только возможность подняться в Ноев ковчег, в компании антилопы, крысы и блохи. Ничего в этом нет возбуждающего.

Вдруг он искренне рассмеялся:

— Сказать мне, что я вас призываю к воздержанию! В то время как я открываю перед вами двери бесконечности! Знайте же, что ваш горизонт будет всегда очень ограничен, если вы будете ожидать любовь только от одного мужчины! Я вас учу любви не только с одним, не с несколькими даже, а любви с множеством.

Эммануэла надула губки с выражением сомнения и упрямства. Это очаровало Марио:

— Какая вы красивая! — воскликнул он.

Он умолк на мгновение, она тоже не смела шевельнуться. Он промолвил:

— *«Коль ты пожелаешь, с твоими губами в безмолвьи любви предадимся».*

Она встряхнула длинные волосы, как бы прогоняя очарование, и улыбнулась Марио. Он ответил на ее улыбку с незнакомым до сих пор почтительным выражением. Пересиливая себя, она заговорила, стараясь не показывать волнения:

— Что же тогда надо делать?

Он ответил новой цитатой:

— *«Останься лежать, о мое тело, как повелит твоя сладострастная миссия! Вкушай ежедневное наслаждение и страсти без завтрашнего дня. Не оставляй неизведанной ни одну радость, о которой будешь жалеть после своей смерти».*

— Ну вот! Это то, о чем я говорила! — торжествуя заявила Эммануэла.

— И я тоже.

Она рассмеялась, не в состоянии найти аргументы. Он всегда хотел быть победителем!

— Но я говорил об этом более подробно, — сказал он.

— Слишком даже! — пожаловалась она. — Все ваши законы... Я могу вспомнить только первые два...

— Я же только что объявил и третий: закон числа. Сама по себе многочисленность является элементом эротики. И наоборот, нет эротики там, где есть ограничения. Например, ограничение до двух. Я никогда не сумею выразить достаточно громко все плохое, что думаю о паре.

— Тогда будем считать ее вне закона, — согласилась Эммануэла. — Но куда это нас приведет? Разве надо отказаться заниматься любовью лишь с одним человеком? А только втроем, впятером, всемером?

— Если хотите, — согласился Марио. — Но не обязательно. Число царствует не только в пространстве, оно существует и во времени. И служит не только для сложения и умножения. Например, для деления или вычитания. В начале сегодняшнего вечера я рассердил вас, мой друг, указав вам на один из многих способов деления.

Это воспоминание было ей почти приятно: лукавый свет осветил ее лицо, она собиралась сказать что-то, но воздержалась. Марио продолжил:

— Что касается вычитания, играйте иногда, споря с собственными чувствами. Откладывайте, прежде чем сдать (конечно!) замок феи на обочине заколдованной дороги. Продлите удовольствие и желание. И сама опьяняйтесь своими недоступными прелестями: *«В тени, девственная, я была восхитительным даром»*. — Отдавайте, отдавайте полными пригоршнями одним то, что вы отмерили другим, без того чтобы кто-нибудь из них это заслужил. Тому, кто думает, что ему придется осаждать вас в течение долгих месяцев и бороться, чтобы завоевать вас как рыцарь Граала, отдайте ваше тело внезапно, полностью, еще в первый день. А тому, которому вы разрешали часто и долго самые интимные ласки, откажите просто из каприза в «последнем даре». Потребуйте от незнакомца, чтобы он обладал вами немедля, но другу, который с детства мечтает проникнуть нежно в вас, позвольте наслаждаться только в чаше вашей руки.

— Вы ужасны! Разве вы думаете, что я могу заниматься всеми этими дебошами? Хорошо, что вы шутите...

— Да. Все надо говорить только ради шутки, Только стыдливость грустна. Но что, из того, что я вам сказал, ужасает вас? Разве то, что можете использовать ваши руки?

— Хватит говорить глупости! Не в том дело...

— Надеюсь, вы умеете хорошо использовать эти прекрасные инструменты сладострастия?

— Конечно!

— Будьте благословенны! Есть столько женщин, которые думают, что только их утроба, груди и рот имеют силу. А в сущности руки — именно то, что делает нас человеками! Что другое делает нас мужчин мужественными, если не руки женщины? Мы могли бы совокупляться с серной или львицей, ласкать их соски и вздрагивать на их языке. Но только женщина сумеет заставить нас эякулировать между ее пальцами. Во имя человечества, такой способ заниматься любовью стоит предпочесть всем другим.

Эммануэла сделала неопределенный жест, означающий, что она признает за всеми вкусами одинаковое право на существование. В действительности она отказалась оспаривать у Марио очевидное удовольствие, которое он испытывал, противореча общепринятым мнениям. Подумала, что вечер и так довольно забавен. Однако какая-то мысль беспокоила ее, она не могла дать себе реальный отчет о тех темных силах, которые заставляли ее придавать этому «закону» Марио большее значение, чем всем другим. Она снова вернулась к этой теме:

— Под предлогом делиться или уклоняться вы, как будто имеете в виду, что я должна отдаваться многим? Одному —одно, другому — другое. Если вы не поощряете меня быть легкомысленной

женщиной, во всяком случае, вы не мешаете мне иметь целую армию! Вот поэтому я считаю, что вы совратитель.

— А почему бы вам не делить для многих, для бесчисленного числа любовников, ваше тело, которое способно наслаждаться всем? Что бы вы могли сказать на это?

— Вы же отлично знаете это, Марио!

Она надеялась, что этого протеста будет достаточно, чтобы вразумить его. Но он отказался от примирения. Тогда ей пришлось повторить вопрос:

— И зачем мне это делать?

— Я же вам уже сказал: ради эротики. Потому что эротика нуждается в числе. Нет большего сладострастия для женщины, чем подводить счет любовникам: будучи ребенком — на пальцах рук, девушкой — в ритме месяцев в колледже и на каникулах, замужней женщиной — в тайном дневнике, отмечая таинственным знаком те дни, когда список возрос на одно имя: «Смотри! Целый месяц после последнего?» Или с фальшивыми угрызениями: «Ужасно! Двое за одну неделю...» До осознанного, полного гордости триумфа: «Ну вот! Что за неделька: каждый день по одному!» И, прижавшись к верной подруге, шепотом на ухо сказать: «У тебя, более ста?» — «Пока нет. А у тебя?» — «Да». Какое удовольствие! Эти тысяча тел, десять тысяч тел, которые ваше тело может принять! Вы пожалеете только о тех любовниках, которых не имели! Вспомните определение эротики, которое я вам уже сказал: удовольствие в избытке.

Эммануэла покачала головой.

— Все же! — запротестовал Марио. — Если призадуматься, закон числа является следствием другого закона, который вы не станете оспаривать я уверен: «необходимо остерегаться удовлетворения». Легко понять, почему многочисленность любовных источников необходима для удовольствия: из страха, что ваши чувства успокоятся и признаются удовлетворенными, отдавайтесь мужчине, только если уверены, что за ним вас ожидает другой, готовый обнять вас.

— Так это же без конца! — воскликнула Эммануэла. — После второго необходим третий, потом еще и еще.

— Почему нет, — сказал Марио. — Это именно то, к чему надо стремиться.

Эммануэла искренне рассмеялась:

— Есть граница человеческой выносливости, — сказала она.

— К сожалению, — признал Марио мрачно. — Но дух может преодолеть ее. Важно, чтобы дух не удовлетворялся и никогда не уставал.

— Если я правильно поняла, чтобы держать его начеку, надежнее всего было бы заниматься любовью непрерывно.

— Не обязательно, — начал терять терпение Марио. — Важно не просто заниматься любовью, а важно, как это делать. Физический акт сам по себе, даже когда его повторяют до бесконечности,

недостаточен для того, чтобы создать эротическое качество. Если вы отдадитесь десяти, двадцати любовникам последовательно, этот день может быть для вас самым счастливым, но не исключено, что вы умрете от скуки. Все зависит от момента, от того, что предшествовало, и от того, что вас ожидает после него. Вот почему хоть и существуют законы, но нет правил: для того чтобы достигнуть гармонии эротического совершенства, однажды вы отдадитесь этим двадцати одним и тем же способом, воспроизводя их плоть в вас, как на манеже, заставляя их чередоваться в вашем теле, не стремясь отличить одного от другого; другой раз — потребуете от каждого из двадцати удовлетворить вас по-разному.

— Тридцать две позы? — засмеялась Эммануэла.

— Нет ничего более вульгарного, чем эта дешевая эротика! Дай бог, вы будете защищены от нее. Достойное вас искусство эротики не имеет ничего общего с позами. Оно рождается от ситуации. Единственные позы, которые имеют значение, — это извилины вашего мозга. Занимайтесь любовью с головой. Наполните ваши мысли таким числом фаллосов и сладострастных чувств, которые не смогут дать вам все мужчины земли. Пусть каждая ваша ласка содержит и предсказывает все остальные. Ведь именно присутствие в сексуальном акте прошедших и будущих сексуальных актов, совершенных другими или с другими, придает им эротическую значимость. Так что, когда мужчина обладает вами, пусть блаженство момента дает не он один, а тот, который возле вас, который держит вашу руку или читает вам страницы Гомера.

Эммануэла прыснула, но все же более впечатлилась, чем хотела признаться.

— Когда мой муж захочет заниматься со мной любовью, я должна буду сказать ему: «Невозможно, мы только вдвоем!»

— В этом была бы мудрость, — сказал Марио серьезно. — Но, как я вам сказал, если третий не будет присутствовать физически, ваш ум должен будет создать его.

Это понравилось Эммануэле. Да, действительно, подумала она, до сих пор это было самым большим удовольствием для нее, это воображаемое перебрасывание в объятия другого, избранного ею, в то время как Жан проникал в нее. Подумала, что это было первое эротическое открытие, с начала их любви, которое она сделала сама еще на четвертый или пятый раз, когда он обладал ею. Вначале она позволяла себе эти «экстра» редко, через большие интервалы, как исключительное вознаграждение. Потом все чаще. Какое удовольствие! Само по себе это было причиной наслаждения. Теперь она спешила к своему мужу в стремлении скорее заняться любовью не только из-за физического желания, но потому что другой мужчина, тот, которого она желала в этот момент, появлялся сразу и ей не приходилось превозмогать стеснение и стыд, чтобы предоставить ему самое интимное и распутное, сделать с ним мысленно все, что в действительности она не посмела бы сделать. Ее удовольствие удваивалось и то же самое происходило с

Жаном, которому она не изменяла, наоборот: каждый день она становилась для него все более пламенной любовницей, более чувственной. Она пообещала себе, что теперь всегда будет заниматься любовью так, будет вызывать каждый раз образ «третьего», необходимого для соблюдения закона асимметрии. Она почувствовала такое нетерпение при мысли об этом утонченном сладострастии, что захотела, чтобы ее муж обладал ею в тот же момент, чтобы она могла заниматься любовью с другим.

— С кем? — спросила она себя. — Очевидно, с Марио не было бы забавно. С Квэнтином.

— Надо будет следить за тем, чтобы не вызвать в кровать сразу двух духов, — пошутила она.

— В таком случае число участников будет четным, и все пропадет.

Марио улыбнулся:

— Нет, потому что снова будет асимметрия, четное число будет неровно распределено. Конечно, я никогда не буду вас поощрять заниматься любовью вчетвером, если это будет выражаться в том, чтобы лежать парами, хоть и на одном и том же ложе. Нет ничего более пошлого, более обывательского. Лучше оставим эту игру достопочтенным буржуа, чей аппетит разыгрывается после ужина. Но, конечно, будет неправильным понять, что надо наложить запрет на число четыре. Оно дает интересные возможности, если освободить его от банальности квадрата и раздробить, например, на три плюс один. То же самое относится и к восьми, несмотря на то что это четное число, потому что оно может означать шесть мужчин и две женщины — это одна из самых элегантных комбинаций, которая обеспечивает трех ухажеров для каждой женщины вначале и соединение так образованных групп в конце.

Эммануэла попробовала представить себе эту картину.

— Я согласен, — сказал Марио с добродушным смехом, — что наивность имеет свои чары и что для женщины самый сладостный способ заниматься любовью остается, как вы это заметили только что, очевидно, отдаваться одновременно двум мужчинам. (Эммануэла подняла брови, изумленная, что ей приписывают такие идеи.) — Нет более современного и гармоничного способа и можно понять, что это предпочитаемое удовольствие для каждой женщины со вкусом. Между ощущением отдаться только одному мужчине или двум сразу такая же пропасть, как между рисовой водкой и марочным шампанским.

Он поднял бутылку и налил Эммануэле. Она попробовала с волнением каплю золотистого ликера. Марио не сводил с нее глаз. Настаивал:

— В объятиях одного единственного мужчины женщина уже чувствует себя наполовину отброшенной. Если целый кортеж любовников — необходимый ответ на требования вашего ума, то не менее законна дань вашей плоти — не отделять ее двуполовые возможности от чистосердечных наклонностей. Было бы не-спра-

ведливо даже на один момент пренебрегать какой-либо частью вашего тела, оставаясь наполовину свободной, наполовину раскрытой... Все ваши чувства имеют равные права и равные достоинства в любви. И поскольку один и тот же мужчина не может быть одновременно у вашего начала и у вашего конца, не плохо, чтобы хоть двое постарались вместе решить загадку вашего тела. Только когда они одновременно вольют свое сладострастие в ваши уста, вы почувствуете полностью смысл и красоту быть женщиной.

Он вежливо спросил:

— Вы любите?

Эммануэла опустила взгляд к сверкающему бокалу, закашлялась. Он продолжил бесжалостно:

— Я хочу сказать — заниматься любовью с двумя мужчинами. Не только в воображении...

Она выбрала откровенный ответ.

— Не знаю, — сказала она.

— Почему? — удивился Марио.

— Я никогда этого не делала.

— Действительно? Почему?

Она пожала плечами.

— Вам не нравится этот способ? — спросил он чуть язвительно.

На лице Эммануэлы сменились самые разные чувства. Марио не нарушал молчания, что еще больше усиливало смущение его гостьи. Ей казалось, что ее обвиняют в том, что она виновата в неизвестно каком прегрешении против разума.

— Почему вы вышли замуж? — резко спросил он.

Она не знала, что ответить. Ей казалось, что кто-то взял ее за плечи и круто повернул, как при игре в жмурки, чтобы потерять ориентацию. С завязанными глазами и протянутыми вперед руками, она боялась сделать шаг, чтобы не попасть в капкан. Ей не хотелось признавать перед Марио, что она вышла замуж из любви к Жану — или даже из-за удовольствия заниматься с ним любовью. К счастью в голову пришла мысль, которая в этот момент показалась полезной.

— Я лесбиянка, — сказала она.

Марио захлопал глазами.

— Отлично! — одобрил он.

Потом с сомнением спросил:

— Но вы и теперь продолжаете быть такой или были в детские годы?

— Продолжаю быть, — сказала Эммануэла.

Неожиданно волна отчаяния захлестнула ее. Разве она говорила правду! Сможет ли она снова сжать тело женщины в своих объятиях? Потеряв Би, она потеряла все...

— Ваш муж знает о ваших вкусах?

— Конечно. Впрочем все знают. Это не тайна. Я горжусь тем, что люблю красивых девушек и что красивые девушки любят меня.

Она чувствовала необходимость бросать слова вызова, которые впрочем причиняли боль только ей самой.

Марио выпрямился и зашагал по комнате. Казалось, что он вне себя. Подошел к Эммануэле, взял ее за руку, посадил на диван, встал на колени перед ней. К ее удивлению он легонько поцеловал ее колени, потом обнял ее ноги.

— *«Все женщины красивы,* — прошептал он с пылкостью, звучавшей трогательно в его глубоком голосе, — *только женщины умеют любить. Оставайся с нами, Билити, оставайся! И если пламенна твоя душа, ты увидишь красоту, как в зеркале, на телах твоих любовниц».*

С меланхолической иронией Эммануэла подумала, что ей не везло: так случилось, что она влюбилась одновременно в женщину, которая не была достаточно лесбиянкой, и в мужчину, который был педераст.

Он, однако, уже обрел свой беспечный тон и продолжил допрос:

— Вы имели многих любовниц?

— Конечно!

Она не допустит, чтобы воспоминание о Би испортило этот вечер. Она подтвердила.

— Я люблю их часто менять.

— А находите вы столько, сколько вам хочется?

— Это не так трудно. Достаточно предложить.

— Разве нет таких, кто отказывается?

— Очень мало! — поубавила Эммануэла, которой уже надоело хвастаться. (Ей хотелось скорее возвратить свою простоту и откровенность). — Разумеется, — поправилась она, счастливо смеясь, — все еще есть неприступные девушки. Но тем хуже для них!

— Точно! — сказал Марио. — А вы? Вас легко завоевать?

— О, да! Я люблю отдаваться.

Улыбаясь своему признанию, она продолжила:

— Но при условии, что мои ухажорки действительно красивы. Каждая не достаточно красивая девушка ужасает меня.

— Прекрасные рассуждения, — похвалил ее снова Марио.

Он вернулся к вопросу, который, очевидно, его живо интересовал:

— Вы сказали, что ваш муж в курсе ваших женских связей. Но разве он их одобряет?

— Он их поощряет. Я никогда не имела стольких подруг, как после замужества.

— Он не опасается, что их ласки могут оттолкнуть вас от него?

— Что за мысль! Любить женщину и заниматься любовью с ней — это совсем не то, что заниматься любовью с мужчиной. Одно не может заменить другое. Необходимы оба. Было бы также жалко быть чистой лесбиянкой, как и не быть ею.

Мнение Эммануэлы казалось категорическим, ее уверенность убеждала и Марио.

— Предполагаю, что ваш муж также пользуется чарами ваших любовниц? — спросил он.

Эммануэла хитро улыбнулась.

— Скорее всего они об этом только и мечтают, — пошутила она.

— И вы не ревнуете?

— Было бы слишком смешно!

— Вы правы: деление создано для того, чтобы прибавлять вам удовольствия.

Он покачал головой, казалось, вызывая в воображении сладострастные видения. В это время Эммануэла видела снова голые тела своих подруг, такие голые, нежные, такие красивые! Казалось, она не услышала последнего замечания Марио.

— А он? — спросил он после минуты молчания.

Эммануэла раскрыла широко глаза.

— Он?

— Да, ваш муж! Он вам обеспечивает достаточно мужчин?

— Что? — спросила она, шокированная до глубины души. — Конечно, нет!

Она почувствовала, что краснеет.

— Даже после вашей свадьбы? — продолжил невозмутимо Марио.

Она не смогла сдержать своего возмущения:

— В таком случае, — объявил Марио холодно, — я не понимаю, в чем же состоит для вас, как и для него, интерес быть замужем...

Он пригубил напиток, посмаковал, затем спросил презрительно:

— Он вам запрещает заниматься любовью с другими мужчинами?

— Нет, совсем нет, — поспешно ответила Эммануэла.

В душе она не была уверена — не приукрашивает ли немного.

— Разве он говорил вам, что вы можете это делать?

Она снова почувствовала душевные терзания:

— Не так недвусмысленно, конечно. Но он никогда мне не запрещал. И не спрашивал, делаю ли я это или нет. Он оставляет меня свободной.

У Марио вырвалось известное сожаление:

— Именно за это его надо упрекнуть. Эротика не нуждается в такой свободе.

Эммануэла старалась понять, что хочет сказать Марио.

Она напомнила:

— Но все же, только что вы твердили, что нет счастливых сторожей?

— Я же вас также предупреждал, что нет счастливой любви без сопричастия к увлечениям любимого.

Она склонила голову, снова охваченная сомнениями.

— Когда вы жили одна в Париже и писали вашему мужу, — подхватил он, — вы перечисляли ему ваших любовников?

Эммануэла была подавлена сознанием собственной «банальности». Покачала головой, потом попробовала объяснить:

— Я говорила ему о моих любовницах, — сказала она.

Марио сделал жест, который мог означать: «Ну это лучше, чем ничего». Снова замолчали. Эммануэла посмотрела на Квэнтина. Он улыбался с завидным постоянством. Подумала, понимает он разговор или улыбка лишь прикрывает его скуку.

— Только не подумайте, что Жан ревнивый, — сказала она в желании загладить плохое впечатление, которое сознавала, что произвела на Марио. — Он ничуть не ревнивее меня. Например, он сам охотно поощряет меня показывать мои ноги. Для того чтобы доставлять ему удовольствие, я ношу узкие платья, так что, когда выхожу из машины, юбка поднимается, как можно высоко. А вы сами видели, что даже в самой приличной гостиной я сажусь не совсем скромно.

Она засмеялась.

— Убедились, что это не шокирует меня. Разве это не достаточное доказательство, что и он и я склонны к эротике?

— Да.

— Потом он сам уточняет глубину моих декольте. Вы знаете многих супругов, которые так щедро показывают грудь своих жен?

— А вам лично приятно показывать грудь? Физически приятно?

— Да, — сказала Эммануэла. — Но особенно после того, как Жан научил меня. Прежде, чем я познакомилась с ним, я любила, чтобы до меня дотрагивались, хочу сказать, чтобы девушки дотрагивались до меня, но мне было безразлично, видят меня или нет. Я не испытывала от этого удовольствия. Теперь — да.

И добавила храбро:

— Я не родилась эксгибиционисткой. Я стала ею. Благодаря ему!

И она повторила:

— Вот видите!

— Вы когда-нибудь спрашивали себя, почему ваш муж забавляется, делая вас публично желанной? — спросил Марио. — Если только для того, чтобы возбуждать мужчин — это не очень похвально. А если из чистой гордости, чтобы выставить красоту своей жены, как богатство, и подтрунивать над своим ближним, который не имеет столько, то это вообще никуда на годится.

— О, нет! — запротестовала Эммануэла, которая не могла терпеть, чтобы говорили плохо об ее муже. — Это совсем не в его стиле. Если он и поощряет меня показывать мое тело, то скорее для того, чтобы дать возможность другим воспользоваться...

— Следовательно, это то, о чем я говорил! — торжествующе заявил Марио. — Если ваш муж умудряется заставить вас вызывать желание мужчин, если он предоставляет вас таким образом их эрекции, это означает, что он хочет, чтобы вы занимались любовью с ними.

— Но... — попробовала возразить Эммануэла.

Эта идея никогда не приходила ей в голову, и она не знала, что возразить. Все же она растерялась. Разве можно было думать, что Жан хотел этого от нее? Сказала:

— Почему же Жан захочет, чтобы я изменяла ему? Какое удовольствие может испытывать мужчина, когда другие обладают его женой?

— Хватит, дорогая, — сказал Марио строгим голосом. — Вы что? Неужели хотите сказать, что не понимаете, как один передовой мужчина из эротической утонченности может хотеть, чтобы его жена соблазняла других мужчин? Екклезиаст, во всяком случае, знал больше вас. Он говорил: «Красота женщины составляет радость ее мужа». Будьте последовательны: если ваш муж радуется, зная, что вы занимаетесь любовью с другими женщинами, почему он должен думать иначе о мужчинах? Разве есть такая большая, существенная разница между гетеро- и гомосексуальной любовью, как вы, очевидно, думаете? Что касается меня, я считаю, что есть только одна любовь, что заниматься любовью с мужчиной или женщиной, супругом, любовником, братом, сестрой, ребенком, одно и то же.

— Но Жан всегда знал о моей склонности к девушкам, до того даже, как он меня дефлорировал. Я сама сказала ему об этом, еще в первый день нашего знакомства.

Она прибавила резко, используя намек Марио:

— Конечно, если бы у меня был брат, я бы обязательно занималась любовью с ним. Но я единственная дочь.

— Ну так что же?

— Я хочу сказать, что лаская женщину, я не изменяю моему мужу.

Хозяин явно развлекался.

— А муж, — спросил он, — любит мужчин?

— Нет! — Эммануэле показалось абсурдным, что ее муж мог быть гомосексуалистом.

— Вы несправедливы, — заметил Марио, угадав ее мысли.

— Это не одно и то же!

Марио улыбнулся, и она уже не была уверена, что это не одно и то же...

— Неужели вы предпочитаете, чтобы он спал с другими женщинами? — снова заговорил он.

— Я не знаю... Кажется, да.

— Тогда, — торжествующе заявил он. — Почему бы ему не думать так же о вас и о мужчинах?

«Это правда» — подумала она.

— Другой пример, — продолжил Марио, не ожидая ответа. — Вы признали, что выставляете ваши ноги и ваши груди, не по привычке, не из светской игры, а потому что предлагать себя — вас возбуждает. Так?

— Предлагать себя!..

Тон, которым произнесла Эммануэла это слово, показывал, что она считает его неподходящим... Во всяком случае преувеличенным... Марио не обратил внимания. Он продолжал:

— А ваше удовольствие увеличивается, если ваш муж присутствует?

Она задумалась:

— Думаю, что да.

— Скромно сидя возле вашего мужа, в то время как его лучший друг старается заглянуть вам под юбку, разве вы иногда не мечтаете о том, как он засовывает туда руки, не говоря уже обо всем остальном?

— Конечно, — ответила она с готовностью.

Это, однако, далеко не убеждало ее, что и Жан наслаждается, представляя себе ту же сцену. С единственной целью взбесить Марио она спряталась за безопасный конформизм.

— Я всегда слышала, да и читала в книгах, что нельзя заниматься любовью с женой друга. Эта мораль тоже устарела?

Марио не поддался провокации. Ответил спокойно:

— Если мой друг выбрал супругу, которую не могу пожелать, это означает только, что я плохо выбрал друга.

— Я говорила о долге, — сказала Эммануэла. — Не о возможностях.

— А я хочу вам сказать, что наш первый долг — делать все, что мы можем.

— Следовательно, если вы не в состоянии отнять жену вашего друга, выходит что вы виноваты? — спросила она слишком прилежно, чтобы быть искренней.

— Я никогда не отнимаю никого, — уточнил он терпеливо. — Как я могу отнять кого-то от кого-то. Человек не предмет, чтобы его присваивать. Если я занимаюсь любовью, это не для того, чтобы увеличить свою собственность, а для того, чтобы обменяться удовольствием. Или вы думаете, что человек не должен обмениваться удовольствиями с другом?

Эммануэла вцепилась в слабый шанс отвлекающего маневра, который ей предоставляла семантика, область менее личная, чем намерения, которые Марио приписывал Жану.

— Женщина, которая говорит мужчине: «Обладай мной», мужчина, который обладает женщиной, своей женой; другой, который наслаждается тем, что обладает желанным телом, они что — аморальны?

— Они анахроничны. Они говорят на языке распродажи. Они тянут мир назад. Думать, говорить, жить, как в прошедшем году, никогда не помогало людям ни одной эпохи понимать друг друга. Еще меньше — любить друг друга.

Молчание Эммануэлы не означало отступление. Марио заподозрил это и вздохнул:

— Вам еще многое надо усвоить. Все, что отличает чистую сексуальность от искусства эротики.

Он вернулся к своим обязанностям, прибавляя нотку иронии к слову, произнесенному Эммануэлой.

— Если ваш муж не хотел бы, чтобы вы изменяли ему, почему он позволил вам прийти сегодня сюда одной? Были у него возражения?

— Нет. Но может он подумал, что ужин с мужчиной еще не означает, что я обязательно отдамся ему.

Эммануэла с легкостью притворялась естественной. Она не поняла, успела ли уколоть Марио. Казалось, он утонул в размышлениях. В тот момент, когда ее мысли были уже далеко, он вдруг спросил:

— Вы готовы отдаться сегодня вечером, Эммануэла?

Впервые он называл ее по имени. Она постаралась скрыть охватившее ее волнение при этом небрежно заданном вопросе. Попробовала придать своему голосу такую же безмятежность, чтобы показать свою свободу.

— Да.

— Почему?

Смущение снова охватило ее.

— Вы легко уступаете мужчинам? — спросил Марио.

Ее захлестнул стыд. В сущности какова была цель разговора? Унизить ее? Она почувствовала необходимость повысить свою цену:

— Как раз наоборот, — заверила она с необычным для нее порывом. — Я же говорила, что у меня было много любовниц, но я не сказала, что у меня много любовников. Я даже могу поделиться с вами, — прибавила она, движимая внезапным импульсом (к собственному удивлению, потому что она не любила врать и делала это как можно реже), — что до сих пор у меня не было ни одного. Теперь вы понимаете, что мне не в чем было признаваться моему мужу? До сих пор, — закончила она с многозначительной улыбкой.

Приписывая себе эти добродетели, она подумала, что в действительности не так уж ошибалась: разве можно было серьезно считать любовниками тех незнакомцев, которые по очереди соблазнили ее в самолете? Мари-Ан сказала, что они не в счет. Сама она начала постепенно сомневаться в реальности этой авантюры и считала, что, уступая тому живому сну, даренному ей между небом и землей, она была не более неверной, чем наслаждаясь лаской мужчин, которым она отдавалась в своем воображении, в то время как ее супруг обладал каждую ночь ее телом.

Впервые она подумала, что может беременна от одного из пассажиров: скоро точно узнает. Но и это не имело большого значения.

Марио, однако, кажется, вдруг почувствовал возросший интерес к своей гостье:

— Вы не шутите со мной? Я думал, вы говорили, что любите «также» и мужчин?

— Конечно... Разве я не вышла замуж? К тому же я сказала вам, что я готова отдаться и другому мужчине, кроме моего супруга, еще сегодня вечером.

— Впервые?

Эммануэла подтвердила кивком головы свою полуложь. (Лишь бы, подумала она с внезапным ужасом, Мари-Ан не выдала ее секрета! Но нет! Очевидно, Марио не знает ничего.)

— Может я была расположена к этому и в другой раз, но никто тогда не воспользовался, — прибавила она с щепоткой соли, которую хозяин должно быть почувствовал, потому что посмотрел на нее с улыбкой, которая ей совсем не понравилась.

Он перешел в контратаку:

— А почему вы хотите «изменить» вашему мужу? Потому что он не удовлетворяет вас физически?

— О, нет! — воскликнула Эммануэла взволнованно. Она вдруг почувствовала себя несчастной. — О, нет! Он прекрасный любовник. Он совсем не надоел мне. Уверяю вас. Не поэтому, наоборот...

— Ага! — сказал Марио. — «Наоборот»? Вот, что интересно. Можете вы мне сказать, что понимаете под «наоборот»?

Она разозлилась на него. Он прочел ей целую лекцию, доказывая, что Жан сам хотел, чтобы она имела любовников, а теперь как бы и не помнил этого...

Но почему, действительно, начала спрашивать сама себя, она так легко принимала сегодня идею быть неверной? Почему вдруг впервые в жизни ей так сильно захотелось быть замужней женщиной с любовником? Потому что именно этого она хотела: прелюбодействовать. Хотела, но ее страсть к Жану не остывала — наоборот... Что с ней происходит? Она услышала свой ответ, прежде чем успела вникнуть в смысл слов:

— Это потому что я счастлива. Это потому что... я люблю его!

Марио наклонился к ней. Он произнес:

— Другими словами, если вы хотите изменить вашему мужу, это не из-за того, что он вам надоел, или из слабости, из мести, а наоборот, потому что он делает вас счастливой. Потому, что он научил вас любить то, что красиво. Любить чудо физического удовольствия, причиненного проникновением тела мужчины в вашу глубину. Он научил вас, что любовь — это то ослепление чувств, когда нагота мужчины раздавливает вашу. Что великолепие жизни непрерывно возрождается в движении ваших рук к плечам, чтобы опустить до талии платье и раскрыть вашу грудь, в движении ваших рук к бедрам, чтобы опустить платье к ногам и превратиться в статую, прекраснее, чем мечта. Он научил вас, что красота не в одиночестве вашего тела, а в его расцвете. Что красота не в ожидании других рук, которые обнажат вас, а та спешка и простота, с которыми ваши пальцы сами освобождают вас от всего, что прикрывает, и подносят как свет предназначенной вам плоти. Он научил вас, что нет другой красоты, что нет другого счастья. Что этот порыв желаний вашего тела, эта организованность ваших

сил — носители высшего разума, постижимого только в их бесконечном повторении. Что никакой сознательный акт не имеет большего смысла для таких подвластных инстинкту созданий, как мы, чем осознанный поиск и умелое объятие именно того единственного момента, той сияющей секунды, когда женщина превращается для мужчины в его посев и его жатву. Созидательное чудо удивительнее того, что превращает мрамор в торс и модуляции в симфонию! Эта действительность более человечная, чем наследство материи, это чудо нашей свободы, физическая духовность, произведение искусства, созданное жизнью!

Эммануэла слушала, не зная можно ли позволить словам обвить ее, как плющ, оставить их решить, кто она в сущности есть... Она взяла у Марио стакан, полный бликов света, подняла на него твердый взгляд.

— Так вы бы отдались? — захотел увериться он.

Она кивнула.

— И вы скажете вашему хозяину, что он может гордиться вами?

Спокойствие оставило ее и в голосе послышалась тревога:

— О! Нет.

И после небольшого колебания:

— Не сразу...

На лице Марио появилось снисходительное выражение.

— Вижу, — сказал он. — Но придется научиться.

— Чему мне надо еще учиться? — запротестовала она.

— Удовольствию рассказывать: оно еще более изощренное, более утонченное, чем искусство тайны. Придет день, когда вкус ваших авантюр будет иметь меньшую цену, чем сладострастие рассказывать долго, в деталях, которые заставят вас наслаждаться больше, чем сами ласки, рассказывать мужчине, который одновременно и сама вы и самый внимательный из всех ваших зрителей. Мужчина, который наравне с вами, а может еще сильнее, будет счастлив узнать, как вы многогранны.

Он сделал великодушный жест.

— Но не надо спешить, и, если в данный момент легче всего скрываться, оставьте вашего мужа во временном неведеньи о прогрессе его ученицы. Впрочем, — в его улыбке промелькнула насмешливость, — может стоит подождать, пока этот прогресс станет настоящим, не правда ли? Так для него сюрприз будет полным. Но на период испытания, если не он, то кто-нибудь другой должен стать вашим гидом. Потому что путь к эротике иногда крутой, и предоставленная сама себе, рискуете поколебаться или заблудиться. Что вы об этом думаете?

Эммануэла поняла, что ее ответа ждут только для проформы, и сочла более достойным промолчать. Марио продолжил:

— Вы же знаете, что постоянство ученика должно быть безгранично. Ни один гид в мире не может заменить вашу волю: он будет показывать вам дорогу, но именно вы — та, которая должна

идти смелым шагом, зная, куда ведет этот шаг. Введение в любое искусство — более труд, чем удовольствие. Разве тот, чье сердце дрогнет еще до того, как благодарность вознаградит его за терпение, заслуживает, чтобы его жалели за то, что он упустил возможность счастья? Придет день, когда само воспоминание об этом тяжком труде будет вам приятно. Сегодня вы должны свободно решать. Готовы вы все испытать?

— Все? — спросила она осторожно.

Она вспомнила, что недавно те же слова произнесла Мари-Ан.

— Вот именно, все! — сказал Марио лаконично.

Эммануэла попробовала представить себе, что могло содержаться в этом «все», и не могла придумать ничего другого, кроме своего тела, отданного капризам Марио. И поскольку решилась отдаться ему, способ, каким он ее возьмет (она отметила, что все еще не успела осовременить свой словарь), для нее не имел значения. Даже подумала немного иронично, что ее наставник преувеличивал достоинства своих любовных методов, раз считал, что приготовленный урок «изменит ее». Она признавала, что не имела опыта с мужчинами, но была уверена, что женщина, чтобы развиваться, должна делать больше, чем просто подчиняться странностям любовника. Это самодовольство самца забавляло ее. Но она не дразнила его, чтобы не обескуражить при переходе к акту.

Однако ее совесть беспокоило то, что не могла объяснить, почему, несмотря на уверения Марио, она предпочла, если бы эта связь осталась неизвестной для ее мужа. Это было не из-за страха, что Марио мог составить себе неправильное мнение о побуждениях Жана, думала она. Скорее по причине, которую она осознала только что и которую смогла ясно объяснить: «изменять» мужу, которого любишь, — наслаждение очень нежное, о котором она до сих пор не думала, но притягательность которого теперь заставляла ее трепетать от нетерпения. Очень возможно, думала она, что в мире эротики, соучастие мужа, доверие в измене, составляли высшую степень распущенности. Но этого она еще не достигла. Тайна ее авантюр могла, по ее мнению, скорее добавить, чем убавить от удовольствия, которое ее ожидало. Перед тем, как изучить сложное искусство, правила которого Марио только что набросал перед ней, она хотела удовлетвориться более простым. Разве измена сама по себе не предоставляла возможности для прекрасных открытий?

В действительности, почти неосознанно, абстрактная эротика вдохновляла ее больше, чем элементарная чувственность, которой она воображала, что уступает, потому что не столько предчувствие наслаждения, которое ей доставит ее любовник, заставляло ее отдаться и доводило до обморока, сколько главное желание — изменить Жану, изменить так же, как и любила, изменить немедленно, много, всем телом, всей наготой, всей нежностью своей утробы, куда проникнет сперма незнакомца.

Марио смотрел на нее и этот взгляд ее смущал. Она изменила

свое положение на кожаном диване, показывая ноги, как уже объясняла, что умеет это делать. Подумала, что Марио говорил о том, как заниматься любовью с двумя мужчинами, потому что хотел разделить ее со своим другом. «Хорошо! — сказала она себе. — Я научусь!» Она предпочла бы иметь дело только с Марио, или, если уж не было возможности избежать Квэнтина, пусть он примет роль зрителя, которому Марио придавал такое большое значение. Но она была полна решимости не противоречить требованиям хозяина. Может даже, признавала она где-то в глубине души гнездилось желание быть оцененной и Квэнтином тоже? Поскольку Марио твердил, что любовь с двумя мужчинами — это такое очарование...

— Вы хотя бы уже занимались любовью с несколькими женщинами? — спросил ее герой.

Она лишний раз восхитилась, что он так легко читает ее мысли. Тогда он должен был знать, как сильно она его желает. Он открыто любовался ее ногами. Она забыла ответить.

Тем особенным, трепещущим голосом, которым он читал стихи, Марио произнес:

— *«Такая я чистая! Колени мои предчувствуют муки их беззащитности!»*

Она была счастлива, что он так чувствовал красноречие ее тела. Но он не позволял так легко рассеять свое любопытство. Снова вернулся к теме:

— Я имею в виду, с несколькими женщинами одновременно.

— Да, — сказала Эммануэла.

Он казался очарованным.

— О! Так вы не такая уж «невинная».

— А почему мне быть ею! — возмутилась Эммануэла. — Я никогда не претендовала на нечто подобное.

Подозревать ее в благопристойности было для нее худшей обидой. Если демонстрация ног не вызывала соответствующего уважения, она выпрямится на диваче и разденется голой. Порыв был настолько силен, что она поджала под себя ноги и встала на колени. И если эта демонстрация все еще не убеждала ее хозяина, она бы мастурбировала перед ним! Ее грудь горела желанием: может это коктейль Марио придавал ей вдруг такую смелость. Но итальянец оставался невозмутимым. Предпочитал словестный эротизм перед действием... Он продолжал свою анкету:

— Как же вы поступаете, когда обмениваетесь ласками с двумя девушками одновременно?

Эммануэла теряла терпение. Чтобы ускорить конец этого устного экзамена, она стала описывать сцены, в которых воображение и реальность смешались. Она не старалась тщательно перебирать свои воспоминания, зернышко выдумки, даже и наивной, должно понравиться Марио больше, чем историческая достоверность, думала она. Однако он не поверил.

— Все это кажется мне детской игрой, — добродушно прервал он ее. — Пора взрослеть, мой красивый друг!

Обидевшись, она захотела нанести врагу удар, чтобы отомстить. Спохватившись, что, сделав неподходящий намек, рискует навредить своим планам, хотела прикусить язык, но было уже очень поздно.

— А вы, — сказала она, — вы удачнее справляетесь с мальчиками?

К ее удивлению, однако, Марио не обиделся. Наоборот, в его голосе звучало хорошее настроение:

— Мы вам покажем, дорогая!

Он сказал что-то по-английски Квэнтину. Эммануэла думала с беспокойством, не решат ли оба продемонстрировать ей прямо здесь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

САМ-ЛО

Город мой, я располагаю им.

Екклесиаст VIII,12

С утра сей свои семена,
Вечером не давай покоя руке.

Там же XI,6

Дерево науки охватило ее своей листвой, то были мои руки

Монтерлан, «Дон Жуан»

Квартал, в котором очутилась Эммануэла, совсем не похож на те бульвары с бетонными домами или коттеджами, утопающими в зелени садов, которые она видела со дня своего приезда в Бангкок. Может все ей снится? В свете полной луны декорации бледнеют, их рельеф оживает. Все это так подходит танцующим движениям Эммануэлы. Разве это реальность? Декорации — это точное слово,

оно выражает поддельную перспективу, эстрады, картонные стены, нестабильные постройки, эстакады. Следуя за Марио и впереди Квэнтина, она ступает неуверенно в своих лодочках на высоких каблуках по длинной, с десяток метров, доске, шириной в одну ступню, переброшенной над неподвижной, жирной водой канала, который скорее всего напоминает сточную канаву. Под тяжестью прохожих доска прогибается и вибрирует, как трамплин. Эммануэла не сомневается, что рано или поздно очутится в тине.

Когда они доходят до помоста, оказывается, что надо прыгнуть на другую доску, еще более шаткую и трухлявую, с тем чтобы продолжить идти дальше. Трое идут так вот уже несколько сот метров и ничто не указывает на то, что эта странная дорожка скоро кончится. Идя вперед, Эммануэла представляет, что она уходит навсегда из знакомого мира. Даже воздух, которым здесь дышат, имеет, как будто, другой состав и другой запах. Ночь настолько тиха, что иностранка сдерживает дыхание, а потом замолкает из страха святотатства. В этот же миг она осознает, что тишина, в сущности, состоит из монотонного, прерывающегося и поскрипывающего писка сверчков.

Полчаса тому назад Эммануэла и ее гиды покинули срубленный дом, сев в узкую лодку, которую лодочник по заказу Марио привел к плавающей пристани. Некоторое время они плыли вверх по каналу. Потом они перешли из лодки на этот деревянный помост, поставленный перпендикулярно к оси большого канала над узким протоком, очевидно не очень глубоким, если и самые легкие сиамские пироги не смели плавать по нему. Эммануэла так и не поняла, знал ли Марио это место заранее.

По берегам канала низкие хибары со стенами из ржавых железных листов, или из почерневшего бамбука, с крышами из пальм, соединенные с пешеходными помостами еще более узкими мостиками из гнилых балок или прямо из необтесанных ветвей. Их окна и двери заботливо перегорожены, закрыты, как во время чумы. «Как умудряются они дышать?», —удивляется Эммануэла. Она легче может понять, как живут люди в сампах — эти плавающие дома она только что видела вдоль канала: пользуясь безоблачной ночью, мужчины, женщины и дети спали под звездами, иногда дыша ртом и не закрывая глаз. Но здесь, какая мистерия запирает этих людей, заставляет их беречься колыхания ветра в этих влажных застенках?

Чувство нереальности этого бесконечного пейзажа становится все осязательнее. Почти невероятно, что эта неприветливая улица из стоячей воды и гнилого дерева, по которой идешь, как канатоходец, может быть такой длинной и вести в никуда. А днем, когда ее жители выходят из своих хибар, как они успевают разойтись на этом единственном пути? Эммануэла со страхом представляет, какие акробатические номера ей придется проделать, если случайно повстречаются другие лунатики. Хотя сомнительно, что такое могло бы случиться, так как страна, в которую привели ее спутники,

слишком призрачна, чтобы тут могли присутствовать живые существа.

Тем не менее, в следующий миг из одной лачуги выходит человек. Очень крупный, мускулистый торс цвета меди. Кусок красной ткани опоясывает бедра. Задумчиво он ее развязывает, глядя на трех приближающихся белых. Теперь он абсолютно обнажен. Мочится на воду. Эммануэла не видела никогда, даже на картинках, чтобы мужской член в покое был таким длинным как этот — его размер такой же, как у ее мужа во время эрекции. «Какая красота!» — думает она. — «И сам мужчина красивый». Когда они проходят мимо него, он смотрит на нее с расстояния не более метра. Она думает лишь об одном — об этом пенисе. Если он выпрямится... Но сиамец остается холодным, как лед. Он смотрит на полуобнаженные груди Эммануэлы, а его член не двигается. Иностранцы удаляются.

Несколько последующих минут Эммануэла не видит ничего вокруг себя. Может это длится только несколько секунд, так как ее мысли прыгают из тьмы на луну, с трамплина в пустоту, их ритм не тот, что в нормальной жизни: они появляются быстрее, следуют на большом расстоянии, растворяются со скоростью света, кошачьи глаза, светлячки, падающая звезда, отблеск на воде, которые, едва появившись, исчезают.

Во время этой игры света марионетки цвета плоти проходят перед ней, как на выдуманной сцене. Но она не узнает среди них ни одну из обычных фигур комедии: Полишинеля, Арлекина, Пьеро, Коломбины. Всего лишь один тип персонажей предстает перед ее критическим взором — фаллосы.

Они действительно ведут себя, как актеры, соревнуясь в правдоподобности, в умении, готовые на все, чтобы их любили. Их больше, чем Эммануэла когда-либо видела. Потому, что, в конечном счете, она их видела очень мало! Она старается вспомнить все фаллосы, которые она знала. Знала вблизи... С быстротой, которая не удивляет ее, она их видит в реальной величине на воображаемом екране. Их четкие очертания, которые невозможно перепутать, заменяются профилями театральных фаллосов.

На первом месте, конечно, фаллос Жана, такой, каким она его запомнила в тот день, когда он ее дефлорировал, и такой, какой он и сегодня, поздравляет она себя: «Моя несравнимая звезда! Даже если я увлекусь когда-либо другими звездами, никогда я не потеряю свою склонность к первому фаллосу, который раскрыл передо мной настоящую жизнь: жизнь, в которой играют. Он продолжает играть свою роль, так как я это люблю: без жестикулирования и гримас. От декламации, мелодрамы, штампа, повторения меня клонит ко сну. Этот фаллос — актер, конечно, но не дешевый комедиант. Не трагик! Не мим! Ему не надо использовать трюки, для того чтобы тронуть меня. Он не хвалится тем, что заставляет меня забыть окружающий мир, чтобы лучше понять его. И я не устаю на него смотреть. Он красив! Тогда почему он стесняется и крас-

неет, если я начинаю его восхвалять? Он как артист, который избегает публики. Его скромность тоже нравится мне, думаю. Признаю, что переполняюсь гордостью, когда он входит в меня и останавливает мое дыхание. Мне хочется быть его единственной публикой. Буду даже очень гордиться, если он сохранит только для меня свои жете батю, пике, глиссе, фуэте, прыжки, пуанты, антраша, все, на что он способен в своей профессии балетиста. Я не знаю, есть ли это слово в мужском роде, надеюсь что нет — это было бы лишним. Член-балерина — это более красиво и совсем ясно, по крайней мере, для кошки-балетмейстера».

Совсем рядом пыжится фаллос соседа по кабине в самолете. Довольно-таки плохой актер, считает она. Но он один из тех, которым снисходительно и простодушно прощают такой маленький недостаток, он как безрассудные каскадеры, рыцари, которые несутся быстрее собственной тени, как герои эпохи больших завоеваний. У таких есть, в конце концов, известные основания быть довольными собой: хотя бы желание разделить это удовольствие со спутницей по забегу.

Классическая скульптура, живая колонна, обвитая плющом, мраморная теплота члена, который тоже находит Эммануэла на этой сцене, сразу вызывают сердцебиение. Она не ожидала почувствовать, что все еще увлечена им. Божество разрушенного храма, которое в том самом полете на бесконечном расстоянии от земли, в пространстве одного объятия превратило ее в нимфу. Вписано ли его возвращение языком будущего во времени?

Она не удивляется, что ее взгляд узнает легко четвертый член, который, однако, не имеет особых заслуг, чтобы участвовать в этом спектакле. Визуально она его связывает с юношей, который был украден странствующими весталками из посольства. Надо думать, что почти женственная плоть этого члена, чья агрессивная твердость удивляет парадоксальностью, его живая кожа под мягким светом ламп, его вертикальность, непропорционально большие размеры его кончика, возвышающегося далеко над колючим руном (как цветок столетника, громоздящийся на скандальном стебле, окруженный черными проникающими точками), все эти аномалии дипломатического вечера произвели сильное впечатление на Эммануэлу, поэтому она так ясно их помнит. Почувствовал ли интуитивно этот фаллос ее сожаление, что успела увидеть его только мельком? Может поэтому он возвратился? Но зачем? Она все еще не может дотронуться до него.

От члена Кристофера, его она не видела и не трогала, конечно, и следа нет на экране. Так же, как и от Марио. Ничего и от Квэнтина. А тупые рельефы, которые поднимались под брюками и хвастались, прикасаясь к ее лобку во время танцев в Париже, вообще не имеют места в этом кортеже верности. Эммануэла верит и привязывается только к тому, который идет с гордо поднятой головой и открытым лицом.

Член сиамца, на который она только что смотрела, хоть и пре-

небрег ею, не дает повода для сомнений. Она не может его поставить на полку вместе с книгами в картинках, тайными фотографиями или порнографическими абстракциями, которые она недавно рассматривала с подругами. «Так как, если я и не видела много фаллосов из плоти и крови, зато слышала много разговоров на эту тему!» Она вспоминает то, что говорили девочки в школе, в университете, на пляже, на теннискорте. Обычно, плохое. Они находили, что этот орган неприспособленный, некрасивый, варварский, капризный. Мужчины, уверяли они, думают только об их размерах, а ограниченные возможности создают у них комплексы. Они горько ошибаются! Женщины не так уж интересуются этой стороной вещей. Они мечтают о поцелуях больше, чем о плотской любви.

Эммануэла мысленно призывает в свидетели по ее особому подходу к теме своих спутников-эквилибристов, идущих по качающемуся понтону (они все еще смущают ее, и она не смеет говорить громко о своих убеждениях): «Я не могу согласиться, понимаете, с теми девчонками, которые безразличны к красоте возбужденного члена. Твердость, нежность, вкус этого органа — незнакомцы, с которыми я хотела бы познакомиться. Его высота, цвет, изгиб, подвижность, толщина и есть мотивы моей страсти, так же, как и увлажняющиеся губы или песня любви. Я, которая могла быть еще девственной, я благодарила слабость и силу, что чудесным образом преображают мужчин, которые меня желают. Я угадываю, что они чувствуют, когда их желание проникнуть в меня становится душой и искусством. Мне нравится, когда они больше прохода, который я им предоставляю. Я не называю дикими их излишества, ни варварскими их несоразмерности. Я не сержусь, что их бесконечное движение рассекает меня, как мысль, и выходит, как крик, из моих уст».

В то же время подозрение мучит ее: «А может это я меняюсь, как фаллос, в котором зреет новый оргазм? Может это результат всех слов, которые мне были сказаны в течение половины ночи?»

Она спотыкается, делает резкое слепое движение и хватается за спину Марио. Он не поворачивается и не старается помочь ей. Она сама в данный момент думает только о члене сиамца. Она стремится оживить этот образ, поскольку не смогла взволновать реальность. Вот! Она успела! Тупой угол, который образовывал темный прут с черным лакированным животом, становится по воле наблюдательницы острым. Кончик пениса, который в действительности был лишь более тонким продолжением цилиндрического тела, уже не имеет той мягкости и не вырисовывает нисходящую кривую. Оригинальная линия была ускользающей и инертной. Придуманная — ироничной и счастливой, выразительной и нежной. Старания при этом созидании превращают саму Эммануэлу в фаллос. Она полна энергии и с нетерпением хочет отдать свою силу. Как только она захочет это, как только два присутствующих органа сочтут, что момент настал, фаллос проникнет в Эммануэлу,

в ее влагалище. Твердый слиток заполнит желанный мягкий изгиб. Навеки. Там состарится. Но не умрет там никогда.

Успеть увидеть снова член нагого мужчины, который мечтал на берегу мертвой воды! Увидеть его сейчас, когда Эммануэла заставила его осознать свою мечту, перейти с ней на другую сторону...

Эммануэла останавливается, как вкопанная. Она решила вернуться назад. Перед ней Марио продолжает идти вперед. Молчаливая тень Квэнтина ждет. Но, как коварный туман, который поднимается над каналом и охлаждает лунные лучи, ясное мгновение назад желание медленно теряет свою отчетливость, постепенно тает. Видения, порожденные ее желанием, смешиваются с движением воздуха, потом блекнут, как истрепанные любовницы, и, наконец, исчезают. Эммануэла уже не знает, чему она так восхищалась. Ее ночная уверенность исчезает при пробуждении после праздника, оставляя смутное сожаление о погасших огнях.

Перекресток. Призрачная трасса разветвляется.

Марио колеблется. Советуется с Квэнтином, наконец, выбирает одно из разветвлений. Эммануэла боится, что он ошибается, потому что они еще долго идут. Но не смеет сделать замечания. С тех пор, как сошли с лодки, она не произнесла ни слова. Вдруг она вскрикивает. Деревянная дорога поворачивает и входит во что-то, похожее на двор. (Эммануэла чуть не подумала, что это просвет — ей казалось, что она потерялась в джунглях.) Прямо напротив, высотой в двадцать метров возвышается сказочный силуэт, который она заметила еще издали, над крышами, но приняла за дерево. Вблизи это Чингизхан с лихими усами, безжалостными глазами, с кинжалами на поясе, руки, с выступающими мускулами, смягченные лунным светом лежат на кинжалах.

Сердце Эммануэлы бьется, как сумашедшее. Несомненно колдовство начинается. Через миг появятся гримасничающие монголы. Эммануэла будет предана ритуалу кровавой магии. В то время как ее воображение, быстрее разума, строит целый мир из химер, ее нервный смех свидетельствует, что она еще не потеряла полностью самообладания. Полуприслонившись к статуе покорителя, балерина в пачке, миниатюрная рядом с гигантом, отправляет звездам сдержанную улыбку. Вокруг, в перемежку, другие персонажи из разноцветного картона; одни стоят, большинство опрокинуто.

— Странное впечатление производят эти рекламы кино в таком месте, — говорит она, в желании успокоиться от звука собственного голоса. — Я удивляюсь, как их привезли сюда. Значит сюда есть иной путь, а не только эта невероятная дорога? (Она подозревает немного своего гида, может он подверг ее ненужным испытаниям.)

— Нет, — говорит Марио.

Он считает лишним добавить что-либо другое.

Идут через склад плакатов, проходят межд[illegible] ног вели[illegible] обходят забор из гофрированного железа, входят в небол[illegible]

рик, в который из полуоткрытой двери пробивается желтый свет. Марио останавливается на пороге, зовет кого-то, потом входит, не дождавшись ответа. Эммануэла постепенно теряет спокойствие. Это место враждебно... Ее обволакивает неопределенный запах. Что-то среднее между пылью, дымом, лакрицой и чаем. В комнате без окон, куда они вошли, единственная мебель — лавочка, накрытая порванным кретоном. Грязная занавеска, ужасного голубого цвета, скрывает глубину комнаты. Почти тотчас же какая-то рука раздвигает ее, и в комнату входит женщина.

Ее вид немного успокаивает Эммануэлу. Это старая китаянка (ей, вероятно, не менее ста лет, думает посетительница), ее лицо с совершенным овалом все в морщинах, похоже на блин. Цвет лица, напоминающий старинную слоновую кость, почти оранжевый. Блестящие белые волосы, заботливо приглаженные на висках, затянуты в узел. Прорези глаз и губ настолько узки, что их трудно различить между складками кожи. И только когда старуха начинает говорить гортанным голосом, показывая почерневшие зубы, Эммануэла определяет точно, где находится ее рот. Руки спрятаны в рукавах накрахмаленной туники, молочный цвет которой контрастирует с блестящим шелком черных брюк.

Закончив довольно длинную речь, на которую Марио, кажется, не обратил никакого внимания, хозяйка сгибается вдвое с поразительной гибкостью, потому что так и кажется, что она сделана из мертвого дерева. Она поворачивается и уходит в глубину барака. Они безмолвно следуют за ней. В помещении, через которое они проходят, абсолютно темно. Эммануэле кажется, что в нем движутся тени. Ей откровенно страшно. Потом они входят в совсем маленькую комнатку, в которой она с чувством отвращения видит двух дряхлых стариков, вытянувшихся нагишом на нарах из лакированного дерева. Ее глаза моргают, она успевает заметить ребра, выступающие под коричневой кожей с белыми пятнами, расширенные и затуманенные зрачки, кажется, не видят ее. Поспешно бросает взгляд и на их сморщенные пенисы и высушенные тестикулы, но они переходят уже в другую комнату, которая отличается от первой может только тем, что пуста. Старая китаянка останавливается. Она их привела. Снова дает какие-то наставления и пропадает, как бы сквозь землю.

— Что происходит? — с беспокойством спрашивает Эммануэла. — Что она говорит? Что мы делаем в этой дыре? Все здесь выглядит отвратительно!

— Вам просто так кажется, — говорит Марио. — Все обветшало, но чисто.

Появляется другая женщина, значительно моложе первой, но гораздо некрасивее. Она несет на круглом подносе спиртовку с продолговатым стеклом толщиной в палец. Эммануэла никогда не видела такого массивного стекла, даже на лупе. Крошечные круглые оловянные коробочки, длинные стальные иглы, похожие на те, что используются для вязки чулок, сухие пальмовые листья, наре-

занные прямоугольниками, и инструмент, который Эммануэла вначале не узнает: трубка из коричневого бамбука, полированная до блеска, длинная, почти как рука, и по диаметру похожая на флейту. На первый взгляд кажется, что трубка закрыта с двух сторон пробками из нефрита, но она замечает, что одна из них в действительности имеет дырочку шириной в спичку. По всей длине трубка инкрустирована позолоченным серебром. На расстоянии двух третьих от пробитого конца видно что-то похожее на деревянный восьмигранник, отполированный так, что пламя лампы танцует на нем, меняя цвет. Он довольно сплющенный, размером с кулак Эммануэлы и как бы балансирует на трубке, к которой прикреплен в одной только точке. Там лежит серебрянный тигель величиной с пол-ореха, связанный с пластинкой из искусно отделанной слоновой кости, потемневшей с годами, на которой красуются драконы и веселые тигры. Верхняя поверхность восьмигранника выгнута, в центре — углубление размером в жемчуг, на дне которого видно совсем маленькое отверстие.

Марио опережает вопросы своей ученицы:

— Дорогая, это трубка для курения опия. Правда красивый предмет?

— Это трубка? — восклицает она. — Совсем не похоже. Куда же ставить табак? В эту смешную дырочку? Наверное быстро кончается.

— В нее кладут не табак, а небольшой шарик опия. И делают только одну затяжку. Потом меняют шарик. Но будет лучше, если вы попробуете сами.

— Неужели вы собираетесь заставить меня курить этот наркотик?

— А почему бы и нет? Я хотел бы, чтобы вы знали, в чем состоит эта игра или искусство — как хотите. Потому что надо знать все.

— А... если мне понравится?

— Что в этом плохого?

Марио смеется:

— Будьте спокойны, я привел вас сюда не для того, чтобы приучать к опию. Это только прелюдия.

— А что случится потом?

— Придет время узнаете. Не будьте нетерпеливой, дорогая. Церемония опия требует совершенного душевного спокойствия.

Эммануэла повернулась:

— Если мне понравится, я смогу вернуться?

— Разумеется, — ответил Марио.

Вопросы Эммануэлы, казалось, развлекали его. Он смотрел на нее снисходительно, почти с нежностью:

— Я думала, что курить опий запрещено? — спрашивает снова она.

— Конечно. А также заниматься любовью вне брака.

— Если полиция нагрянет, что будем делать?

— Попадем в тюрьму.

Марио скорчил гримасу и добавил:

— Но сначала попробуем подкупить полицейских, торгуя вашими прелестями.

Эммануэла скептически улыбнулась. Она дразнит его:

— Но поскольку я замужем, я могу быть выставлена на торг только ценой другого преступления.

— Это преступление вы и представители закона с божьей помощью совершите.

Он сделал то же, что и дома: оголил одно плечо Эммануэлы и грудь. Взял эту грудь в свою руку и спросил:

— Не правда ли?

Лицо Эммануэлы выразило сомнение, но и удовольствие, потому что она была счастлива, что Марио раздел ее и прикоснулся к ней.

— Разве вы не согласитесь оказать нам троим эту услугу? — спрашивает он.

Она успокоила его:

— Конечно. Вы же знаете...

Потом, с некоторым колебанием добавила:

— А полицейские... сколько их участвует в таких видах облав?

— О! Не более двадцати!

Она снова засмеялась.

Служанка оставила свой поднос в центре нар. Марио отпустил грудь Эммануэлы (которую она не прикрыла), обхватил ее талию рукой и заставил сделать шаг вперед:

— Ложитесь сюда, — сказал он.

— Я? Но разве здесь чисто? Кроме того, выглядит не очень удобно!

— Зачем хозяевам тратиться на матрац, раз этого дыма достаточно для того, чтобы смягчить каждый угол, превратить в перину самую жесткую лежанку? И к тому же, не жалуйтесь: матрац моется труднее дерева. Пусть эта мысль уменьшит ваше беспокойство.

Эммануэла присела с отвращением на кончик лакированной площадки, а ее спутники спокойно вытянулись с двух сторон так, что вместе они образовали круг около лампы. Немного спустя она успела преодолеть свою брезгливость и так же, как они, облокотилась на локоть, подставив под голову ладонь руки. Она не могла оторвать глаз от длинного пламени, которое поднималось без трепета в толстом стекле. Картина завораживала ее.

Китаянка встала на колени возле нар и открыла одну из маленьких коробочек. Она была полна чем-то непрозрачным, темным, похожим на затвердевший мед. Краешком длинной спицы женщина взяла каплю величиной с пшеничное зерно, подержала ее немного над лампой, завернула в кусочек тонкого листа, который держала в другой руке, потом снова поднесла к пламени. Капля почернела и зашипела, вздулась, удвоила размеры, окрасилась

в прекрасные тона, стала такой чистой и блестящей, что все предметы, украшенные огоньками, отражались в ней, она кипела жизнью.

— Как красиво! — прошептала Эммануэла.

Теперь она думала, что стоило прийти сюда даже только из-за этого зрелища. «Я никогда не устану смотреть на этот маленький шарик. Он как драгоценный камень, который хочет что-то сказать. Но ни один камень не может быть таким красивым!»

Двадцать полицейских, думала она. Слишком много... Но чтобы спасти Марио от тюрьмы, вероятно, она сделала бы это. Она почувствовала жалость, когда женщина, закончив придавать капле опия форму крошечного прозрачного цилиндра, точно повторяющего очертания углубления трубки, ввела его внутрь быстрым движением и вытянула спицу. Не теряя времени, она повернула трубку, так что чашечка оказалась внизу, над лампой, почти касаясь отверстия пылающего стекла. Она протянула мундштук Марио, который приложил его к своим губам и вдохнул. Пламя поднялось, обугливая янтарную бусинку. Затяжка Марио, втягивающая таинственный дым, показалась Эммануэле бесконечной.

— Ваша очередь, — сказал он. — Не выпускайте дым через ноздри, не задыхайтесь, не кашляйте, вдыхайте медленно и продолжительно.

— Я никогда не смогу!

— Неважно! Вы же развлекаетесь.

Служанка приготовила новую трубку: снова коричневое солнце засветилось на конце магической палочки, раздуваясь и трепеща, словно наполненное желанием. Эммануэла видела в нем образ влагалища, зовущего своими вспыхнувшими губами огненный член, который пронизывал их, оставляя их разбитыми, сгоревшими, пресыщенными. Приятно, думала она, чувствовать, как ее наружные половые органы увлажняются по мере того, как переливающаяся капелька вздувается от сладострастия над пламенем. Этот ритуал нравился ей. Казалось, что, следуя ему, она готовилась публично, церемониально заняться любовью. Она держала свою оголенную грудь в чаше своей руки, она была счастлива. Одного только не хватало картине, для полного совершенства: чтобы китаянка была красивой, очень молодой и очень послушной, с невинным лицом и отдающимся телом, которое Марио, Квэнтин и она постепенно бы раздевали и играли вместе или по очереди, каждый по своему вкусу, и до предела своего удовольствия. Как жаль, что ее учитель не все предусмотрел! Она собиралась сказать ему об этом, но не посмела. Был момент, когда она так сильно желала девичьи ноги, которые бы сплелись с ее ногами, и половой орган девушки, чтобы проникнуть туда пальцами, что китаянка показалась ей почти красавицей. Когда ей протянули трубку, она оставила опий сгореть, не прикасаясь. С первого раза затяжка не получилась: женщине пришлось снова проколоть стальной иглой золотистую

бусинку опия. При второй попытке дебютантка успела втянуть маленькую порцию дыма. Она искренне засмеялась.

— Мне нравится вкус, — сказала она, — а еще больше запах. Немного похоже на карамель! Но першит в горле.

— Надо выпить чаю!

Марио распорядился, служанка поднялась и скоро принесла маленькие пиалы, такой же маленький теракотовый чайник и самовар с кипятком. Маленький чайничек был полон до краев зеленым чаем. Она внимательно налила в него немного дымящейся воды и немедленно вылила содержимое в пиалу: зелье было коричневого цвета. Разнесся резкий запах, пахло скорее жасмином, чем чаем. Эммануэла обожгла язык и вскрикнула.

— Нужно вдыхать губами глоток воздуха вместе с чаем, чтобы охладить его, — сказал Марио. — Тогда вы сможете пить его горячим, не обжигаясь. Вот так.

Послышалось бульканье.

— Но это же дурной тон! — возмутилась она.

— В Китае так принято.

Теперь пришла очередь Квэнтина сделать затяжку. Он не сумел этого сделать так хорошо, как его друг.

— Я хочу попробовать снова, — нетерпеливо воскликнула Эммануэла, очень возбужденная новым занятием. — Я уверена, что на этот раз у меня будут невероятные ощущения. О чем я буду мечтать?

— Ни о чем. Во-первых, опий не создает видения, он создает ясность и освобождает вас от телесной и духовной нищеты. Во-вторых, прежде, чем почувствовать что бы то ни было, вам придется выкурить много трубок.

— Конечно! Я их выкурю!

— Вы получите еще одну и все. Если вы продолжите сегодня вечером, все удовольствие ограничиться тем, что я буду держать вашу голову, пока вы вывернете желудок.

Эммануэла была не так уж огорчена запретом Марио, так как от новой трубки получила приступ кашля и она не показалась ей такой ароматной, как первая. Что касается Марио и Квэнтина, ни тот ни другой не повторили.

— Вы что, боитесь отравиться? — дразнила их спутница.

— Дорогая моя, — ответил Марио, — я доверю вам очень важный секрет. Дело в том, что опий, если его принимать в излишке, лишает своих почитателей порядочной части их мужских способностей. А мы пришли сюда, как вы знаете, не для удовольствия ума, а для удовольствия плоти.

— Да, конечно! — сказала Эммануэла, снова чувствуя себя не в своей тарелке.

Ей казалось, что эта убогая обстановка не очень подходила для любовной игры (особенно теперь, когда ее собственное желание улетучилось!). Она спрашивала себя, какую роль придется ей играть теперь.

— Мы не забыли, — продолжил ее наставник, — вы спрашивали нас, что мы делаем с мальчиками? Так вот! Восхитительная особа, которая величаво царствует, как вы видели, в этой нелегальной курильне, воспитывает также для спокойного отдыха прекрасных юношей, и мы попросим показать нам ее коллекцию.

Он сказал несколько слов служанке, и она изчезла. Через секунду она появилась снова вместе с китаянкой со сморщенным лицом, которая стала отвешивать свои поклоны. Марио ей сказал что-то. Старуха снова поклонилась, пронзительно тявкнув. Дурнушка, которая готовила трубки, засуетилась.

— Хозяйка говорит только по-китайски. К тому же, на таком наречии, который никто не понимает, — объяснил Марио. — Она позвала другую, чтобы та переводила.

— А вы на каком языке говорите?

— На сиамском.

Он снова обратился к хозяйке. Фразы проделывали сложный путь, преображаясь из-за ситуации. После минутного обмена словами Марио сообщил:

— Она ответила на мое требование другим предложением. Это соответствует правилам игры.

— Что предлагает она?

— Девушек, конечно. Я ей сделал необходимые замечания. Тогда она предложила показать нам порнофильмы.

— А почему бы и нет? — сказала Эммануэла.

— Так мы же пришли сюда не для этого. Она предлагает также организовать живое представление: две девушки, которые нежно занимаются любовью перед нами. Здесь нет ничего, что могло бы заинтересовать вас, не правда ли, Эммануэла?

Она сделала гримасу, которую можно было толковать как угодно. Марио продолжил переговоры и снова сообщил результат:

— Я потребовал привести нам мальчиков в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет, которые бы имели развязный язык, стройные бедра, живой мозг и хорошо поставленный член.

Эммануэла прикрыла грудь. Старуха, посмотрев на нее настойчиво, снова заговорила своим резким голосом, который каждый раз заставлял вздрагивать молодую француженку. Прислужница перевела и Марио коротко ответил.

— Почему она так сильно тявкает? — спросила Эммануэла.

— Хотела узнать, для кого мальчики — для меня или для вас.

— И... что вы ответили?

— Для обоих.

Эммануэле показалось, что стены пошатнулись: может это действовал опий? Но нет, Марио сказал...

Старуха говорила еще что-то. Казалось, она жалуется с силой дыхания, как Иеремия, умножая поклоны, и, наконец, закончила на высокой ноте, подняв руки к небу.

— Чувствую, что здесь что-то не так, — сказал Марио, еще до того как служанка начала переводить.

— Действительно, — подтвердил он немного погодя, — эта сумасшедшая старуха упрямо твердит, что этой ночью не имеет в распоряжении ни одного жеребенка. Знатные иностранцы приходили до нас и увели их. Вероятно, придется заплатить ей дороже.

Он продолжил разговор. Последовала отчаянная жестикуляция. Марио настаивал. В конце концов сказал:

— Не хочет отказываться от своих басен. Придется искать счастья в другом месте.

Долго переговаривался с Квэнтином.

— Настаивает остаться здесь, — доложил Марио. — Он уверен, что успеет получить то, что хочет. Сомневаюсь, но это его проблемы. Предлагаю оставить его и идти дальше. Как вы насчет этого?

Эммануэла того и ждала. Атмосфера в этом бараке начинала тяготить ее. Тем не менее, когда прощалась с Квэнтином, она испытала неожиданное угрызение совести. «Это уже слишком!» — осудила она себя. — «Я приняла его, как незаконно вторгшегося самозванца, как надоеду. Провела весь вечер недовольная его присутствием, исключая те моменты, когда забывала о нем полностью. Мы не обменялись и парой слов. И вот теперь я вдруг переживаю из-за него. Это слишком! Наверное я теряю голову... »

Но все же, покидая его, она чувствовала, как сердце сжимается.

Они снова прошли мимо скелетов с блуждающими глазами, которых видели, идя сюда.

— Эти двое нравятся вам? — спросила она притворно.

Она сердилась на Марио и на его друга за их настойчивое желание найти себе мужчин. Не могли хотя бы этой ночью удовлетвориться ею? А если действительно не любили женщин, тогда почему притворялись и один и другой, что испытывают такой интерес к ней!? А эта идиотка Мари-Ан! Как можно быть настолько безмозглой, чтобы рекомендовать ей двух педиков! Пусть только попадется, она заставит ее пожалеть об этом!

— Что же такое находит Квэнтин в мальчиках? — атаковала она. — Не очень красиво с его стороны так бросить нас.

Хотела добавить (она была в этом уверена), что он совсем не выглядел отвращенным женщинами, пока ласкал ее ноги. Но Марио не дал ей возможности:

— Любовь с мальчиком всегда будет иметь для мужчины нечто такое, что женщины имеют только по исключению, — сказал он, — нечто ненормальное. Другими словами, это соответствует дефиниции о произведении искусства, как я уже описывал его вам в начале вечера. Для меня любить мальчика эротично именно потому, что, как справедливо говорят дураки, это против природы.

— А вы уверены, что это не просто ваша природа?

— Уверен! — сказал Марио. — Я люблю женщин. Долгое время не допускал мысли лечь с мужчиной. Но я пересилил себя. Впервые попробовал в прошлом году. Излишне говорить, как я

был восхищен. Как видите, и мне было необходимо долгое время, чтобы понять.

Эммануэла испытывала противоречивые чувства. Спрашивала себя, что из всех рассуждений Марио —правда.

— И после этого первого опыта вы часто занимались этим... искусством?

— Я всегда стараюсь сохранить во всем необычайность: ведь многократное повторение... Как знаете, это точно наоборот.

— Но, — настаивала Эммануэла, — за этот прошедший год вы занимались любовью с женщинами?

Марио рассмеялся:

— Что за вопрос! Разве я похож на образец целомудрия?

— Со многими? — настаивала она.

— Меньше, уверяю вас, чем имел бы любовников, если бы родился красивой женщиной.

Он прибавил с улыбкой уважения к спутнице:

— Любовников и любовниц!

Этот ответ не удовлетворил Эммануэлу, которая начала нервничать:

— Но кого вы предпочитаете? — спросила она почти со злостью.

Марио остановился: они дошли до того места, где прогалина переходила в досчатые мостки. Он взял Эммануэлу за плечи и притянул к себе. Она ожидала, что он ее поцелует.

— Я люблю то, что красиво! — сказал он с нажимом. — А то, что красиво, никогда не бывает тем, что я уже раз делал, и что легко удается. Это то, что делают впервые в жизни с собой и с кем-то другим и что отбрасывают в бесконечность, до того как оно приняло свою мертвую форму.

Мужчина и женщина — другой мир среди созданного мира.

— Красиво то, что не существовало до вас и не будет существовать без вас и не будет более в вашей власти, когда несправедливость смерти повалит вас на эту землю, которую вы любите.

Гордые в своем одиноком знании. Сильные совершенными помыслами.

— Красив тот момент, который был ничем и который вы сделали незабываемым. Это существо, которое было ничем и чью единственную форму противопоставили судьбе и бесформенному множеству.

Затерявшиеся безумцы, разрушающие карту проложенных дорог.

— Красиво превозмочь преклонение к вашей нации и вашему веку, страх скандала и порицания с тем, чтобы из вашего отказа быть похожей на ваших малодушных отцов, ваших безликих матерей, ваших лицемерных братьев и опустившихся сестер, родилось что-то новое.

Разные — но каким уродством?

Заблуждающиеся — но по какой глупости?

Чужие — но какому стаду?

Битые — но из какой мести?

Изгнанные — но в какое будущее?

— Красиво спешить к открытиям, рваться вперед, взвешивая опасность и не вспоминая о прошлых наслаждениях, делать то, что еще не пробовали и не испытаете снова, потому что дни и ночи вашей жизни будут только те, которые вы обогатили чем-то необычным. И кто же на небе или на земле вернет вам дни и ночи, которые вы потеряли?

Лунный свет превращает их в камень: статуя Марио держит в своих руках образ женщины.

— Красиво, — говорит камень, — все испытать и ни от чего не отказываться, суметь узнать все. Бесчисленные тела, похожие на нас, мужчины и женщины, «ад или небо, не важно... на дне неизвестного найти новое!»

На четырех углах перекрестка — пустые, прямые, нереальные, совсем одинаковые переходы.

— Красиво то, что никогда не имеет одного и того же вкуса и не имеет вкуса чего-либо другого.

Черные волосы на обнаженных плечах между пальцами кондотьера.

— Красиво быть противоположностью стадного животного, пугливого или ленивого, каким родился.

Силуэт татарского героя закрывает луну.

— Красиво не останавливаться, не садиться, не засыпать и не оборачиваться назад.

Часы ночи сделали свой круг, стальные звезды плывут, невидимые в освещенном небе.

— Красиво сказать «нет» желанию, которое сковывает, привязывает или ограничивает вас. И говорить «да», всегда «да», несмотря на усталость, тому, которое множит вас и ведет вперед и заставляет делать больше достаточного и необходимого, и больше того, чем довольствуются остальные.

Приоткрыты двери к желтому свету: входят тени, выходят тени. Бессонные ночи.

— Красиво находить каждый день новый повод удивиться, причину восхититься, предлог для усилия и победы над соблазном притяжения и над удовлетворенностью — грустью возраста.

Мое сердце открывается твоему голосу...

— Красиво неустанно меняться. Потому что каждая перемена — прогресс, каждое однообразие — могила. Довольство и смирение одно и то же, что отчаяние, и тот, кто останавливается и отказывается стать другим, уже избрал свою смерть.

Гонг храма приглушен шумом насекомых.

— Конечно, можно в любой момент предпочесть покой надгробия, погрузиться в посредственность существования без желаний, как восковая дева в оправу из драгоценных камней. Появляясь из тени, двое детей идут, взявшись за руки.

— А я, который стремлюсь завоевать вас не для смерти, а для жизни, я говорю, что тогда лучше было бы, если бы вы вообще не рождались. Потому что каждая застывающая человеческая жизнь — мертвый груз на нашей планете и мешает развитию нашего человечества.

Они брат и сестра. Они будут заниматься любовью.

— Знайте, Эммануэла! Завтрашний день планеты будет таким, каким его сделает сила открытия вашего тела. Если случится так, что ваша мечта померкнет и ваши крылья переломятся, если несчастье захочет, чтобы ваше любопытство устало, чтобы ваша проницательность и постоянство переломились и ваша воля открывать и обновлять пошатнется, это будет конец надеждам и шансам людей: будущее будет всегда похоже на прошлое.

Белая балерина между ногами воина.

— Способность любить делает из вас невесту мира. Так что судьба всех зависит всецело от вашей страсти и вашей храбрости. И если вы откажетесь завоевать одного только мужчину или только одну женщину, о любовница-невеста, этого будет достаточно, чтобы их род отказался завоевывать световые годы туманности.

Голос Марио заставляет умолкнуть песню сверчков.

— Понимаете? Я несу вам не удовольствие мгновения, а удовольствие дали. Счастье не там, где вы находитесь, оно там, куда вы стремитесь в мечтах.

Во все более многочисленных объятиях.

— Ах! Да, Эммануэла! Я не утоляю вашу жажду иллюзиями, а обжигаю вас реальностью!

В центре треугольника, образованного звездами Альфа Волова-ра, Альфа Весов и Альфа Девы.

— Я учу вас не самому удобному, а самому дерзкому.

Эммануэла сказала:

— Возьмите меня. Ведь вы еще меня не знаете. Для вас я буду иметь вкус нового.

С удивлением увидела уважение во взгляде Марио. Он покачал головой:

— Это было бы слишком легко. Я хочу большего, оставьте меня вас вести.

Он подтолкнул ее вперед.

— Давайте, станьте снова акробаткой!

Послушная, она зашагала впереди. Когда дошли до перекрестка, Марио решил пойти по другой дороге, не по той, по которой пришли.

— Я покажу вам что-то необычное, — пообещал он.

Скоро они дошли до широкого канала. Или это была настоящая река? Казалось, что она извивается. Ее берега были покрыты травой.

— Мы еще в Бангкоке?

— Да. Но это место неизвестно иностранцам.

Теперь они шли через луга, и так как каблучки Эммануэлы утопали в мягкой почве, она сняла туфли.

— Вы порвете ваши чулки, — сказал Марио. — Не хотите снять их?

Она оценила его внимание. Села на ствол срезанного дерева, которое лежало тут же. Подняла юбку. Прохладный воздух напомнил ей, что ее трусики находятся в кармане Марио. Свет луны был таким сильным, что, пока она снимала подвязки, ясно был виден ее живот.

— Я не устаю смотреть на красоту ваших ног, — сказал Марио. — Ваших длинных и гибких бедер...

— А я думала, что вас все легко утомляет...

Он только улыбнулся... Ей не хотелось двигаться...

— Почему бы вам не снять и вашу юбку? — предложил Марио. — Вам будет удобнее идти. А мне доставит удовольствие смотреть на вас так.

Она не колебалась ни минуты. Встала и развязала пояс.

— Что мне с ней делать? — спросила она, протягивая ему юбку.

— Повесьте ее на дерево, мы ее возьмем на обратном пути. Все равно придется снова проходить здесь.

— А если ее украдут?

— Ну и что? Думаю вам не будет неприятно вернуться домой без нее.

Эммануэла воздержалась от ответа. Они снова зашагали. Под блузкой из черного шелка ее ноги, несмотря на загар, казались странно светлыми в ночи. Марио шел рядом. Затем взял ее за руку.

— Мы пришли, — сказал он через несколько минут.

Перед ними стояла низкая, наполовину разрушенная стена. Марио помог своей спутнице подняться на кирпичи и перепрыгнуть на ту сторону. Подняв голову, она вздрогнула. Возле нее на корточках сидела человеческая фигура. Рука Эммануэлы сжала руку Марио.

— Не бойтесь. Это мирные люди.

Она хотела сказать: но моя одежда! И опять страх сарказма Марио удержал ее. Ей было так стыдно, что, казалось, не сможет сделать ни шагу. Она чувствовала бы себя лучше совсем голая. Марио потянул ее за собой. Прошли мимо человека, который смотрел на них блестящими глазами. Эммануэла не могла сдержать дрожь.

— Посмотрите, — сказал Марио, показывая пальцем, — видели что-нибудь подобное?

Она посмотрела в направлении его руки. На дереве с огромным стволом, обвитым множеством корней и лиан, висели странные плоды. Посмотрев пристальнее, Эммануэла увидела, что это фаллосы. У нее вырвалось восклицание восхищения. Может это материализовалось ее недавнее видение? Или, скорее всего, она снова видит сны, стоя? Марио объяснил:

— Это приношение для получения сексуальной силы или плодовитости. Их толщина зависит от богатства поклонника или от срочности просьбы. Должён сообщить вам, что теперь мы находимся в храме.

Это напомнило Эммануэле о ее неподходящем виде.

— Если какой-нибудь священник увидит, как я одета?

— Мне кажется, что для святилища, посвященного Приапу, вы вполне подходяще одеты, — сказал Марио смеясь. — Все, что связано с его культом, священно в этом месте, то есть рекомендовано.

— Это и есть то, что называется лингам? — спросила Эммануэла, так как любопытство было сильнее замешательства.

— Не совсем. Лингам связан с индуизмом и довольно стилизирован: по форме напоминает столб, забитый вертикально в землю, и часто необходимо иметь глаза верующего, чтобы признать его. Здесь, как сами можете убедиться, выполнение предмета не оставляет никаких сомнений. Это скорее копия природы, чем произведения искусства: Город Ангелов — наверное вам уже говорили, что это настоящее имя Бангкока. Точнее его сокращенное имя. Чтобы придерживаться протокола, город надо называть Крунгтхен, Пхра-Маха-Накхорн Амори Ратанакосиндр Махинтхара Боромараджатхани... Боромнивет... Маха Сатхан Бурирам, ла. Что также неполное название и означает: «Преподобная столица Ангелов, (или богов, если хотим быть этимологически точными и начать излишнюю метафизическую полемику), Сокровище драгоценностей Индры, Величие бога Индры, Верховный царский мегаполис, Августейший город, Высшее место, Город Радостей». Или что-то в этом роде. Последнее слово «ла», которое весело прерывает это словоизлияние, означает просто «и так далее», потому что полное и точное имя этого города занимает три или четыре страницы. По крайней мере, так говорят.

Размеры фаллосов, которые висели на ветках, были в диапазоне от банана до базуки, но реализм деталей во всех случаях был одинаков. Все были сделаны из резного и окрашенного дерева. Маленькое красное пятнышко украшало канал. Кожа была изображена глубокими складками по длине члена. Изгиб члена во время эрекции был представлен с потрясающей жизненностью.

Они свисали с деревьев сотнями. Восковые свечи, вставленные в деревянные подсвечники, были повсюду в этом саду членов: большинство были потушены, но зато горели многочисленные ароматичные палочки, как те, которые зажигаются перед статуями Будды или на алтаре предков и чей приторный запах долго не покидает вас. Зажженные кончики палочек светились в ночи красными точками.

Эммануэла с ужасом заметила, что некоторые из этих огоньков двигаются. Ночь была так светла, что не надо было делать больших усилий, чтобы заметить, что их держат руки людей. Не один, а четыре, пять, шесть, десять мужчин, не менее. Они сидели на корточках, как тот первый, которого они встретили.

Один выпрямился. Она увидела, что он подходит. Приблизившись на несколько шагов, он снова опустился на корточки. Его взгляд выражал сильный интерес. Почти сейчас же двое, потом четверо присоединились к нему. Уселись рядом. Один из новопришедших выглядел совсем молодым, почти ребенком. Остальные были более взрослые. Среди них был и почти старик. Никто не произносил ни слова. Они продолжали держать в руках ароматические палочки.

— Вот симпатичная публика, — пошутил Марио. — Что мы им сыграем?

Он снял один из фаллосов относительно скромных размеров:

— Я не знаю, не совершаю ли я прегрешения, — сказал он, — но делаю это смело. Во всяком случае мне кажется, что они не обижаются.

Он протянул кусок дерева Эммануэле.

— Правда приятно к нему прикасаться?

Она его потрогала.

— Покажите им, что бы вы сделали руками для того, чтобы оказать ему честь, если бы он был живым.

Эммануэла подчинилась без возражений, даже с известным облегчением, потому что на секунду испугалась, что Марио захочет, чтобы она вставила его в себя. Мысль об его грубости и грязи отвращала ее.

Ее пальцы нежно ласкали предмет, как будто действительно надеялись доставить ему наслаждение. Наконец, сама она поверила в эту пародию, даже уже жалела, что не может использовать губы: но действительно инструмент был слишком пыльным!

Она сознавала, что взгляды мужчин зажглись. Их лица вытянулись. Марио сделал движение. Почти сразу же она увидела его выпрямленный член, более толстый и более красный, чем пенис из дерева.

— Теперь иллюзия должна уступить реальности, — сказал Марио. — Ваши руки должны быть такими же нежными с плотью, как они были с неживой материей.

Эммануэла поставила культовый предмет в дупло (она не посмела бросить его на землю) и взяла послушно член Марио. Он повернулся лицом к сидящим мужчинам, чтобы они могли лучше видеть.

Время остановилось. Никто не издавал ни звука. Эммануэла вспомнила о «гуманизме», принципы которого Марио ей перечислил в гостиной на борту канала, и старалась до такой степени, что у нее закружилась голова. Уже не различала, от Марио или от ее собственного сердца, появились пульсации в ее руке. Вспоминала также его совет «до бесконечности!». И невероятно старалась «тянуть и продолжать». Несмотря на это, наконец побежденный утонченными и разнообразными ласками, Марио попросил кончать, и она сделала это последним движением, очень любящим, очень неотразимым и очень долгим, от которого он впал в сладострастные

конвульсии. Даже тогда, превозмогая хрипы в горле, он шептал, чтобы она не прекращала усилий:

— Давайте!

В тот же миг он повернулся к дереву, с которого свисали плоды Приапа. Необычно длинная и густая струя пересекла ночь, обрызгивая деревянные фаллосы, которые от удара закачались на лианах.

— Теперь надо сделать что-то для наших зрителей, — сказал тут же Марио. — Который из них соблазняет вас больше всего? Испуг заставил Эммануэлу онеметь. Нет, нет! Она не могла дотрагиваться до этих людей, не хотела, чтобы они прикасались к ней...

— Разве бамбино не очарователен? — сказал Марио. — Я бы тоже проявил к нему слабость. Но этой ночью оставляю его вам.

Не спрашивая более Эммануэлу, он сделал юноше знак и сказал ему что-то. Тот медленно встал, подошел к ним с достоинством, совсем не стесняясь: казалось даже с высокомерием.

Марио снова сказал что-то, и мальчик снял свои шорты. Нагим он был еще красивее. Эммануэла, несмотря на свое смущение, оценила это. Мальчишечий член тянулся к ней.

— Всасывайте и пейте, — распорядился Марио обычным тоном.

Эммануэла и не подумала отказаться. Она была в состоянии такого смятения, что, казалось, движения сами по себе не имели для нее особого значения. Подумала только, что предпочла бы сделать это с тем голым мужчиной, которого они недавно встретили на дощатой дороге...

Она опустилась на колени на густой и мягкий газон, взяла член в свои руки, отодвинула нежно кожу, которая покрывала до середины кончик. Он сразу увеличился в объеме. Эммануэла взяла его губами, как будто хотела сначала попробовать. Задержала так на момент, в то время как рука скользила вверх по стержню. Потом внезапно с решительностью она втолкнула член в глубину рта так далеко, что ее губы дотрагивались до голого живота, и нос дышал в пушке. Она остановилась на мгновение, потом сознательно искусно, не мошенничая и не спеша, начала движение туда-сюда губами.

Это, однако, было для нее настоящим мучением, и в первые минуты она должна была бороться с тошнотой в горле. Не то, что она считала падением факт, что предавалась любовной игре с незнакомым мальчиком. Та же игра, предложенная Марио, с каким-нибудь блондинчиком, пахнувшим одеколоном в буржуазном салоне парижской подруги, вероятно, искренне бы понравилась ей. Она чуть было не изменила своему мужу впервые (не сознавая, что изменяет, потому что с мальчиками это выглядело просто игрой), до того как уехать из Парижа, уступая ухаживанию довольно-таки настырного младшего брата одной из ее собственных любовниц! Им помешали на минуту раньше, но согласие Эмману-

злы, во всяком случае, было уже получено, не мысленно, а чисто физически. Далее случай более не представился. Она вспомнила об этом теперь, и решила, что по природе была довольно развратна. С тех пор мысленно она занималась десятки раз любовью с этим маленьким мальчиком, который узнал от нее только влажный, полный желания орган, в который и начал было входить. Но с этим было совсем иначе. Он не возбуждал ее, наоборот, он пугал ее. Кроме того, она сначала ужаснулась при мысли, что он может быть грязным. К счастью, теперь убедилась, что это не так и вспомнила с облегчением, как старательно сиамцы моются по нескольку раз в день. Во всяком случае, она не получала никакого удовольствия. Делала это только из уважения к Марио, но ее чувства и вкус отказывали подчиниться.

По крайней мере, думала она, выполню хорошо свою работу! Гордость заставляла ее обращаться с мальчиком так, чтобы оставить у него незабываемые воспоминания. Говорил же ей муж, что ни одна женщина в мире не умела, как она ртом, предаваться любовной игре!?

Постепенно она сама вошла в игру, забыла, кому принадлежит этот пенис, ей начали нравиться его сила и тепло и позволила ему рыться в ее горле и найти по своему вкусу место, где закончить наслаждение. Почувствовала, что ее губы и клитор становятся чувствительными, закрыла глаза и позволила чувствам охватить ее. Когда ее ласки достигли цели, извержение спермы на ее язык доставило ей такое большое удовольствие, как это бывало с Жаном. Вкус был другой, ей понравилось. Не имело значения, что все эти мужчины смотрели на нее: она захотела, в свою очередь, получить наслаждение. Прежде, чем пенис покинул ее рот, она притронулась кончиками пальцев к своему клитору и отдалась оргазму в объятиях Марио, который впервые поцеловал ее губы.

— Я же обещал научить вас отдаваться по деталям? — сказал он, когда они перескочили в обратном направлении разрушенную стену. — Довольны?

Она была довольна. Но все же не успела освободиться от своего стеснения. Молчала. Он продолжил задумчиво:

— Очень важно для женщины пить много спермы и то из самых разных источников.

Его голос стал неожиданно пылким:

— Вы должны это делать, потому что вы красивы, — настойчиво сказал он.

— А нельзя ли быть красивой и оставаться честной? — вздохнула она.

— Можно, конечно, но за свой счет. Разве простительно не использовать возможности своей красоты, чтобы получить то, о чем столько женщин, лишенных грации, всю жизнь молятся напрасно в своих чаяниях?

— Кажется, вы думаете, что все женщины только и желают сладострастия.

— А разве есть другое благо?

Никто не украл ее юбку. Она надела ее и пожалела о бывшем удобстве. Пошли в новом направлении. Она спрашивала себя, сколько еще им идти. Как раз собралась пожаловаться, но вышли на настоящую улицу.

— Мы возьмем сам-ло, если найдем, — сказал Марио.

Эммануэла никогда не пользовалась этим, столь редким транспортным средством, мысль «попробовать» ей понравилась. Было соблазнительнее ехать в беспечном ритме велорикши, чем рисковать жизнью на каждом повороте в такси. Они прошли по улице несколько сот метров, до того как встретили свободного рикшу. Водитель (которого также называли «сам-ло», то есть «три колеса», отождествляя с его транспортом, как сказал Марио) сидел, задумавшись, на земле. Как только увидел их, он сделал приглашающее движение к узкой скамеечке, покрытой красным бархатом.

Марио поговорил минуту, вероятно договариваясь о цене, потом сделал знак Эммануэле садиться и сам сел возле нее. И несмотря на то, что оба были худыми и стройными, им пришлось тесно прижаться друг к другу. Триколка тронулась. Марио обнял рукой плечи своей спутницы, и она счастливо прижалась к нему. Садясь, нарочно подняла юбку высоко, показывая ноги, зная, что они нравятся ему. Внезапно ей в голову пришла мысль, которую сама она сочла фантастической и сумасшедшей. Никогда до сих пор она не делала таких вещей по собственной инициативе и то в центре улицы. Она собрала весь свой кураж.

Повернулась к Марио. Рукой, которой старалась придать уверенности, она растегнула пуговицу. Потом все остальные. Рука ее скользнула и взяла уснувший член. Только теперь она перевела дыхание.

— Очень хорошо, Эммануэла! — сказал Марио. — Я горжусь вами!

— Правда?

— Да. Ваш жест имеет место в царстве эротики, так как общепринято, что мужчины должны проявлять инициативу и женщины должны оставлять их действовать. Когда женщина делает первый шаг, и то в момент, когда мужчина этого не ожидает, создает эротическую ситуацию высшего класса. Браво! Или вернее сказать на моем родном языке: брава!

Она чувствовала рукой, что одобрение Марио не только морально.

— Вспомните эту формулу и при других обстоятельствах, — продолжал он, — и тогда все будет хорошо. Разумеется, она должна по правилам подчиняться условно новизне.

— Как это? — спросила Эммануэла. Она начала легонько ласкать Марио.

— Если вы признанная любовница данного господина и раздеваетесь перед ним, без того чтобы он вас пригласил сделать это, в чем таится неожиданность? И тогда, где эротика? Но если посол,

за завтраком, познакомил вас с приезжим дипломатом и попросил сопровождать его в храм Лежащего Будды, и вы пригласили его выпить чашку чая в вашей гостиной, чтобы отдохнуть от усталости и, сидя возле него на прекрасном диване из белого шелка, вы снимаете вашу блузку и встряхиваете при этом ваши волосы, этот непосредственный жест оставит в памяти вашего гостя незабываемый след. На смертном ложе он вспомнит о вас, ваш образ будет его последней утехой. После этого начала перед вами раскрывается множество возможностей. Например, вы ограничиваете этим вашу инициативу и с обнаженной грудью церемонно разливаете чай, не забывая спросить, как он его пьет — с одним или с двумя кусочками сахара. Очень возможно, что именно в этот момент он не сможет вспомнить. Впрочем, судя по ответу, вы сможете решить, какие шаги предпринять дальше. Если он настолько взволнован, что скажет: восемь или четырнадцать, или один метр, не ждите, чтобы он сделал следующий шаг, поставьте два кусочка и подойдите к нему. Действуйте тогда так же, как теперь со мной, и спросите, что он предпочитает: насладиться до или после чая и каким образом: в вашей руке, в вашем рту или в вашем влагалище. Остальное не имеет значения. Атмосфера создана. И шедевр, как вы любите говорить, на правильном пути. Если, наоборот, ваш посетитель сохранил какое-то присутствие духа, оставьте его сделать то, что необходимо, то есть наброситься на вас и вести себя, как фавн, которого вы разбудили в нем: это будет в вашу пользу. Другой раз, для разнообразия, вы снимете не только вашу блузу, но вы разденетесь до наготы, не переставая ни на минуту вести себя, как светская дама, и не проявляя ни малейшего волнения. Когда, придерживая юбку левой рукой, перешагнете через ее круг вашими длинными ногами танцовщицы и опустите ее небрежно на стоящий рядом пуф, когда вы снимите, конечно, если носите, ваши трусики и спрячете надежно в вазу с орхидеями, вы снова сядете с правой стороны вашего гостя и слегка опуститесь на подушки дивана, улыбаясь. Если ваш гость окажется парализованным от неожиданности, расскажите ему, для того чтобы привести в себя, как вчера вечером вас изнасиловали два вооруженных ножами негра и какое удовольствие вам это доставило. Долго описывайте члены ваших мучителей и то, что они делали с вашим телом. Если он все еще не двигается, мастурбируйте перед ним. Ну и третий вариант с другим известным гостем: вы не будете раздеваться, но после того как возьмете чайник, и прежде, чем спросить о сахаре, вы его спросите невинно: «Не хотители после чая заняться любовью? Мой супруг вернется только через час». Если случайно гость постарается смыться, под предлогом старой раны или обета, данного у изголовья кармелитки, или из-за заповеди в Кодексе Хамураби, которая ему запрещает наслаждаться до захода солнца, вы находите правильный тон и, не показывая вашего презрения, говорите: «Вы правы! Как это мне пришло в голову? Я же выходя замуж дала обет верности, и поскольку я никогда не изменяла мужу, будет

лучше, если не сделаю этого и сегодня». Дурак не простит себе никогда, что потерял такую жемчужину, как вы. Если он вдруг решит воспользоваться, ни в коем случае не поддавайтесь. Пусть он попробует злоупотребить, а вы вызовите полицию, пусть суд разберется. Ни один суд не поверит бессмыслицам, которыми он будет защищаться, хотя это и будет чистой правдой.

Эммануэла была в восторге от размеров, которых, благодаря ее стараниям, достиг член Марио. И несмотря на это, она сказала ему, не скрывая сарказма:

— Господин профессор, слова, что вы советуете мне произнести, если я хорошо помню, точно те, которые я вам сказала менее часа тому назад. Так как вы меня нечестно оттолкнули, я сдам вас первому жандарму, который пройдет.

Марио добродушно улыбнулся.

— Я обожаю вашу руку, — сказал он, — не меняйте вашей манеры. Дорогая, не старайтесь казаться более глупой, чем вы есть. Вы знаете очень хорошо, что нет ничего общего между ситуацией, которую я вам описал, и нашими отношениями.

Эммануэла не видела разницы, если не считать, конечно, отсутствие чая. Несмотря на это, она не имела настроения спорить: ласки, которые она ему давала, зажигали ее собственные чувства, даже сотрясения триколки по неровной земле увеличивали ее удовольствие.

— Этот сам-ло и не догадывается, какой спектакль пропускает, — сказал Марио.

Он свистнул. Мужчина сразу повернул голову: его глаза посмотрели на одного, потом на другого пассажира, он широко улыбнулся.

— Мы ему нравимся, — констатировала Эммануэла.

— Да мы нашли соучастника, — сказал Марио. — Ничего удивительного, потому что он красив. Существует международное франк-масонство красоты. Известные вещи разрешены только красивым. Монтерлан писал в одном из писем Пьеру Брасеру, заметьте, очень правильно, что «не шалости вульгарны, а показная добродетель».

— А еще до него Куртлин сказал, — цитировала Эммануэла, чтобы не отстать. — «Настоящий стыд это скрывать то, что некрасиво».

— А вы стыдитесь вашей груди?

— О! Нет!

Рукой, которая не ласкала Марио, она вытянула свою блузку из юбки и попробовала стянуть ее через голову. Марио помог ей. На секунду ей пришлось отпустить возбужденный член, но сразу снова взяла его.

— Теперь мне хочется встретить кого-нибудь, — сказал Марио.

— Что, сам-ло уже недостаточно в качестве свидетеля? — спросила Эммануэла.

— Он уже не свидетель, он судья и соучастник.

Марио снова окликнул его и сиамец повернулся на своем седле. Он казался очень впечатленным почти полной наготой пассажирки, и трехколесная коляска сделала резкий внезапный поворот в сторону. Все трое звучно засмеялись. Эммануэле показалось, что она немного пьяна. Во всяком случае, это было не от выпитого кьянти.

Желание Марио исполнилось. Одна машина опередила их и резко затормозила. Эммануэла подумала, что она остановится. Сердце ее упало. Однако машина уехала. Невозможно было увидеть лица пассажиров.

— Может быть кто-нибудь из ваших друзей? — жестоко предположил Марио.

Она не ответила ничего, но горло ее сжалось. Она предпочла думать только о том, как лучше его ласкать. Другой сам-ло с двумя американскими моряками ехал навстречу. Они раскричались как павлины, увидев спектакль. Марио и Эммануэла сделали вид, что не видят и не слышат ничего. Моряки безнадежно жестикулировали, пытаясь остановить обоих рикш, но их водители, не дрогнув, продолжали ритмично нажимать на педали.

— Где предпочитаете насладиться? — спросила Эммануэла. — В моей руке, в моем рту или же в моем влагалище?

Он не сразу ответил. Она наклонилась, взяла его в свои губы, впустила его в глубь рта. Услышала, что он читает стихи:

Пока я тебе не скажу:
Устал, жизнь моя, не могу более!
Устал, мой Бог, не могу более!
Тогда твои уста отделятся,
Чтобы уже мертвый я вздохнул,
Потом отдадут мне все до конца.

Любопытство заставило ее выпрямиться и спросить:

— Это ваши стихи?

— Конечно нет, — запротестовал Марио, — это извлечение из «Первого дня стада», автор —ваш соотечественник Реми Бело, живший в XVI веке.

— Неужели?! — рассмеялась она.

Прежде чем она успела снова наклониться, они оказались перед воротами сада Марио.

Он освободился от рук своей спутницы, соскочил с коляски и поправил одежду. Эммануэла сошла в свою очередь, но не сочла необходимым одевать блузку, которую держала в руке вместе с сумкой. Ее грудь прекрасно выглядела при свете луны.

Марио открыл калитку. Сам-ло также сошел и невозмутимо ждал, чтобы ему заплатили. Итальянец так внезапно вскочил на седло, что человек не успел сдвинуться, а велорикша был уже в саду и Марио давил на педали со всей силой. Сиамец и Эммануэла остались лицом к лицу. Вдруг оба разразились смехом. Молодой человек принимал с хорошей стороны капризы своего клиента.

Пока что скорее его интересовали контуры груди Эммануэлы, чем судьба рикши. Она первая пустилась в погоню за беглецом. Нашла его на деревянной площадке перед домом. Он стоял ликующий и держал руль велорикши.

— Что за сумашедший! — посетовала нежно молодая женщина.

— Мне тоже нравится ваша грудь, — сообщил он, как будто бы долго обдумывал этот вопрос.

— Мне повезло!

Она была польщена больше, чем хотела признать. Не спеша подошел сам-ло. Марио заговорил с ним, произнес настоящую речь с интонацией, паузами, красноречием. Эммануэла удивлялась, о чем он мог говорить. На лице сиамца нельзя было ничего прочесть. Вдруг он ответил что-то, глядя на Эммануэлу. Марио заговорил снова. Парень кивнул утвердительно головой.

— Все, договорились! Мой герой найден! — сказал Марио. — Зачем искать далеко то, что можно найти у своих дверей!

— Что? Вы хотите сказать...

— Конечно! Разве вы не считаете, что он достоен моего внимания?

В этот раз Эммануэла была готова заплакать. Любезности Марио во время поездки заставили ее забыть все предыдущие неприятности. Она, более или менее сознательно, ожидала, что как только они войдут в дом, он обнимет ее. Была готова провести остаток ночи здесь — если он этого захочет, и даже не подумывала возвращаться домой. И вот! Он ничего не хотел. Единственное, что у него в голове,— это найти мальчика для своей постели! Эммануэла посмотрела на него, ее глаза были полны слез. Она уже смутно различала его. Неужели он так красив? Раньше он показался ей похожим на боксера...

— Дорогая! Не надо заранее мучиться, — сказал весело Марио, прервав, как всегда, мрачные мысли Эммануэлы. — Вы увидите, у меня невероятная идея. Вы опять меня оцените. Входите быстрее.

Он открыл дверь, притянул ее, обняв за талию. Она подчинилась, все еще продолжая дуться. Ей надоели идеи Марио. Но все же ей было приятно вернуться в гостинную с ее зонами света и тени, красным кожаным диваном и приторным запахом канала. Теперь, кажется, уже по нему не проплывало много лодок. Было так поздно или, скорее, так рано! Вдруг ей захотелось спать. Какая ночь!

Марио принес огромные стаканы с зеленой жидкостью, в которых блестели кристаллы.

— Ментоловый коктейль «на скале», — сообщил он. — Вот что придаст силы моей возлюбленной!

Его возлюбленная? Эммануэла горько усмехнулась. Сам-ло стоял в центре комнаты, как чужой. Он взял с очевидным стеснением бокал, предлагаемый Марио. Втроем выпили молчаливо. Ей

очень хотелось пить, поэтому сразу опрокинула свой бокал. Марио был прав: она почувствовала себя лучше, приободрилась. Вдруг он сел возле нее, обнял ее и поцеловал в левую грудь.

— Отдайтесь мне, — сказал он.

Подождал, чтобы лучше увидеть произведенное впечатление.

Эммануэла настолько опешила, что не могла реагировать. Кроме того, она была не уверена.

— Отдайтесь мне, сквозь этого красивого пастуха, — продолжил Марио. — Сквозь — в точном смысле слова, я пройду через него, чтобы достичь вас. Отдайтесь мне, как никому до сих пор, и как никогда не отдавалась другая женщина. Вы будете принадлежать мне более, чем какое-либо другое живое существо принадлежало когда-то кому-то.

Он протянул перед ней руку, как будто хотел ее защитить, и продолжил:

— Но вы хорошо знаете, что я употребляю такие слова, как «притягать», «отдавать», «принадлежать» только для удовольствия сейчас же от них отказаться. Потому что я хочу не обладать вами, а отдать вас. Я отдам вас расточительно, как сокровище, которое каждый честный человек и не думает сохранить для себя одного. Я перед вами не для того, чтобы вас задержать, я пришел сломать решетку темницы, где мы вдвоем заперты уже тысячелетия. Вы не есть и не будете никогда для меня собственностью. После того, как мы займемся любовью, вы не будете принадлежать мне более, чем принадлежите на этой земле какому-либо другому мужчине, семье, секте, каким-либо правилам. Вы будете принадлежать только вашей собственной мечте, мечте, которую вы решили пережить не в одиночестве. Эту мечту я и сам-по переживем вместе с вами. В пространстве ночи, во время объятий мы будем жить втроем жизнь, которую сами себе создали: это будет наша любовь, это будет наша вечная жизнь.

Его глаза погрузились в глаза Эммануэлы, как в то бесконечное море, которое он звал ее открыть. Голос его уже звучал издалека.

Она ответила, но как бы сама себе:

— Только ночью человек может открыть новые звезды.

Марио поднял голову к небу, которое виднелось сквозь стебли навеса.

— Может быть одна из них, самая незнакомая, самая далекая ждет, чтобы получить ваше имя, — сказал он.

Она решилась:

— Идем искать ее вместе!

Второй раз он поцеловал ее в губы. Эммануэле эта ночь казалась светлее любой другой. Она была готова. И нетерпелива...

— Вашего первого любовника, — воскликнул Марио, — вы получите сейчас.

Ей стало немного стыдно, что она обманула его, что не призналась в своих авантюрах в самолете. Но разве это было важно? Те-

перь это происходило впервые с ее полным согласием, с абсолютной ясностью и пониманием вещей, после предварительного раздумья. Она хотела изменить. В известном смысле, именно это предстоящее, обручит ее с первым любовником...

— Первый из многих других? — спросил он, как будто хотел убедиться, что она поняла урок.

— Да, — ответила Эммануэла.

Как прекрасно отдаться полностью желанию! Женщина, отдающаяся только одному, не может знать, какой шаг делает та, которая дает обет полностью, одновременно принадлежать нескольким, всем мужчинам. Ни одна женщина никогда не будет такой сладострастной, как она, в этот момент. Какая другая смогла бы совершить это чудо, изменяя впервые своему мужу, изменить со всеми теми, которые будут ее желать в будущем?

— Вы не откажетесь? — настаивал Марио.

Она кивнула утвердительно головой. Она думала: «Если ему или мне придет мысль отдаться этой ночью десяти мужчинам, я это сделаю».

Он, однако, потребовал от нее, чтобы она отдалась только сам-ло. Она сняла юбку и осталась на диване, откинувшись на подушках, мягкость которых ее восхищала... Ее пятки уперлись в шерсть ковра и она обвила руками талию мужчины, когда он начал старательно входить в нее. Когда он полностью вошел, Марио, который сидел возле Эммануэлы и целовал ее, выпрямился и встал за сам-ло. Его руки обняли бока мальчика и Эммануэла почувствовала что они дотронулись до ее рук.

Эммануэла услышала, что он стонет от удовольствия. Моментами стон переходил в крик.

— Теперь я в вас, — сказал Марио. — Я рассекаю вас мечом, в два раза более острым, чем у любого другого смертного. Вы это чувствуете?

— Да. Я счастлива, — сказала Эммануэла.

Твердый пенис сиамца вышел из нее на три четверти, возвратился, ускоряя свой ход. Она не старалась понять, кто доставляет ей наслаждение: она взвыла, ее тело извивалось в конвульсиях на мягкой коже дивана. Двое мужчин присоединили свои стоны к ее. Их общий зов прорезал ночь, и собаки вдали ответили бесконечным лаем. Но это их не касалось. Они существовали в другом мире. Внутренняя гармония управляла этим трио, как часовой механизм. Они постигли глубокое, настоящее единение, более совершенное, чем у любой пары. Руки сиамца мяли груди Эммануэлы, и она рыдала от удовольствия, изгибая поясницу, чтобы он проник еще глубже в нее, задыхаясь от счастья, которое не могла вынести, умоляя разорвать ее — не беречь ее, а полностью насладиться.

Марио чувствовал, что силы сам-ло неисчерпаемы, но сам он не выдерживал более. Он вонзил ногти в плоть своего партнера, сам-ло вошел еще глубже в тело Эммануэлы, и отдался толчку.

Эммануэла закричала еще сильнее, чем до сих пор, чувствуя, что вкус семени доходит до ее горла. Ее голос отразился от черной воды, и никто не мог сказать, к кому относится этот крик:

— Люблю! Люблю! Люблю!

Содержание

Литературно-художественное издание

Арсан Эммануэль

Эммануэла

Роман

Подписано в печать 10.12.91. Формат 84×108/32. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 10,2. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 200 000 экз. Изд. № 8.

РИФ “Дзвін , 252034, Киев-34, ул. Ярославов Вал, 17 в.

Отпечатано в типографии № 2 издательства и комбината печати “Радянська Україна , 252006, Киев-6, ул. Анри Барбюса, 51/2. Заказ № 02070731

Эммануэла

Первый эротический роман французской писательницы Эммануэль Арсан вышел в 1967 году, как бы предшествуя вспышке молодежных бунтов во Франции в том же году. Он принес писательнице мировую известность. Вместе с «Кама-Сутра» «Эммануэла» быстро становится одной из «библий сексуальной революции» и манифестом гедонизма. Авторитетный журнал «Констелясьен» называет ее «книгой счастья», в которой мораль, как искусство жизни и наслаждения, получила свое человеческое воплощение. Андре Пьер де Мадиарг так оценивает роман в журнале «Нувель Ревью Франсез»: «Несущее индивидуальность пера автора, это произведение оригинально само по себе и принадлежит литературе. Его эротический замысел оптимистичен, жизнеутверждающ и лучезарен. Роман прославляет человека, освободившегося от древних оков подчинения. Он противоположен тому, что нам дает чтение Д. Х. Лоранса и приближает к взглядам Бодлера».

Несомненно, массовый успех роману, переведенному более чем на 20 языков и изданному почти во всех странах Европы, принесли и фильмы режиссеров Джюста Джакини, Умберто Орсини, Джо Д'Амато и др., в которых главную роль сыграли актрисы Сильвия Кристель (на обложке) и Лаура Гемзер. Только с 1973 по 1979 гг. поставлено 12 фильмов, не считая десятков порноподелок, поставленных в 1981-1989 гг.

Надеемся, что этот перевод романа на русский язык, осуществленный впервые, представит интерес для читателя.